

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4, 2025. Декабрь

Журнал основан в 2024 г. и издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

Бабаев Кирилл Владимирович, директор ИКСА РАН — председатель

Абдуллаев Шерзод Маджидович, советник ректора Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистан)

Абдырахманов Толобек Абылович, ректор Кыргызского национального университета (Кыргызстан)

Арипов Элдор Тахирович, директор Института стратегических и межрегиональных исследований (Узбекистан)

Блохин Александр Викторович, Чрезвычайный и полномочный посол, советник директора ИКСА РАН (Россия)

Бордачев Тимофей Вячеславович, научный руководитель ЦКЕМИ НИУ ВШЭ (Россия)

Вижай Тхакур Сингх, генеральный директор Индийского совета по международным делам (Индия)

Курмангалиева Жанна Дулатовна, проректор Евразийского национального университета им. Л.С. Гумилева (Казахстан)

Лихачева Анастасия Борисовна, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Россия)

Лукин Александр Владимирович, научный руководитель ИКСА РАН, руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ (Россия)

Муканбетов Санжар Турдукожоевич, директор Национального института стратегических исследований (Кыргызстан)

Притчин Станислав Александрович, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Сафранчук Иван Алексеевич, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Стерник Александр Вадимович, директор Третьего департамента стран СНГ МИД РФ

Торкунов Анатолий Васильевич, ректор МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Тукумов Еркин Валитханович, Специальный представитель Президента Республики Казахстан по Афганистану (Казахстан)

Шагеева Рауза Абдрахмановна, вице-президент Экономического общества Республики Татарстан (Россия)

Усмонзода Хайридин Усмон, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан (Таджикистан)

Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета (Китай)

Редакция:

Д.П. Новиков (главный редактор), Л.А. Шашок (зам. главного редактора),
Г.О. Халова (зам. главного редактора), Н.И. Иллерицкий (секретарь редакции),
Е.А. Козлова (и.о. зам. главного редактора)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (499) 124-02-17

Е-mail: eurasianresearch@iccaras.ru

Сайт журнала: <http://eurasianresearch.ru>

Учредитель и издатель: Институт Китая и современной Азии РАН

Евразийские исследования*Научный журнал***Электронная версия**

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87180 от 22.04.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3380

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87051 от 19.03.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3372

DOI: 10.48647/ICCA.2025.84.76.001

Подписано в печать 29.12.2025.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Буйволова Е.Г.</i> Возможности и ограничения международного транспортного коридора «Север—Юг»	7
<i>Сурнова К.С.</i> Незаконная миграция и трансграничная безопасность в Центральной Азии: Киргизия и Таджикистан	16
<i>Новиков А.А.</i> Факторы, определяющие внешнеполитический курс Узбекистана в отношении Исламского Эмирата Афганистан	28
<i>Данилова Е.В.</i> Правовые основы и практика обеспечения информационной безопасности в рамках ШОС	43
<i>Аксенов М.А.</i> «Демолдовенизм» как основа современной политики памяти Молдовы на примере анализа школьных учебников по истории	55
<i>Дмитриева М.О., Кудрявцев К.С., Трошенков М.А.</i> Геополитика по-турецки: Центральная Азия во внешней политике Турции	76

ОБЗОРЫ МЕРОПРИЯТИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

<i>Козлова Е. А.</i> Международная молодежная научная конференция «Настоящее и будущее Евразии. История, политика, экономика и право»	96
---	----

CONTENTS

Editorial	6
------------------------	---

ACADEMIC PAPERS

<i>Buivolova E. G.</i> Opportunities and limitations of the North-South international transport corridor	7
<i>Surnova K.S.</i> Illegal migration and cross-border security in Central Asia: Kyrgyzstan and Tajikistan	16
<i>Novikov A. A.</i> Factors determining Uzbekistan's foreign policy towards the Islamic Emirate of Afghanistan	28
<i>Danilova E. V.</i> Legal framework and practices for ensuring information security within the SCO	43
<i>Aksenov M. A.</i> “Demoldovenism” as the basis of contemporary memory politics in Moldova, based on an analysis of school history textbooks	55
<i>Dmitrieva M. O., Kudriavtsev K. S., Troshenkov M. A.</i> Turkish-Style Geopolitics: Central Asia in Turkey's Foreign Policy?	76

REVIEWS OF EVENTS

<i>Kozlova E. A.</i> International Youth Scientific Conference “The Present and Future of Eurasia: History, Politics, Economics, and Law”	96
---	----

ОТ РЕДАКЦИИ

Заключительный номер 2025 г. редакцией решено было полностью посвятить молодым авторам, которые только пробуют свои силы в научных исследованиях. За последние годы стало ясно, что процессы в регионе Центральной Азии не только не перестают быть интересными для исследователя и аналитика, но и будут актуальными и важными в ближайшие десятилетия для политики нашей страны. С нашей стороны возможность дать «трибуну» начинающим авторам — вклад в тех, кто в дальнейшем будет выстраивать отношения с регионом, договариваться и развивать сотрудничество. Важно при этом отметить, что молодые ученые не боятся выбирать «горячие» темы — например, в этом номере вы найдете материалы по проблеме Афганистана и миграции. Готовы они работать и с новыми темами — такой как, например, информационная безопасность. Мы сознательно отказались от единой тематики для этого выпуска, дав возможность молодым авторам самим предложить интересные точки зрения по разным вопросам.

Мы надеемся, что следующий год будет богат на научные исследования и новые, интересные публикации. Поздравляем с наступающими праздниками!

Редакция научного журнала «Евразийские исследования»

EDITORIAL

The Editorial Board has decided to devote the final issue of 2025 entirely to early-career scholars who are taking their first steps in academic research. In recent years, it has become increasingly evident that developments in Central Asia not only continue to attract the sustained attention of researchers and analysts but will also remain highly relevant and significant for our country's policy agenda in the decades to come. From our perspective, providing a platform for emerging authors represents a contribution to the cultivation of those who will, in the future, shape relations with the region, engage in dialogue, and advance cooperation.

It is important to note that young scholars do not shy away from addressing “hot” and sensitive topics. In this issue, readers will find, among other contributions, analyses devoted to the challenges of Afghanistan and migration. At the same time, the authors demonstrate a readiness to engage with new and evolving research areas, such as information security. For this issue, we deliberately chose not to impose a single unifying theme, instead allowing young researchers the freedom to propose original perspectives on a wide range of questions.

We hope that the coming year will be rich in scholarly inquiry and marked by new and stimulating publications. We extend our warmest wishes for the forthcoming holidays!

The Editorial Board of Eurasian Research

Е.Г. Буйволова

Возможности и ограничения международного транспортного коридора «Север—Юг»

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и ограничения развития Международного транспортного коридора (МТК) «Север—Юг» в контексте изменений геополитической и внешнеторговой ситуации 2022—2025 гг. Изучается трансформация коридора из регионального инфраструктурного проекта в ключевой геополитический инструмент переориентации российских торгово-экономических связей с Запада на Восток и Юг. Исследование базируется на данных ФТС России, РЖД, ЕАБР. Выявляется динамика грузопотоков, рассматриваются инфраструктурные ограничения трех основных маршрутов, оценивается портфель инвестиционных проектов. Определены ключевые барьеры развития коридора, включая логистические и административные препятствия. Обоснованы перспективы увеличения пропускной способности к 2035 г. и трансформации МТК в альтернативу традиционным морским маршрутам.

Ключевые слова: Международный транспортный коридор «Север—Юг», Россия, Иран, Азербайджан, Индия, транспортная инфраструктура, геополитика, внешняя торговля.

Автор: Буйволова Елена Геннадьевна, магистрант программы «Международная торговая политика» Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ведущий специалист Управления международного многостороннего сотрудничества и интеграции, Российский союз промышленников и предпринимателей. ORCID: 0009-0000-4769-6875.
E-mail: buivolova.alena@yandex.ru

Elena. G. Buivolova

Opportunities and limitations of the North-South international transport corridor

Abstract. The article considers possibilities and limitations of development of the International Transport Corridor (ITC) «North-South» in the context of changes of geopolitical and foreign trade situation 2022—2025. The transformation of the corridor from a regional infrastructure project into a key geopolitical tool for reorienting Russian tra-

de and economic ties from the West to the East and the South is being studied. The study is based on data of FCS of Russia, RZD, EDB. The dynamics of cargo flows are identified, infrastructure constraints of three main routes are considered, and the portfolio of investment projects is assessed. Key barriers to corridor development have been identified, including logistical and administrative obstacles. The prospects of increasing capacity by 2035 and transforming the ITC into an alternative to traditional maritime routes are justified.

Keywords: North-South International Transport Corridor, Russia, Iran, Azerbaijan, India, transport infrastructure, geopolitics, foreign trade.

Author: *Buivolova Elena G.*, Master's student in International Trade Policy at the National Research University Higher School of Economics, Leading Specialist in the Department of International Multilateral Cooperation and Integration at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. ORCID: 0009-0000-4769-6875.
E-mail: buivolova.alena@yandex.ru

Международный транспортный коридор (МТК) «Север—Юг» трансформируется и превращается из регионального инфраструктурного проекта в ключевой геополитический инструмент России. В условиях санкционного давления 2022—2025 гг. коридор приобрел стратегическое значение как альтернативный маршрут доставки грузов.

По данным Федеральной таможенной службы, в 2025 г. экспорт России в Европу сократился на 15,7 %, что составило наибольшее падение среди всех региональных направлений. Доля Азии в совокупном экспорте увеличилась с 75,5 % до 77,7 %, сохранив лидирующую позицию и в импорте, составляя порядка двух третей [Итоги внешней торговли...]. Одновременно наблюдается стремительный рост торгово-экономических связей со странами Азии и Африки, в частности, товарооборот с Индией увеличился с 37 до 65 млрд долл. в 2023 г. [РИА Новости, 20.02.2024].

Период 2024—2025 гг. был отмечен ключевыми операционными достижениями в развитии МТК «Север—Юг». В ноябре 2025 г. состоялась первая отправка грузового поезда из России в сухой порт Априн (Иран). Состав из 62 сорокафутовых контейнеров с сульфатной целлюлозой преодолел маршрут за 13 дней, подтвердив транспортную эффективность в виде сокращения привычного времени доставки грузов [РИА Новости, 08.11.2025].

Не менее значимым событием стало подписание в 2024 г. меморандума о создании международного союза особых и свободных экономических зон МТК «Север—Юг» между союзом «Технологии и логистика» (Россия) и свободной торгово-промышленной зоной «Энзели» (Иран) [PortNews, 01.03.2024].

Геополитическое значение МТК «Север—Юг» в новых условиях

История создания МТК «Север—Юг» начинается в 2000 г., когда Россия, Индия и Иран подписали межправительственное соглашение о создании международного транспортного коридора. Первоначально проект рассматривался как

механизм развития регионов юга России и реализации транзитного потенциала страны в меридиональных направлениях [Лузянин, Семенова, 2023, с. 6]. Однако геополитические трансформации последних лет изменили роль и значение коридора.

Стратегическое значение МТК для России возросло в условиях переориентации внешнеторговых потоков с западного на восточное и южное направления. Коридор трансформировался из проекта развития регионов в ключевой элемент новой внешнеторговой стратегии. В условиях сокращения экспорта в страны Европы коридор стал артерией для диверсификации экспортно-импортных потоков. Важным институциональным фактором стало заключение соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Ираном в 2025 г., которое создало новую правовую и экономическую среду для двустороннего сотрудничества. Отмена минимального тарифа, введение тарифных квот и распространение льгот на 90 % товарной номенклатуры закрепили взаимные обязательства по преференциальному доступу на рынки [ЕЭК, 2025]. Присвоение Ирану статуса наблюдателя при ЕАЭС и подписание полноформатного Соглашения о свободной торговле создают дополнительные предпосылки для рассмотрения приоритетности развития МТК «Север—Юг». Территория и порты Ирана в Персидском заливе выступают важным звеном для обеспечения конечного выхода коридора к рынкам Индии и стран региона.

Согласно Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г., МТК «Север—Юг» является одним из приоритетных направлений развития и важнейшим элементом внешнеторговой стратегии России [Транспортная стратегия РФ, 2008]. Россия заинтересована в создании устойчивого, предсказуемого и рентабельного маршрута для экспорта своих товаров на быстрорастущие рынки Индии, Ирана и стран Персидского залива.

Подписание ряда соглашений в 2024—2025 гг. стало новым этапом в развитии коридора. Руководители железнодорожных компаний России, Ирана и Азербайджана на 83-м заседании Совета по транспорту СНГ в Баку согласовали новую стратегию и подписали Меморандум о формировании конкурентоспособных сквозных ставок и развитии логистических сервисов по западному маршруту международного транспортного коридора «Север—Юг» [РЖД, 2025]. Меморандум создает фиксированные и предсказуемые тарифы — недостающий элемент, который экспедиторы отстаивали годами.

Сопряжение МТК «Север—Юг» с ключевыми широтными коридорами, в первую очередь с направлением «Восток-Запад», создает новую логистическую связанность и обеспечивает интеграцию центральных регионов России в глобальные транспортные цепочки. Это особенно актуально для Астраханской области и Республики Дагестан, чей экономический потенциал напрямую связан с их выгодным геостратегическим положением.

Статистика свидетельствует о лидирующей роли Астрахани в грузоперевозках с Ираном — на этот маршрут приходится 91 % оборота её портов [N. Trans Lad, 2024]. Дагестан, концентрируя основные транзитные автомобильные и морские потоки МТК в СКФО, является основным бенефициаром от предстоящей модернизации транспортных путей.

Экономические параметры и товарная структура грузопотока

За период 2021—2023 годов наблюдался устойчивый рост грузоперевозок по Международному транспортному коридору «Север—Юг». Общий объём экспортно-импортных перевозок по коридору увеличился с 14,5 млн т в 2022 г. до 17,6 млн т в 2023 г. [N.Trans Lad, 2024, с. 22—23].

В структуре грузов преобладают продовольственные товары и зерно, а также черные металлы, древесина, целлюлозно-бумажные изделия и продукция химической промышленности. Наибольший рост в 2023 г. показали перевозки продовольственных товаров (до 7,8 млн т), черных металлов (до 0,94 млн т) и химической продукции (до 0,89 млн т).

Таблица 1. Динамика грузоперевозок по МТК «Север—Юг» по видам транспорта, тыс. т

Маршрут	Год	Железнодорожный транспорт	Автомобильный транспорт	Морской/речной транспорт	Всего
Западный	2021	5000	5400	—	10 400
	2022	5000	5400	—	10 400
	2023*	6200	6200	—	12 400
Транскаспийский	2021	1500	1000	900	3400
	2022	1500	1000	900	3400
	2023*	1500	1200	1100	3800
Восточный	2021	300	400	—	700
	2022	300	400	—	700
	2023*	500	600	—	1100
Итого по МТК	2021	6800	6800	900	14 500
	2022	6800	6800	900	14 500
	2023*	8200	8000	1100	17 600

* Данные за 2023 год являются предварительными оценочными.

Источник: составлено автором по данным отчёта N. Trans Lab, 2024.

Структурно грузопоток остаётся неравномерным по маршрутам. Западный обеспечивает более 70 % всего грузооборота коридора. Его объём вырос с 10,4 млн т в 2022 г. до 12,4 млн т в 2023 г. Этот маршрут является ключевым для торговли со странами Закавказья и Ираном, а также наиболее сбалансированным по использованию видов транспорта, с практически равным разделением между железнодорожными и автомобильными перевозками. Транскаспийский маршрут демонстрирует стабильность на уровне 3,4—3,8 млн т и отличается наиболее мультимодальным характером с использованием железнодорожного, автомобильного и морского транспорта. Восточный маршрут, несмотря на самый низкий абсолютный объём (0,7—1,1 млн т), показывает наиболее высокие темпы относительного роста.

Таким образом, рост грузопотока подтверждает растущую экономическую значимость коридора, хотя его структура указывает на необходимость дальнейшей диверсификации в сторону продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Инфраструктурные ограничения коридора

МТК «Север—Юг» включает три основных маршрута: западный (через Азербайджан), восточный (через Казахстан и Туркменистан) и транскаспийский (морской путь через Каспий). Каждый из них сталкивается с инфраструктурными ограничениями.

Западная ветвь МТК, проходящая через территории России, Азербайджана и Ирана, сталкивается с наиболее критичными инфраструктурными ограничениями. Ключевой проблемой остается недостроенный участок железной дороги Решт-Астара протяженностью 165 км в Иране, в котором осуществляется дополнительная перегрузка грузов с железнодорожного на автомобильный транспорт, что увеличивает время и стоимость перевозок [РБК, 2025].

По состоянию на ноябрь 2025 г., согласно заявлению губернатора провинции Гилян Хади Хакшенаса, строительство железной дороги Решт-Астара продолжается несмотря на международные санкции и региональную нестабильность [РИА Новости, 18.11.2025]. Иранская компания по строительству и развитию транспортной инфраструктуры сообщает о следующих параметрах проекта: государство выкупило 50 % земли у частных собственников, оставшаяся часть потребует около 104 млн долл.; общая длина линии составит 160 км, из них 40 км мосты и эстакады; завершено 10—15 % работ; ожидается дальнейшее финансирование со стороны России в размере 1,6 млрд евро; полный срок выполнения работ рассчитан на четыре года.

Критическим «узким местом» на российской территории является участок магистрали Дербент—Самур, чья пропускная способность не превышает 8 млн т грузов в год [Саламатов и др., 2024]. Инфраструктурные объекты вдоль транспортного коридора характеризуются существенной неравномерностью развития. В российской части маршрута преобладают двухполосные автомобильные дороги с предельной пропускной способностью до 14 тыс. транспортных средств в сутки, тогда как в Азербайджане и Иране магистрали имеют до четырех полос и обеспечивают пропуск до 40 тыс. автомобилей ежедневно.

Восточная ветвь коридора, обеспечивающая прямое железнодорожное сообщение через Казахстан и Туркменистан с выходом на железнодорожную сеть Ирана, характеризуется протяженностью около 4 тыс. км от Астрахани до порта Бендер-Аббас. Данный маршрут является наиболее регулярно функционирующим, однако сталкивается с ограничениями пропускной способности на территории Туркменистана и Ирана. Ключевой проблемой остается смена ширины железнодорожной колеи на границах.

Транскаспийская ветвь коридора предполагает комбинированные перевозки с использованием портовой инфраструктуры России (Астрахань, Оля, Махачка-

ла) и иранских терминалов на северном побережье Каспия. Протяженность логистического участка от Астрахани до порта Бендер-Аббас оценивается в 2,8 тыс. км. Эксплуатация данного маршрута сталкивается с рядом системных ограничений. Ключевыми проблемами являются недостаточная мощность российских каспийских портов (совокупный грузооборот Астрахани и Оли не превышает 11,4 млн т), а также критическое состояние грузового флота, средний возраст судов которого достигает 35 лет.

Дополнительными сдерживающими факторами выступают сезонная заледенелость акватории и прогрессирующее обмеление Волго-Каспийского морского судоходного канала (ВКМСК). С 2022 г. реализуется проект по углублению дна ВКМСК, позволивший обеспечить гарантированную глубину фарватера в 4,5 м [ТАСС, 2024]. По итогам 2023 г. объем перевалки грузов через каспийские порты России достиг 4,5 млн т, продемонстрировав рост на 51 % относительно показателей предыдущего года.

Перспективы развития до 2030—2035 гг.

Развитие МТК «Север—Юг» требует масштабных инвестиций в транспортную инфраструктуру. Согласно базе данных Евразийского банка развития, на всех трех маршрутах коридора реализуются или запланированы к реализации более 102 инвестиционных проектов общей стоимостью 38,2 млрд долл. [Евразийский банк развития, 2022].

Проекты разделены на три группы по степени приоритетности. Первая группа (критические узкие места) включает проекты общей стоимостью 10,7 млрд долл. Наибольший объем инвестиций (69 %) направлен на развитие западного маршрута МТК, в то время как восточному маршруту достается 11,1 %, а транскаспийскому — 19,2 %. Россия и Иран лидируют по объему инвестиций — 13,2 и 12,9 млрд долл. соответственно, что составляет 68 % от общей суммы.

Ключевые инвестиционные проекты первой группы приоритетности включают: завершение строительства железнодорожного участка Решт—Астара в Иране (1,6 млрд евро); модернизация железнодорожных линий Алят—Астара и Сумгаит—Ялама в Азербайджане; строительство обходов городов на автомагистрали Р-217; развитие и модернизация железнодорожных подходов к портам Астрахань и Оля; строительство многофункционального портово-логистического комплекса в порту Оля.

Стратегические перспективы развития МТК «Север—Юг» определены в рамках национального проекта «Развитие транспортной инфраструктуры». Согласно планам правительства, провозная способность должна составить 20 млн т к 2028 г., 30 млн т к 2030 г. и 35 млн т к 2035 г. [Национальный проект «Развитие транспортной инфраструктуры», 2024].

Потенциал контейнерных перевозок по МТК, включающий все три основных маршрута и все виды транспорта, оценивается от 5,9 до 11,9 млн т к 2030 г. При этом эффект сопряжения МТК с евразийскими широтными транспортными

коридорами обеспечивает от 2,3 до 4,4 млн т, или порядка 40 % совокупного потенциала контейнерных перевозок [Винокуров и др., 2022, с. 45].

Интеграция коридора в рамках ЕАЭС и Большого Евразийского партнерства открывает возможности для создания единого евразийского транспортного пространства. В этом контексте МТК «Север—Юг» рассматривается не как отдельный проект, а как элемент комплексной транспортной стратегии, направленной на укрепление связанности евразийского континента.

Заключение

Международный транспортный коридор «Север—Юг» стал ключевым геополитическим инструментом России в новых условиях. Он обеспечивает переориентацию торговых потоков с Запада на быстрорастущие рынки Азии и Ближнего Востока. Институциональным продолжением данного процесса стало заключение полноформатного Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Ираном, которое создало экономико-правовую основу для роста взаимного товарооборота. Практическим подтверждением растущей роли коридора стал рост грузопотока до 26,9 млн т, а также успешный запуск первого поезда в Иран и создание союза экономических зон.

Подтверждением возрастающей значимости коридора также служит устойчивая динамика грузопотока, объем которого за 2021—2023 годы увеличился на 21 %, достигнув 17,6 млн т. Структура перевозок сохраняет сырьевую направленность с доминированием продовольствия, черных металлов и химической продукции, что отражает актуальные потребности рынков стран-участниц. При этом наблюдается выраженная асимметрия в использовании маршрутов: западное направление формирует свыше 70 % грузооборота, что подчеркивает его роль в торговле с Закавказьем и Ираном.

Однако потенциал коридора сдерживается инфраструктурными ограничениями. Для решения этих задач требуется реализация масштабных инвестиционных проектов и усиленная межгосударственная координация.

Перспективы развития коридора напрямую связаны с преодолением этих вызовов. Успех планов по увеличению пропускной способности до 35 млн т к 2035 г. станет доказательством продуманной альтернативы традиционным морским маршрутам.

Библиографический список

Винокуров Е., Ахунбаев А., Забоев А., Усманов Н. Международный транспортный коридор «Север—Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2. Алматы; М.: Евразийский банк развития, 2022. 82 с.

В Иран прибыл первый грузовой поезд из России. URL: <https://ria.ru/20251108/iran-2053657036.html> (дата обращения: 01.12.2025).

Железные дороги России, Азербайджана и Ирана договорились повышать коммерческую привлекательность западного маршрута МТК «Север—Юг» URL: <https://cargo.rzd.ru/ru/9433/page/2452802?id=319748> (дата обращения: 01.12.2025).

ЕАЭС — Иран: вступило в силу полноформатное соглашение о свободной торговле, ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-iran-vstupilo-v-silu-polnoformatnoe-soglashenie-o-svobodnoy-torgovle-/?sphrase_id=451479 (дата обращения: 01.12.2025).

Из варяг в персы: перспективы развития МТК Север—Юг, N.Trans Lad. URL: <https://ntranslab.ru/analytic/doklady/iz-varyag-v-persy-perspektivy-razvitiya-mtk-sever-yug/> (дата обращения: 01.12.2025).

Дорогу Решт—Астара продолжают строить, заявили власти Ирана. URL: <https://ria.ru/20251118/konflikt-2055595995.html> (дата обращения: 01.12.2025).

Итоги внешней торговли России со всеми странами за январь—сентябрь 2025 г. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 01.12.2025).

Лузянин С.Г., Семенова Н. К. Международный коридор «Север—Юг»: транспортный проект или большая геополитика? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 12. С. 5—14.

Межправительственное соглашение о создании международного транспортного коридора «Север—Юг». СПб., 2002. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901828641> (дата обращения: 01.12.2025).

Новое соглашение по МТК «Север—Юг» между Россией, Азербайджаном и Ираном: анализ. URL: <https://e-cis.info/news/566/132511/> (дата обращения: 01.12.2025).

Россия и Иран подписали меморандум о создании международного союза экономических зон МТК «Север—Юг». URL: <https://portnews.ru/news/360273/> (дата обращения: 01.12.2025).

Россия и Индия: товарооборот достиг 65 млрд долларов. URL: <https://ria.ru/20240220/indiya-1928367387.html> (дата обращения: 01.12.2025).

Астраханская область предложила включить в нацпроект реконструкцию судоходного канала, ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20575557> (дата обращения: 01.12.2025).

Саламатов В.Ю., Коломин В.О., Тангаева А.В., Гришин Е.В., Дурандина А.Г., Фесенко Р.С., Великий Г.П. Коридор «Север—Юг»: новые возможности для внешней торговли России. Информационно-аналитический дайджест. М.: ИПИ, 2024. 20 с.

В Иране скорректируют маршрут железнодорожной ветки коридора «Север—Юг», РБК URL: <https://www.rbc.ru/business/29/10/2025/6900cc729a794738494fb5db> (дата обращения: 01.12.2025).

Статистика грузоперевозок по международным транспортным коридорам. М.: АНО «Дирекция международных транспортных коридоров», 2024.

Стратегия развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года. М., 2008.

Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902132678> (дата обращения: 01.12.2025).

Федеральная таможенная служба России. Статистика внешней торговли за 2023—2024 гг. URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

Национальный проект «Развитие транспортной инфраструктуры». М.: Минтранс России, 2024.

Отчет о деятельности РЖД по международным транспортным коридорам за 2024 год. М.: РЖД, 2024.

References

Federal Customs Service of Russia. Foreign trade statistics for 2023—2024. URL: <https://customs.gov.ru> (accessed 01.12.2025). (In Russian).

First freight train from Russia arrived in Iran. URL: <https://ria.ru/20251108/iran-2053657036.html> (accessed 01.12.2025). (In Russian).

EAEU—Iran: a full-fledged free trade agreement has entered into force. URL: https://eec.eaunion.org/news/eaes-iran-vstupilo-v-silu-polnoformatnoe-soglashenie-o-svobodnoy-torgovle/?phrase_id=451479 (accessed: 01.12.2025).

The railways of Russia, Azerbaijan, and Iran have agreed to increase the commercial attractiveness of the North-South Western route. URL: <https://cargo.rzd.ru/ru/9433/page/2452802?id=319748> (accessed on 01.12.2025).

From Varangians to Persians: Prospects for the Development of the North-South International Transport Corridor, N.Trans Lad. URL: <https://ntranslab.ru/analytic/doklady/iz-varyag-v-persy-perspektivy-razvitiya-mtk-sever-yug/> (accessed: on 01.12.2025).

Intergovernmental Agreement on the creation of the North-South International Transport Corridor. St. Petersburg, 2002. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901828641> (accessed: 01.12.2025). (In Russian).

Luzyanin S.G., Semenova N.K. (2023). International Corridor “North — South”: The Transport Project, or Big Geopolitics? Asia and Africa today, no. 12, pp. 5—14. (In Russian).

National project “Development of transport infrastructure”. Moscow: Ministry of Transport of Russia, 2024. (In Russian).

New agreement on the North-South ITC between Russia, Azerbaijan and Iran: analysis. URL: <https://e-cis.info/news/566/132511/> (accessed: 01.12.2025). (In Russian).

Railway Development Strategy of the Russian Federation until 2030. Moscow, 2008. (In Russian).

Report on Russian Railways activities on international transport corridors for 2024. Moscow: RZD, 2024. (In Russian).

Russia and India: trade turnover reached \$65 billion. URL: <https://ria.ru/20240220/indiya-1928367387.html> (accessed: 01.12.2025). (In Russian).

Russia and Iran signed a memorandum on creating an international union of economic zones of the North-South ITC. URL: <https://portnews.ru/news/360273/> (accessed: 01.12.2025). (In Russian).

Statistics of cargo transportation on international transport corridors. Moscow: ANO “Directorate of International Transport Corridors”, 2024. (In Russian).

The Rasht-Astara road continues to be built, Iranian authorities said. URL: <https://ria.ru/20251118/konflikt-2055595995.html> (accessed: 01.12.2025). (In Russian).

The Astrakhan Region has proposed including the reconstruction of a shipping canal in the national project, according to TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20575557> (accessed: on 01.12.2025).

Salamatov V.Yu., Kolomin V.O., Tangaeva A.V., Grishin E.V., Durandina A.G., Fesenko R.S., Velikikh G.P. (2024). North-South Corridor: new opportunities for Russia’s foreign trade. Information-analytical digest. Moscow: ITI, 20 p. (In Russian).

Iran will adjust the route of the North-South railway corridor, RBC URL: <https://www.rbc.ru/business/29/10/2025/6900cc729a794738494fb5db> (accessed: 01.12.2025).

Transport Strategy of the Russian Federation for the period until 2030. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902132678> (accessed: 01.12.2025). (In Russian).

Vinokurov E., Akhunbaev A., Zabojev A., Usmanov N. (2022). North-South International Transport Corridor: investment solutions and soft infrastructure. Reports and working papers 22/2. Almaty, Moscow: Eurasian Development Bank, 82 p. (In Russian).

Поступила в редакцию: 01.11.2025

Принята к публикации: 21.11.2025

Received: Nov 1, 2025

Accepted: Nov 21, 2025

К.С. Сурнова

Незаконная миграция и трансграничная безопасность в Центральной Азии: Киргизия и Таджикистан

Аннотация. В статье рассматривается проблема незаконной миграции и ее влияние на трансграничную безопасность в условиях высокой интенсивности миграционных потоков в Центральной Азии. Исследование фокусируется на Киргизской Республике и Республике Таджикистан, странах, чье географическое положение и социально-экономические условия создают особые предпосылки для формирования уязвимости перед вызовами в области миграционных процессов. В статье уделено внимание как истории миграционных процессов в рассматриваемых странах, так и современным направлениям миграции, включая Россию, Турцию и Казахстан. В настоящее время в Киргизии и Таджикистане предпринимаются инициативы по упорядочиванию миграционной сферы, что необходимо не только для обеспечения безопасности, но и для снижения экономической зависимости. В целом, нелегальная миграция, являясь следствием комплекса причин, представляет собой многоаспектную проблему для обеих стран. Она не только влияет на демографическую ситуацию и рынок труда, но и создает предпосылки для развития транснациональной преступности, включая экстремизм и незаконный оборот наркотиков. Необходим дальнейший анализ для разработки комплексных мер управления и легализации миграционных потоков для обеспечения как внутренней стабильности, так и трансграничной безопасности в Центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: Киргизия, Таджикистан, Центральная Азия, незаконная миграция, трансграничная безопасность, миграционные потоки.

Автор: Сурнова Кристина Сергеевна, студент 4 курса Института международных отношений и политических наук Российского государственного гуманитарного университета. ORCID: 0009-0001-1526-7854. E-mail: cactus.chris@mail.ru

Kristina S. Surnova

Illegal migration and cross-border security in Central Asia: Kyrgyzstan and Tajikistan

Abstract. The article examines the problem of illegal migration and its impact on cross-border security in conditions of high intensity of migration flows in Central Asia. The study focuses on the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan as countries whose geographical location and socio-economic conditions create special prerequisites for vulnerability to challenges in the field of migration processes. The article focuses on the history of migration processes in the countries under consideration, as well as modern migration trends, including Russia, Turkey and Kazakhstan. Currently, the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan are taking initiatives to streamline the migration sector, which is necessary not only to ensure security, but also to reduce economic dependence. In general, illegal migration, as a result of a complex of causes,

is a multidimensional problem for both countries. It not only affects the demographic situation and the labour market, but also creates prerequisites for the development of transnational crime, including extremism and drug trafficking. Further analysis is needed to develop comprehensive measures to manage and legalize migration flows to ensure both internal stability and cross-border security in the Central Asian region.

Keywords: Kyrgyzstan, Tajikistan, Central Asia, illegal migration, cross-border security, migration flows.

Author: *Surnova Kristina S.*, 4th year student at the Institute of International Relations and Political Sciences of the Russian State University for the Humanities.
ORCID: 0009-0001-1526-7854. E-mail: cactus.chris@mail.ru

Незаконная миграция, представляющая собой перемещение лиц через государственные границы или внутри страны с нарушением установленных законодательных норм, является одной из наиболее острых проблем современности, оказывающей существенное влияние на социально-экономическую и политическую стабильность государств.

В Центральной Азии, регионе с высокой интенсивностью миграционных потоков и сложной геополитической обстановкой, нелегальная миграция тесно переплетается с вопросами трансграничной безопасности. Под трансграничной безопасностью в работе понимается состояние защищенности национальных интересов государства, личности и общества от внутренних и внешних угроз, возникающих в связи с перемещением людей, товаров, информации и других объектов через государственные границы, включая противоправную деятельность, организованную и транснациональную преступность, экстремизм, терроризм, незаконный оборот оружия и наркотиков, а также информационное воздействие, направленное на дестабилизацию общественно-политической обстановки.

Исследование фокусируется на Киргизской Республике и Республике Таджикистан как странах, чье географическое положение и социально-экономические условия делают их особенно уязвимыми перед вызовами, связанными с миграционными процессами.

Миграционные процессы на территории современной Киргизии характеризуются многовековой преемственностью, истоки которой следует искать в периоде инкорпорации региона в состав Российской империи [Элебаева, 2025, с. 6]. Присоединение северных районов нынешней Киргизии к имперским владениям во второй половине XIX столетия ознаменовало начало систематических переселенческих движений, среди которых особое место занимает формирование Семиреченского казачьего войска. Данное военно-административное образование не только выполняло функции охраны границ, но и стало катализатором дальнейших миграционных процессов в регионе. Казачье население, закрепившись на новых землях, создало устойчивые поселенческие структуры, которые впоследствии послужили основой для более масштабных переселенческих программ. Важно отметить, что уже на этом этапе проявились характерные черты

центральноазиатской миграции — её государственно-организованный характер и тесная связь с геополитическими интересами «метрополии».

Отдельного внимания заслуживает миграция этнических групп люли и джуги, которых в научной литературе нередко называют «среднеазиатскими цыганами» [Вилькинс, 1879, с. 436—461]. Их традиционный полукочевой образ жизни создает методологические трудности для исследователей миграционных процессов. Дело в том, что циклические перемещения этих сообществ между различными населенными пунктами региона плохо укладываются в стандартные категории «внутренней» и «международной» миграции.

Социальная замкнутость люли и джуги, их ориентация на неформальную экономику затрудняют не только демографический учет, но и оценку потенциальных рисков. Исследователи сталкиваются с парадоксом: с одной стороны, эти группы демонстрируют высокую мобильность, с другой — их миграционные стратегии остаются слабо изученными [Magushiakova, 2016]. Стандартные методы социологических опросов здесь малоэффективны из-за языковых барьеров и культурной дистанции. Поэтому вопрос разработки специализированных подходов к мониторингу перемещений полукочевых групп остается открытым для центральноазиатской миграциологии.

Столыпинская аграрная реформа 1906—1916 гг. кардинально изменила демографическую картину региона, спровоцировав беспрецедентные по масштабам переселенческие потоки из густонаселённых губерний Центральной России и украинских земель. Переселенческая политика П. А. Столыпина, направленная на решение аграрного вопроса в европейской части империи, превратила киргизские степи в один из основных реципиентов крестьянской колонизации. За десятилетие реформ численность славянского населения в регионе возросла многократно, что привело к формированию устойчивых этнических анклавов и существенной трансформации традиционного хозяйственного уклада коренного населения.

Советский период характеризовался качественно иной направленностью миграционных процессов: если имперская колонизация носила преимущественно крестьянский характер, то в условиях социалистической индустриализации республика стала центром притяжения для высококвалифицированных специалистов и промышленных рабочих.

Этот процесс приобрел особую интенсивность в 1960-е годы, когда реализация масштабных народнохозяйственных проектов потребовала привлечения значительных людских ресурсов из других союзных республик.

Однако уже в середине 1970-х годов наметились признаки кардинального изменения миграционных векторов — начался процесс постепенной реэмиграции русскоязычного населения в европейскую часть СССР, который приобрёл характер устойчивой тенденции. Феномен, получивший в демографической литературе наименование «обратной миграции», был обусловлен комплексом социально-экономических и культурно-психологических факторов, включая ограниченные возможности профессиональной реализации и усиление этнокультурной самоидентификации коренного населения.

Военные годы внесли в миграционную динамику региона специфические черты, связанные с принудительными переселениями различных категорий населения. Эвакуация гражданского населения из прифронтовых районов в 1941—1942 гг., а также депортация целых народов Северного Кавказа и Крыма после 1942 г. кардинально изменили этнический состав республики и создали предпосылки для формирования сложной поликультурной среды. В 1950—1960-е гг. миграционная картина дополнилась масштабным притоком этнических немцев из Казахстана и сибирских регионов, что стало результатом реабилитационной политики советского государства и стремления этой этнической группы к консолидации в наиболее благоприятных климатических условиях [Игнатьева, 2025, с. 305].

Последствия распада СССР повлек за собой деиндустриализацию, разрыв внутривозрастных связей и прекращению субсидирования развития республики в рамках плановой экономики. Большинство промышленных предприятий приостановило деятельность встало, их оборудование в основной своей массе ушло на металлолом и было продано соседним странам.

Одновременно произошел отток русскоязычного населения — русских, белорусов, украинцев, евреев, немцев — на историческую родину. Это была потеря части населения страны, носителей культурных традиций, обладателей профессиональных знаний и навыков — рабочих и инженеров, врачей и учителей, преподавателей вузов.

Следствием стала радикальная смена этнического состава населения Киргизии: в 1989 г. доля этнических киргизов в общей численности населения составляла 52,4 %, то в 2009 г. она увеличилась до 64,86 %, а в 2019 г. составила 73,3 % [Мкртчян, 2012].

В условиях экономического кризиса и политической неопределенности в 1990-е годы Киргизская Республика начала ряд преобразований, вызванных разрывом прежних экономических связей и, как следствие, приостановкой деятельности многих ключевых предприятий и утратой в прежнем объеме рынков сбыта.

К 1999 г. ВВП на душу населения достиг рекордного минимума в 258 долл. Одновременно начался процесс экономических преобразований, который, с одной стороны, замедлил инфляцию и позволил создать национальную валюту (сом), тем не менее, с другой стороны, обусловил дальнейшую эмиграцию из страны.

Закон «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан» (1991 г.) в силу недостаточности правового регулирования и финансовой поддержки привел к банкротству предприятий и, соответственно, потере рабочих мест. К 1999 г. 656 тыс. человек не имели работы, сегодня этот показатель оценивается в районе 112 тыс. [Закон Республики Кыргызстан, 1991].

Представленные данные демонстрируют, что Россия является основным направлением внешней трудовой миграции для граждан Киргизии, что обусловлено комплексом экономических и социальных факторов. Однако наблюдается тенденция к диверсификации направлений трудовой миграции граждан Киргизской Республики, что может быть обусловлено ужесточением миграционной

Таблица 1. Основные направления внешней миграции из Кыргызстана и их динамика (тыс. человек)

Страна/регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение (2022/2024 гг.)
Россия	870,3	650 / 718,4	350	-520,3 (-59,8 %)
Казахстан	2,2	27,5	65	+62,8 (+2854,5 %)
Турция	1,8	24,4	68	+66,2 (+3677,8 %)
США	0,255	18	36	+35,745 (+14018,0 %)
Страны Европы	1,6	22	37	+35,4 (+2212,5 %)
Южная Корея	0,24	7	14	+13,76 (+5733,3 %)
Узбекистан	0,291	0,35	0,42	+0,129 (+44,3 %)
Страны Балтии	0,06	0,18	0,45	+0,39 (+650,0 %)
Другие страны СНГ	0,121	0,18	0,24	+0,119 (+98,3 %)
Страны Персидского залива	0,2	3,5	8	+7,8 (+3900,0 %)
Египет	0,05	0,8	1,5	+1,45 (+2900,0 %)
Япония	0,03	0,6	1,2	+1,17 (+3900,0 %)
Итого за рубежом	876,9	753	581	-295,9 (-33,7 %)

Источник: Ахматова, 2024; Национальный статистический, 2024, с. 9—10.

политики РФ последних двух лет (2022—2024), а также введением санкций против России, что, в свою очередь, усложнило положение мигрантов и изменило направления эмиграции [Рахмонов, 2024, 86]. Российские власти в рамках миграционной политики до 2025 г. предприняли ряд мер по упорядочиванию миграционных потоков, включая внедрение биометрической системы контроля через приложение ruID, что усложняет транзитные схемы для граждан безвизовых стран и вынуждает искать альтернативные пути следования или легализовать статус. Кроме того, программы образовательных квот для иностранных студентов и инициативы по переселению соотечественников создают дополнительные легальные каналы миграции, которые могут частично снизить нагрузку на транзитные маршруты.

Сегодня внешние акторы, такие как Турция и ЕС, предлагают альтернативные маршруты и рынки труда, стремясь ослабить влияние РФ и Центральной Азии. При этом, согласно «Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2030 г.», правительство страны стремится развивать внутренний рынок труда и вводить меры по поддержке возвращающихся граждан, однако пока данные инициативы не получили широкого распространения [Национальная программа, 2025]. Сокращение официальных данных о численности мигрантов в России в 2023—2024 гг. может быть связано с ужесточением контроля и депортацией нелегальных мигрантов, а также с общим изменением экономической конъюнктуры.

Казахстан в последние годы превратился в ключевой транзитный коридор для миграционных потоков, направляющихся из стран Южной и Центральной Азии в Россию и далее в европейские государства. Географическое положение республики делает её естественным мостом между регионами с различным уровнем экономического развития, что неизбежно формирует устойчивые миграционные маршруты. Основные транзитные пути пролегают через северные пограничные переходы с Россией — Петропавловск, Костанай, Уральск, а также восточные КПП с Китаем, включая крупнейший пункт пропуска Хоргос. Наиболее активно используется маршрут из Афганистана и Пакистана через территорию Узбекистана в южные регионы Казахстана, затем по железнодорожным и автомобильным магистралям к российской границе.

Турецкое направление характеризуется иной спецификой: Турция заинтересована в развитии миграции в Центральной Азии, предлагая государствам региона консолидироваться вокруг нее на основе общих культурных ценностей. Как уже отмечалось ранее, Турция является достаточно популярным направлением в силу относительной открытости для миграции и исторических связей с государствами Центральной Азии. Гражданам некоторых государств региона доступен безвизовый въезд в Турцию на 90 дней, что может приводить к многократному продлению пребывания. Необходимо отметить, что политика страны во многом остается избирательной, стремясь сохранить баланс между контролем и экономическими потребностями [Aslanov, 2023, p. 45—52].

Нелегальная миграция представляет собой серьезный вызов для трансграничной безопасности [Пименов, 2021, с. 3]. Отсутствие эффективной системы миграционного контроля, прозрачность границ, географическое положение, удобное для транзита, и несовершенство законодательства способствуют проникновению нелегальных мигрантов в другие государства.

Ужесточение миграционного законодательства в странах назначения, таких как Россия, где с 5 февраля 2025 г. действует публичный электронный реестр иностранных граждан и расширен перечень оснований для отказа основания для отказа во въезде, вызывает определенное недовольство среди членов ЕАЭС, но одновременно призвано повысить безопасность и предотвратить акты экстремизма [ГУВМ МВД, 2025]. Киргизия, в свою очередь, стремится упорядочить миграционные потоки, присоединившись к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и заключая соглашения о сотрудничестве в области миграции.

Однако такие меры, как организация незаконного оформления документов, выявление которых стало предметом операции ФСБ совместно с Росфинмониторингом «Нелегал» в июне 2025 г., свидетельствуют о сохраняющихся проблемах [После операции, 2024]. Потенциальная связь нелегальной миграции с экстремизмом, терроризмом и наркотрафиком требует особого внимания со стороны правоохранительных органов. Приток иностранных студентов, например из Пакистана, также несет определенные риски, связанные с интеграцией и потенциальным использованием их статуса для незаконной деятельности [Qaisran, 2021, p. 45—60].

Таджикистан, столкнувшись с последствиями распада СССР и разрушительной гражданской войной в 1990-е годы, пережил значительные миграционные потрясения. Экономический кризис, относительно низкий уровень ВВП и нехватка рабочих мест стали мощными стимулами для эмиграции, в первую очередь в Россию, которая остается основным направлением трудовой миграции [МВФ, 2025; Аржаев, 2024, с. 154].

Граница между Таджикистаном и Афганистаном представляет собой один из наиболее проблематичных участков с точки зрения контроля миграционных потоков. Её протяженность превышает 1300 километров, однако техническое оснащение остается крайне неравномерным. Горы Памира и изрезанный рельеф долин создают естественные препятствия для постоянного наблюдения, что, как отмечают исследователи пограничной проблематики, превращает значительные участки в зоны «размытого суверенитета». Это, в свою очередь, создает дополнительные риски, связанные с угрозами терроризма, наркотрафика и контрабанды, исходящими из нестабильной ситуации в Афганистане. Влияние конфликтов в Афганистане на миграционные потоки и трансграничную безопасность проявляется в потенциальном проникновении экстремистских группировок вместе с потоками беженцев и трудовых мигрантов в Таджикистан. Государственные меры по контролю миграции, включая депортацию иностранных граждан и укрепление границы в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), направлены на минимизацию этих угроз.

События 2021 г. привели к резкому увеличению числа людей, стремящихся покинуть страну. При этом необходимо учитывать, что афганские мигранты представляют неоднородную группу — среди них встречаются как экономические мигранты, так и лица, покидающие родину по соображениям безопасности [Гарибова, 2024, с. 236]. Проблема идентификации истинных мотивов миграции осложняется тем, что процедуры верификации требуют значительного времени и ресурсов, которыми пограничные службы располагают в ограниченном объеме.

Таблица 2. Основные направления внешней миграции из Таджикистана и их динамика (тыс. человек).

Страна назначения	2022 г.	2023 г.	2024 г. (первое полугодие)	Изменение (2022/2024 гг.)
Россия	745,8 (96 %)	626,9 (96 %)	377,1 (96 %)	-368,7 (-49,4 %)
Казахстан	16,3 (2,1 %)	13,7 (2,1 %)	8,2 (2,1 %)	-8,1 (-49,7 %)
Другие страны СНГ	11,6 (1,5 %)	9,8 (1,5 %)	5,9 (1,5 %)	-5,7 (-49,1 %)
Страны вне СНГ	1,9 (0,2 %)	1,6 (0,2 %)	1,0 (0,3 %)	-0,9 (-47,4 %)
Итого	775,6	652,0	392,8 (за полгода)	-382,8 (-49,4 %)

Источник: Отчет министерства, 2024.

Как видно из табл. 2, Россия остается доминирующим направлением для трудовых мигрантов из Таджикистана, что подчеркивает сильную зависимость экономики страны от денежных переводов мигрантов [Ratha, 2024]. Сокращение

потоков трудовых мигрантов в первом полугодии 2024 г. по сравнению с предыдущим годом может быть связано как с ужесточением миграционной политики в России, так и с экономическими последствиями событий в Украине.

Миграционные потоки из Таджикистана, как показывают данные Министерства труда, миграции и занятости населения, продолжают формировать значительные потоки трудовых ресурсов, направляющихся преимущественно в Российскую Федерацию.

За первую половину 2024 г., согласно официальной статистике (см. табл. 2), в Россию проследовало около 377 тыс. таджиков, что, однако, на 15 % меньше показателей аналогичного периода прошлого года. Это снижение, как представляется, может быть обусловлено не только ужесточением миграционного законодательства в странах назначения, но и, возможно, переориентацией части мигрантов на иные направления, включая западные страны. Нельзя игнорировать и обратную сторону этих процессов: только за первое полугодие 2024 г. из России было выдворено свыше 17 тыс. граждан Таджикистана за нарушение установленных правил пребывания.

Параллельно с этим, в Киргизии также предпринимаются шаги по упорядочиванию миграционной сферы, что подтверждается стартовавшей в июне 2025 г. спецоперацией «Нелегал-2025». По предварительным оценкам Государственного комитета национальной безопасности Киргизской Республики, число лиц, находящихся на территории государства с нарушением миграционного законодательства, оценивается примерно в 5 тыс. человек. Этот показатель, хотя и кажется относительно небольшим на фоне общего числа мигрантов, тем не менее указывает на существующие проблемы в системе контроля.

Введение с 1 января 2025 г. Указа Президента Киргизской Республики «О мерах по оптимизации миграционных процессов в Кыргызской Республике» свидетельствует о стремлении государства к более эффективному управлению миграционными потоками. Следует отметить, что, по информации на октябрь 2024 г., около 71,9 тыс. граждан Киргизии пребывали в России с нарушением миграционных норм, что подчеркивает сложность проблемы и необходимость комплексного подхода к ее решению.

Анализ миграционных процессов в Киргизии и Таджикистане демонстрирует, что, несмотря на различия в масштабах и направлениях, обе страны сталкиваются с серьезными вызовами, связанными с нелегальной миграцией и ее влиянием на трансграничную безопасность. В Киргизии, где наблюдается некоторая диверсификация миграционных потоков, помимо России, активно развиваются направления в Турцию, страны Европы и США, что, вероятно, связано с поиском лучших экономических возможностей и более благоприятных условий труда.

Тем не менее, даже здесь, как показывает операция «Нелегал» и другие, подобные ей, сохраняются проблемы с оформлением документов и контролем над перемещениями. Таджикистан же, напротив, демонстрирует крайне высокую степень зависимости от России как основного направления трудовой миграции, что делает его экономику и социальную стабильность особенно уязвимыми

перед внешними факторами, такими как изменения в миграционной политике РФ или экономические кризисы.

Протяженная и слабо защищенная граница с Афганистаном в Таджикистане, помимо прочего, создает дополнительные риски, связанные с проникновением экстремистских элементов и наркотрафиком, что требует постоянного внимания и усилий по укреплению безопасности.

В целом, нелегальная миграция, будучи следствием комплекса экономических, социальных и политических причин, представляет собой многоаспектную проблему для обеих стран. Она не только влияет на демографическую ситуацию и рынок труда, но и создает предпосылки для развития транснациональной преступности, включая экстремизм и незаконный оборот наркотиков.

Понимание этих взаимосвязей и разработка комплексных мер, направленных на легализацию миграционных потоков, усиление контроля на границах и развитие сотрудничества с традиционными и новыми странами назначения, являются ключевыми задачами для обеспечения как внутренней стабильности, так и трансграничной безопасности в центральноазиатском регионе. Необходимо отметить, что существующие статистические данные, особенно касающиеся нелегальной миграции, зачастую являются оценочными и требуют дальнейшего уточнения для более точного понимания масштабов явления.

Библиографический список

Аржаев Ф.И., Борискин В. Э. Экономико-географический генезис бедности в Таджикистане: потенциал экономического роста при сохранении социальных диспропорций // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17. № 3. С. 149—168. DOI: 10.31249/kgt/2024.03.08.

Ахматова И. Более 1.1 млн кыргызстанцев в миграции — как они формируют экономику страны (2024). URL: <https://economist.kg/exclusive/2024/12/18/boleie-1-1-mln-kyrgyzstantsiev-v-mighratsii-kak-oni-formiruiut-ekonomiku-strany/> (дата обращения: 29.06.2025).

Вилькинс А.И. Среднеазиатская богема // *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. 1879. Т. 35, ч. I, в. 4.

Гарибова Ф.М. Афганская миграция в Таджикистан: тенденции и последствия // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4. № 4. С. 226—241. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.14.

ГУВМ МВД России: МВД России информирует об изменениях в миграционном законодательстве, касающихся режима высылки и реестра контролируемых лиц. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravljenija/guvm/news/item/59085425 (дата обращения: 29.06.2025).

Закон Республики Кыргызстан от 20 декабря 1991 года № 683-ХІІ «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.07.2012 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30212855 (дата обращения 26.06.2025).

Игнатъева Л.Н., Ночвина Б.А. Советские немцы в Казахстане: от депортации до репатриации // *Власть*. 2025. Т. 33. No. 2. С. 303—308.

Международный валютный фонд (МВФ): ВВП на душу населения (2025). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025> (дата обращения: 02.06.2025).

Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Изменение этнического состава населения Кыргызстана (2012). URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php> (дата обращения: 26.06.2025).

Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года от 05.06.2025 № 178. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/53-383/edition/32963/ru> (дата обращения: 30.06.2025).

Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Миграция Кыргызской Республики. Б.: 2024. 140 с. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/d029839d-b662-42f1-bf1a-3eaa751331d6.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

Отчет Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан «Об итогах деятельности Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан за первое полугодие 2024». URL: <https://mehnat.tj/ru/news/dt/27992682-25a6-4248-93c1-563ec790053b> (дата обращения: 01.07.2025).

Пименов Н.А. Нелегальная миграция как фактор угрозы дестабилизации общества // Российский экономический интернет-журнал. 2021. № 1.

После операции «Нелегал-2024» из России уедут 20 тыс. иностранцев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7295341> (дата обращения: 29.06.2025).

Рахронов А.Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 82—90. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90>.

Элебаева А. Б. Динамика и характерные черты миграционных процессов в Кыргызстане // Вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз: влияние на процессы миграции. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. № 26. С. 6—9.

Aslanov, Rauf. Migration from the Central Asian Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan to Turkey. f Middle East Technical University. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/374416802_Migration_from_the_Central_Asian_Republics_of_Kazakhstan_Kyrgyzstan_Tajikistan_Turkmenistan_and_Uzbekistan_to_Turkey_Antalya-IstanbulIzmir_after_the_2008_World_Financial_Crisis (дата обращения: 28.06.2025).

Marushiakova, E., Popov, V. Gypsies in Central Asia and the Caucasus. University of St. Andrews. 2016. DOI:10.1007/978-3-319-41057-9.

Qaisran, A., Hahn-Schaur, K., Hendow, Maegan. Irregular migration dynamics from Pakistan and the role of information campaigns. PARIM Final Report. 2021. P. 45—60.

Ratha, D., Plaza, S., Kim, E. In 2024, remittance flows to low- and middle-income countries are expected to reach \$685 billion, larger than FDI and ODA combined. URL: https://blogs.worldbank.org/en/peoplemove/in-2024--remittance-flows-to-low--and-middle-income-countries-ar?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 2.07.2025).

References

Ahmatova, I. (2024). Bolee 1.1 mln kyrgyzstancsev v migracii — kak oni formiruyut ekonomiku strany [More than 1.1 million Kyrgyzstanis in migration — how they shape the country's economy]. URL: <https://economist.kg/exclusive/2024/12/18/boleie-1-1-mln-kyrgyzstancsev-v-migratsii-kak-oni-formiruiut-ekonomiku-strany/> (accessed: 29 June 2025). (In Russian).

Arzhaev, F., Boriskin, V. (2024). The economic and geographical genesis of poverty in Tajikistan: the potential for economic growth while maintaining social imbalances. Contours of global transformations: Politics, economics, law. Vol. 17, no. 3, pp. 149—168. DOI: 10.31249/kg/2024.03.08.

Aslanov, Rauf. (2023). Migration from the Central Asian Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan to Turkey. Middle East Technical University. URL: https://www.researchgate.net/publication/374416802_Migration_from_the_Central_Asian_Republics_of_Kazakhstan_Kyrgyzstan_Tajikistan_Turkmenistan_and_Uzbekistan_to_Turkey_Antalya-IstanbulIzmir_after_the_2008_World_Financial_Crisis (accessed 28 June 2025).

Elebaeva, A. (2015). Dynamics and characteristic features of migration processes in Kyrgyzstan. Entry of the Kyrgyz Republic into the Eurasian Economic Union: impact on migration processes. The Russian Council for International Affairs. No. 26, pp. 6–9.

Garibova, F. (2024). Afghan migration to Tajikistan: trends and consequences. DEMIS. Demographic research. Vol. 4, no. 4, pp. 226–241. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.14.

Ignatyeva, L., Nochvina, B. (2025). Soviet Germans in Kazakhstan: from deportation to repatriation. Vol.33, no.2, pp. 303–308.

International Monetary Fund (IMF): GDP per capita. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025> (accessed: 2 June 2025).

Marushiakova, E., Popov, V. (2016). Gypsies in Central Asia and the Caucasus. University of St. Andrews. DOI:10.1007/978-3-319-41057-9.

Mkrtchyan, N., Sarygulov B. (2012). Changes in the ethnic composition of the population of Kyrgyzstan. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php> (accessed: 26 June 2025). (In Russian).

MVD Rossii informiruet ob izmeneniyax v migracionnom zakonodatelstve, kasayushixsya rezhima vysylki i reestra kontroliruemyx licz.[The Ministry of Internal Affairs of Russia informs about changes in migration legislation concerning the regime of expulsion and the register of controlled persons], URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/59085425 (accessed: 29 June 2025). (In Russian).

Nacionalnaya programma razvitiya Kyrgyzskoj Respubliki do 2030 goda ot 05.06.2025 № 178 [National Development Program of the Kyrgyz Republic until 2030 dated 06/05/2025 No. 178]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/53-383/edition/32963/ru> (accessed: 26 June 2025).

Nacionalnyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. Migraciya Kyrgyzskoj Respubliki [The National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Migration of the Kyrgyz Republic]. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/d029839d-b662-42f1-bf1a-3eaa751331d6.pdf> (accessed: 26 June 2025).

Otchet Ministerstva truda ,migracii i zanyatosti naseleniya Respubliki Tadzhiqistan «Ob itogax deyatel'nosti Ministerstva truda, migracii i zanyatosti naseleniya Respubliki Tadzhiqistan za pervoe polugodie 2024» [Report of the Ministry of Labor, Migration and Employment of the Republic of Tajikistan “On the results of the activities of the Ministry of Labor, Migration and Employment of the Republic of Tajikistan for the first half of 2024”]. URL: <https://mehnat.tj/ru/news/dt/27992682-25a6-4248-93c1-563ec790053b> (accessed: 1 July 2025).

Pimenov, N. (2021). Illegal migration as a threat factor of destabilization of society. Russian Online Economic Magazine. No. 1.

Posle operacii «Nelegal-2024» iz Rossii uedut 20 ty's. inostrancev [After Operation Illegal 2024, 20,000 foreigners will leave Russia]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7295341> (accessed: 29 June 2025). (In Russian).

Qaisran, A., Hahn-Schaur, K., Hendow, Maegan. (2021). Irregular migration dynamics from Pakistan and the role of information campaigns. PARIM Final Report, p. 45–60.

Rahmonov. A. The role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges. Vol. 12, no. 2, pp. 82–90. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90>.

Ratha, D., Plaza, S., Kim, E. In 2024, remittance flows to low- and middle-income countries are expected to reach \$685 billion, larger than FDI and ODA combined. URL: https://blogs.worldbank.org/en/peoplemove/in-2024--remittance-flows-to-low--and-middle-income-countries-ar?utm_source=chatgpt.com (accessed: 2 July 2025).

Wilkins, A. (1879). Central Asian Bohemia. Proceedings of the Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography. Vol. 35, part I, v. 4.

Zakon Respubliki Kyrgyzstan ot 20 dekabrya 1991 goda № 683-XII «Ob obshhix nachalax razgosudarstvleniya, privatizacii i predprinimatelstva v Respublike Kyrgyzstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 25.07.2012 g.) [The Law of the Republic of Kyrgyzstan dated December 20, 1991 No. 683-XII “On the general principles of Denationalization, Privatization and entrepreneurship in the Republic of Kyrgyzstan” (with amendments and additions as of 07/25/2012)], URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30212855 (accessed: 26 June 2025).

Поступила в редакцию: 01.12.2025

Принята к публикации: 11.12.2025

Received: Dec 1, 2025

Accepted: Dec 11, 2025

А.А. Новиков

Факторы, определяющие внешнеполитический курс Узбекистана в отношении Исламского Эмирата Афганистан

Аннотация. В статье исследуются факторы, влияющие на формирование политики Узбекистана на афганском направлении после установления Исламского Эмирата Афганистан. Результатом работы стало выделение внутривнутриполитических, внешнеполитических, экономических и исторических факторов, определяющих внешнеполитический курс Узбекистана в отношении Афганистана на современном этапе на основе анализа исторического опыта взаимодействия независимого Узбекистана и Афганистана, современных экономических отношений двух стран, риторики официальных лиц Узбекистана и настроений узбекского общества в отношении событий в соседней стране.

Ключевые слова: Узбекистан, Афганистан, «Талибан», внешняя политика, торговля.

Автор: *Новиков Арсений Антонович*, студент 1 курса магистратуры факультета Международных отношений, МГИМО (У) МИД России.
ORCID: 0009-0004-5558-9323. E-mail: Novikov_Ar_An@my.mgimo.ru

Arsenii A. Novikov

Factors determining Uzbekistan's foreign policy towards the Islamic Emirate of Afghanistan

Abstract. The article attempts to identify the factors influencing the formation of Uzbekistan's policy towards Afghanistan after the establishment of the Islamic Emirate of Afghanistan. The result of the work is the identification of domestic policy, foreign policy, economic and historical factors determining Uzbekistan's course towards Afghanistan at the present time based on the analysis of the historical experience of interaction between independent Uzbekistan and Afghanistan, modern economic relations between the two countries, the rhetoric of Uzbek officials and the sentiments of Uzbek society regarding events in the neighboring country.

Keywords: Uzbekistan, Afghanistan, the Taliban, foreign policy, trade.

Author: *Novikov Arsenii A.*, 1st year graduate student at the Faculty of International Relations, MGIMO University, Russia. ORCID: 0009-0004-5558-9323.
E-mail: Novikov_Ar_An@my.mgimo.ru

Введение

Окончательный вывод американских военных из Афганистана, последовавшее стремительное прекращение функционирования институтов Исламской Республики Афганистан (ИРА) и установление Исламского Эмирата Афганистан

(ИЭА) в августе 2021 г. стали самой большой переменной в региональной системе международных отношений с 2001 г. Судьба нового правительства на международной арене не была безальтернативной: каждая страна должна была решить, сохранять ли отношения с Исламским Эмиратом. Большинство стран региона установили отношения с новым правительством, процесс повышения статуса которых до официального продолжается до сих пор, однако общий вектор на взаимодействие остается неизменным.

Политика Узбекистана на афганском направлении с того времени отличается особой активностью. Она основана на восприятии Афганистана в качестве страны больших возможностей, а прекращение конфликта в стране в результате установления ИЭА явилось катализатором развития отношений, которые рассматриваются в духе курса реформ, проводимого с 2016 г. новым президентом. Узбекистан через активную дипломатию и вовлечение Афганистана в регион Центральной Азии стремится утвердить свое лидерство и мотивировать правительство ИЭА избрать более умеренный политический курс и сблизиться с соседями.

В данной статье предпринимается попытка объяснить причины выбора активного курса на сотрудничество с Исламским Эмиратом Афганистан. Результатом работы стало выделение внутривнутриполитических, внешнеполитических, экономических и исторических факторов, определяющих курс Узбекистана в отношении Афганистана на современном этапе.

Состояние политики на афганском направлении до установления Исламского Эмирата Афганистан в 2021 году

В начале независимой истории узбекистанской внешней политики Ташкент рассматривал Афганистан как источник угроз безопасности страны. Для реализации курса на построение светского государства первому президенту Узбекистана Исламу Каримову было необходимо нейтрализовать силы, которые стремились к реализации конкурирующего исламского проекта. Внутри страны это была партия «Адолат», в соседнем Таджикистане — Объединенная таджикская оппозиция. Лидеры «Адолат» Тахир Юлдашев и Жума Намангани бежали из Узбекистана в соседние Таджикистан и Афганистан, где в 1996 г. было создано «Исламское движение Узбекистана»¹. Этот фактор стал одним из определяющих афганскую политику Узбекистана в тот период.

В условиях гражданской войны в Афганистане, однако, Узбекистан столкнулся с необходимостью вести сложную, не всегда только публично-официальную политику. В частности, Узбекистан выстроил отношения с этническим узбекком командиром Рашидом Дустумом, который контролировал приграничные с Узбекистаном северные провинции Афганистана.

Свою речь в 1995 г. на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Каримов начал с проблемы региональной безопасности, которая неразрывно

¹ Признано в России террористической организацией и запрещено.

связана с Афганистаном, подчеркнув, что главная движущая сила конфликта — внешнее вмешательство¹. Уже в этой речи президент Узбекистана упоминает инфраструктурные проекты с «выходом для Центральной Азии к портам Индийского океана». В том же году Узбекистан выступил в ООН с инициативой введения эмбарго на поставку оружия в Афганистан.

После прихода движения «Талибан» к власти в Кабуле и на большей части территории страны, включая бывшую «столицу» сил Дустума город Мазари-Шариф, Узбекистан в 1997 г. выступил с инициативой проведения встреч формата «6+2» с целью примирения Северного альянса и «Талибана» [Эргашев, 2022]. Результатом деятельности формата стала «Ташкентская декларация об основополагающих принципах мирного разрешения конфликта в Афганистане», принятая в 1999 г.

В речи на саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. президент Каримов сделал особый акцент на проблеме Афганистана. В отличие от речи 1995 г., среди угроз, исходящих из Афганистана, упомянута угроза формирования «клерикально-деспотических режимов» во вставших на путь демократизации странах Центральной Азии², что очевидно связано с первым установлением Исламского Эмирата в Кабуле в 1996 г. Мирный процесс между правительством и оппозицией в соседнем Таджикистане в 1997 г. также усилил тенденцию узбекской власти к авторитаризму, поскольку был воспринят правительством Каримова как опасный прецедент, продемонстрировавший, что оппозиция может утвердиться как сила, с которой придется считаться [Шодэ, 2008].

В 2002 г. президент Каримов говорил, что иного выбора, кроме предоставления США базы Ханабад у Узбекистана не было, так как последние годы страна находилась под угрозой экспорта терроризма с территории южного соседа. Результатом американской операции президент назвал «освобождение от угрозы», которая исходила от «Талибана»³.

В новых реалиях после военной операции НАТО Узбекистан в 2008 г. принял попытку реанимировать формат «6+2», включив в него НАТО, но формат «6+3» не был реализован [Эргашев, 2021].

Успешное развитие в первое десятилетие существования Исламской республики Афганистан получили торговые отношения между странами. Узбекистан вложил значительные средства в инфраструктурные проекты. Были построены 11 мостов по маршруту «Мазари-Шариф—Кабул», линии электропередач связали энергосистемы двух стран, оптоволоконная линия связи позволила запустить сотрудничество в сфере связи, железная дорога из Хайратона в Мазари-Шариф стала первым участком проекта трансафганской железной дороги, который остается в центре узбекистанского внимания по настоящее время.

¹ Уникальные кадры выступления Ислама Каримова на юбилейной 50-сессии ГА ООН [YouTube видео] // Karimov Foundation. 02.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nXnrqwCraHI> (дата обращения: 10.05.2025).

² Саммит тысячелетия ООН [YouTube видео] // Islam Karimov. 22.11.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QFWuM0k0YuA> (дата обращения: 10.05.2025).

³ Почему Каримов пустил американцев на аэродром Ханабад [YouTube видео] // Islam Karimov. 15.09.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CJn883jjRwY&t=18s> (дата обращения: 10.05.2025).

Значительные изменения в жизни Узбекистана случились после смерти президента И. Каримова в 2016 г. Характер всей внешней политики нового президента некоторые исследователи характеризуют как «экономизацию» [Махмудов, 2023, 2021], подразумевая приоритет экономики над другими вопросами. Неудивительно, что при президенте Мирзиёеве продолжился курс на развитие экономических связей с Афганистаном. Новаторской стала идея включения Афганистана в регион Центральной Азии и развитие политического диалога одновременно с отказом от использования образа исламистской угрозы [Эргашев, 2021].

Во многом секьюритизированная при И. Каримове из-за связи с исламистским терроризмом и экстремизмом тема Афганистана стала публично обсуждаться [Саруханян, 2019]. Началось формирование образа Афганистана как пространства для возможностей [Арипов, 2018]. Двигателем десекуритизации проблемы Афганистана в новый период были планы нового правительства по развитию торговли со странами Южной Азии и обретению короткого выхода к морю [Умаров, 2021], что особенно актуально для Узбекистана — одной из двух стран в мире, которая не граничит ни с одной страной, имеющей выход к морю.

При этом нельзя сказать, что ситуация в сфере безопасности в тот момент была благоприятной. «Исламское движение Узбекистана» в 2015 г. слилось с Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ)¹, была завершена операция НАТО ISAF, проводившаяся с 2001 г. В моменте эти события казались крупными вызовами и заставляли аналитиков быть более сдержанными в своих прогнозах [Саруханян, 2015].

В декабре 2017 г. впервые за 16 лет президент Афганистана посетил с официальным визитом Узбекистан. За первые полтора года президентства Ш. Мирзиёева Узбекистан посетили 20 высокопоставленных делегаций из ИРА [Арипов, 2018]. Интенсификация дипломатической активности Узбекистана на афганском направлении в первые годы президентства Ш. Мирзиёева напоминает такой же тренд в девяностые в начале периода И. Каримова. В то же время, если попытки первого президента постепенно становились менее энергичными на фоне отсутствия результатов в деле афганского урегулирования, то второму президенту, можно сказать, повезло, ведь при нем внутренний афганский конфликт, фактически, прекратился.

На дипломатическом направлении Узбекистан также предпринимал активные шаги по налаживанию внутриафганского мирного процесса. При этом были организованы публичные контакты с представителями движения «Талибан», хотя и неоднократно подчеркивалось, что все свои действия в этом направлении Ташкент согласовывает с официальным Кабулом. Активная роль предлагавшихся Узбекистаном переговорных форматов была полезна для международного имиджа страны². Примером такого формата может послужить организованная в

¹ Признано в России террористической организацией и запрещено.

² Афганистан — стратегическая возможность для экономического развития Центральной Азии // isrs.uz. URL: <https://isrs.uz/ru/page/pdf/afganistan-strategiceskaa-vozmognost-dla-ekonomi-ceskogo-razvitia-centralnoj-azii> (дата обращения: 08.05.2025).

2018 г. международная конференция по Афганистану в Ташкенте, которая, однако, привлекла меньше внимания, чем аналогичное мероприятие в 1999 г. Участие в переговорах, в том числе представителей США и стран ЕС содействовало закреплению за страной роли регионального лидера и позволило наладить хорошие отношения со всеми сторонами афганского конфликта [Арипов, 2020]. Последнее оказалось крайне полезным результатом, когда одна из сторон одержала победу.

Признаком активизации узбекистанской политики на афганском направлении было создание летом 2017 г. института Специального представителя президента по Афганистану. Активизировались дипломатические контакты. В марте 2019 г. появилась информация о визите в Катар министра иностранных дел Узбекистана А. Камилова, где он провел прямые переговоры с главой политического офиса движения «Талибан» в Дохе муллой Абдул Гани Барадаром. Последний даже высоко оценил усилия Узбекистана, направленные на реализацию инфраструктурных проектов в Афганистане. В августе 2019 г. в МИД Узбекистана состоялась встреча с представителями катарского офиса «Талибан», делегацию талибов снова возглавлял тогда руководитель катарского офиса мулла Барадар Ахунд [Саженов, 2020], который занимает пост вице-премьера в правительстве ИЭА.

Начало развиваться гуманитарное сотрудничество: в Термезе был открыт Образовательный центр по обучению афганских граждан при Министерстве высшего и среднего специального образования, созданный для подготовки и переподготовки афганских студентов¹. В Термезе начали проходить многочисленные деловые форумы, было согласовано создание приграничной зоны свободной торговли [Притчин, 2020].

Двумя главными проблемами на пути реализации экономических проектов 2010-е гг. была потребность в финансах и отсутствие безопасности в Афганистане. Движение «Талибан» к 2018 г. уже вело боевые действия в северных и центральных провинциях страны, подрывало опоры ЛЭП [Умаров, 2018], что одновременно физически препятствовало реализации проектов и делало инвестиции в эти проекты крайне рискованными. С установлением ИЭА на всей территории страны в 2021 г. подобные акции прекратились, чем разрешилась одна из проблем.

Несмотря на сложность, развитие экономических отношений между странами представлялось основой для мирного процесса в Афганистане. Через развитие торговли планировалось достичь мира и стабильности в Афганистане². Когда внутриафганский конфликт разрешился в 2021 г., развитие экономических отношений двух стран продолжилось.

¹ Первые 110 афганцев стали студентами образовательного центра в Узбекистане // Gazeta.uz. 23.01.2018. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/01/23/centre/> (дата обращения: 27.04.2025).

² Экономическое сотрудничество в установлении мира в Афганистане // CERP. URL: <https://web.archive.org/web/20250122120807/https://www.cer.uz/en/post/publication/ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-v-ustanovlenii-mira-v-afganistane> (дата обращения: 08.05.2025).

Политика в отношении Исламского Эмирата Афганистан

Реакция на установление ИЭА со стороны Узбекистана была крайне спокойной. Президент Мирзиев заявил, что подобное развитие событий было прогнозируемым, за два года до этого были налажены контакты с «Талибаном» и получены гарантии безопасности¹. С одной стороны, как было показано, Узбекистан, действительно, преуспел в налаживании контактов с движением. Однако утверждения, что произошедшее, а особенно скорость перемен, можно было предсказать, выглядят смелыми и скорее отражающими удовлетворение произошедшим, нежели его предсказуемость.

Главным акцентом речей узбекистанских представителей по афганской проблематике выступает необходимость не допустить изоляции Афганистана. В них подчеркивается, что Афганистан — часть Центральной Азии. Связанность двух стран иллюстрируется проектами трансафганской железной дороги, торговой инфраструктурой города Термез, политическими мероприятиями по афганской проблеме, прошедшими в Узбекистане.

Те же нарративы прослеживаются в выступлении Ш.Мирзиеева на международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие» в июле 2022 г. в Ташкенте. Прослеживается там и желание укрепить международный имидж страны за счет привлечения к конференциям на территории Узбекистана как можно большего числа гостей², что было отмечено нами и при анализе дипломатических инициатив Узбекистана во второй половине 2010-х годов.

Важно обратить также внимание на то, что в выступлениях отсутствуют такие темы, как права национальных меньшинств, положение отдельных провинций. В текстах представителей Узбекистана нет и какой-либо попытки описать саму суть изменений в Афганистане. Если, например, руководство соседнего Таджикистана дает однозначную негативную трактовку насильному приходу к власти запрещенной в стране террористической организации «Талибан», то Узбекистан уклоняется от любых формулировок, не концентрируясь на смене власти и установлении нового правительства как на самостоятельной проблеме.

В духе официальных заявлений общая тональность публикаций в узбекистанских СМИ о «Талибане» в первые дни после прихода группировки к власти была отличительно более нейтральной, чем в других странах, где преобладали негативные публикации [Сафранчук И.А. и др., 2022, с. 16].

Узбекистан поддерживает инициативы, которые могут придать правительству Исламского Эмирата иное, кроме религиозного и традиционного, основание для власти [Арипов, 2024]. Представители Узбекистана проводят связь между ус-

¹ «Мы прогнозировали, что эти события произойдут». Президент — о ситуации в Афганистане // *Gazeta.uz*. 27.08.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/27/afghanistan-new/> (дата обращения: 08.05.2025).

² Участникам международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие» // Сайт президента РУз. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5377> (дата обращения: 08.05.2025).

пехами нового кабульского правительства в решении социально-экономических вопросов и стабильностью в Афганистане и Центральной Азии.

Как справедливо отмечает М. Ларюэль, анализ внешней политики центральноазиатских стран на афганском направлении часто проводится через призму «эффекта перелива» [Laguette, 2017].

Исследователь имеет в виду, что политики и ученые склонны рассматривать риски и тенденции, например, исламистский терроризм или производство наркотиков, как всегда исходящие из Афганистана и стремящиеся «перекинуться» на северных соседей. Однако на динамику отношений можно посмотреть по-другому и примером тому служит политика Узбекистана на нынешнем этапе. По сути, внешняя политика администрации Ш. Мирзиёева направлена на то, чтобы добиться «эффекта перелива» в Афганистан масштабной программы экономических и социальных реформ при сохранении контроля политической сферы, которая стала центральным элементом имиджа действующего президента внутри страны под образом Нового Узбекистана.

Мы выделили акценты правительства Узбекистана, а теперь обратимся к инструменту аналитики гугл-запросов, чтобы сделать вывод о взгляде общества на события в соседней стране¹. Для наглядности результатов представлено два графика: популярности запросов «Афганистан» (для Таджикистана; количество запросов на таджикском языке недостаточно для анализа)² и «Afg'oniston» (для Узбекистана).

Главное и почти единственное отличие рисунка 1 от рисунка 2 это неделя, когда жители этих стран больше всего интересовались событиями в Афганистане. В Таджикистане (рис. 1) это была неделя 05—11 сентября 2021 г., в то время как в Узбекистане (рис. 2) к этому моменту интерес почти затих, а пик был на неделе 15—21 августа 2021 г. То есть, узбекистанцы следили за моментом смены Исламской Республики на Исламский Эмират. Таджикистанцев же больше заинтересовала судьба конкретных политических и военных деятелей антиталибского сопротивления в Панджшере, пик активности которых пришелся на начало сентября. В этом сочувствии к таджикам Афганистана с таджикистанцами солидаризовалось правительство страны, на короткое время сделав помощь афганским братьям одной из главных тем своей дипломатии. Интерес общества мотивировал правительство делать определенные акценты, что в свою очередь направляло общественный интерес. В Узбекистане же мы можем сказать об отсутствии подобной Таджикистану волны сочувствия афганским узбекам — и со стороны общества, и со стороны правительства.

Правительство Узбекистана оказалось свободно от ожиданий собственного населения, связанных с судьбой узбеков Афганистана, и не стало само продви-

¹ Afg'oniston // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-01-01%202024-11-17&geo=UZ&q=Afg%27oniston&hl=ru> (дата обращения: 17.11.2024).

² Афганистан // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2021-07-01%202021-12-31&geo=TJ&q=%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD&hl=ru> (дата обращения: 17.11.2024).

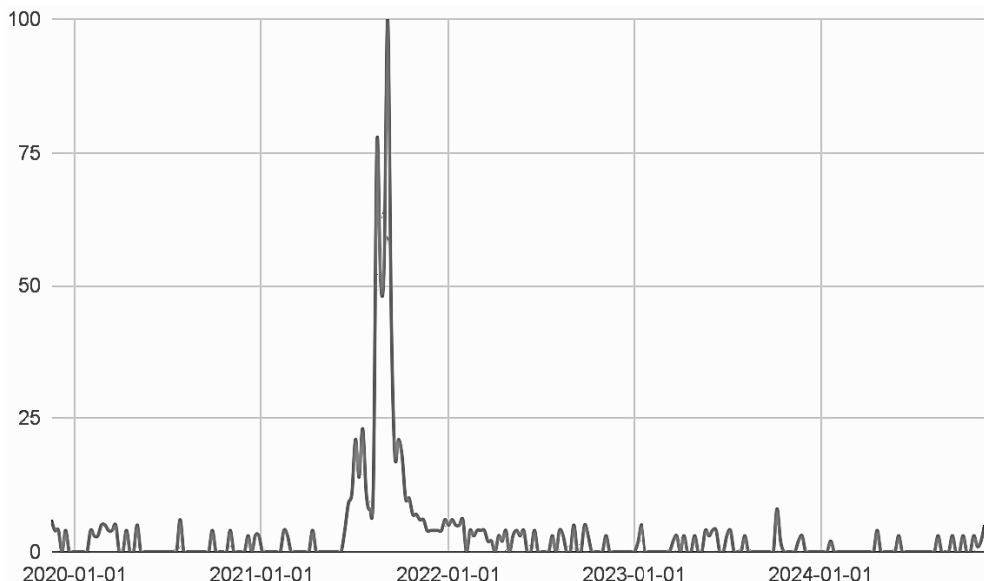


Рис. 1. Динамика популярности гугл-запроса «Афганистан» в Таджикистане.

Источник: автор по данным сервиса Google Trends, 100 означает наибольший интерес относительно других недель в рассматриваемый период.

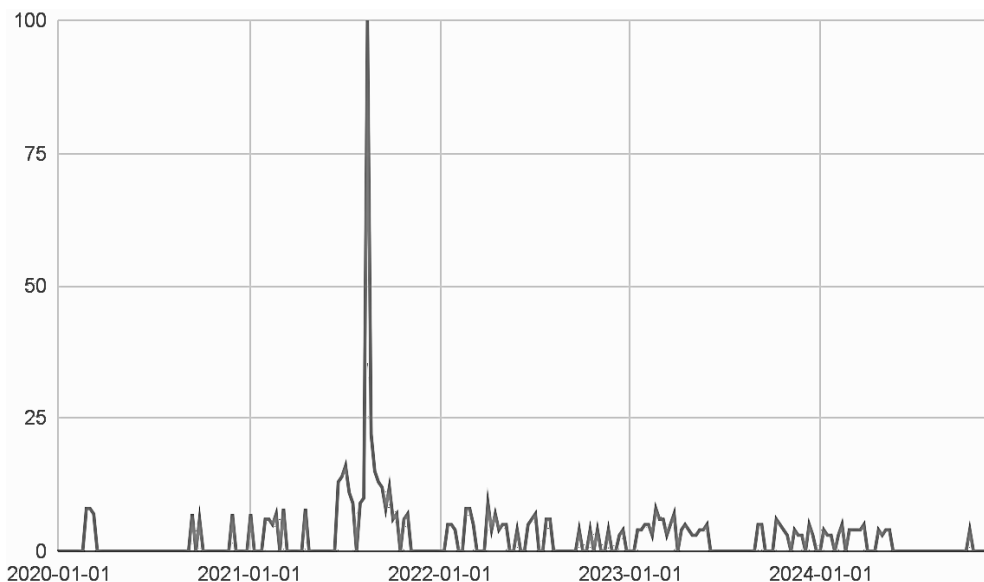


Рис. 2. Динамика популярности гугл-запроса «Afg'oniston» в Узбекистане.

Источник: автор по данным сервиса Google Trends, 100 означает наибольший интерес относительно других недель в рассматриваемый период.

гать соответствующие нарративы. Вместо этого оно принялось за реализацию и активизацию ряда проектов.

Уже в октябре 2021 г. состоялся визит министра иностранных дел Узбекистана Камилова в Кабул. В августе 2024 г. Афганистан посетил премьер-министр Узбекистана А. Арипов. Такая динамика свидетельствует об очень высоком уровне отношений двух стран и стремлении Узбекистана утвердить свое лидерство в афганском вопросе среди стран региона.

Главной точкой напряжения в отношениях двух стран выступает строительство Афганистаном канала Кош-Тепа. На примере этого проблемного вопроса отлично видны особенности узбекистанского курса. Хотя в узбекистанском экспертном сообществе еще в период нахождения в Афганистане американских военных и проведения политики замены посевов опиумного мака на рис и пшеницу существовало мнение, что такие изменения в сельском хозяйстве невозможны без потенциально опасного отбора воды из Амударьи, на современном этапе официальные лица Узбекистана крайне доброжелательно высказываются об афганском проекте, признают законность афганских притязаний на долю воды.

Вместо эксплуатации потенциальных угроз, связанных с водной проблемой, для чего этот проект является подходящим поводом, узбекистанская сторона выступает с инициативами технической помощи в строительстве, исходя из того, что более качественные технологии уменьшат ущерб для окружающей среды. Десекуритизация проявляется в словах министра водного хозяйства страны о канале Кош-Тепа: «Мы что, должны брать в руки оружие и идти воевать? Нет»¹.

Экономические отношения

Торговля Узбекистана с Афганистаном с 2021 г. непрерывно растет. Также самый значительный относительный рост наблюдается в афганском импорте, а при рассмотрении импорта из Афганистана в 2021 г. ежемесячно отчетливо прослеживается положительное влияние установления Исламского Эмирата в августе того года.

Узбекистан не только создает инфраструктуру для расширения торговли, но и демонстрирует достижения в этой сфере в качестве значимых успехов. Такие проекты как «Международный торговый центр Термез» (Airitom Free Zone) или трансафганская железная дорога с узбекистанским участием получают широкое освещение в СМИ обеих стран. Ряд афганских блогеров записали видео о торговой зоне на узбекистано-афганской границе. Развитие пограничной зоны — один из приоритетов правительства Узбекистана.

В организованной в Термезе зоне обеспечен безвизовый режим для граждан Афганистана сроком до 15 дней, введены налоговые льготы. Помимо необходимых для торговли объектов (складов, гостиниц, парковок), на территории зоны

¹ Министр водного хозяйства Узбекистана: Афганистан имеет право отводить воду из Амударьи для канала Кош-Тепа // Eurasia Today. 20.03.2025. URL: <https://eurasiatoday.ru/ministr-vodnogo-hozyajstva-uzbekistana-afganistan-imeet-pravo-otvodit-vodu-iz-amudari-dlya-kanala-kosh-tera/> (дата обращения: 08.05.2025).

Таблица 3. Торговля Узбекистана с Афганистаном в 2016—2024 гг.

	Экспорт, тыс. долл.	Рост экспорта, %	Импорт, тыс. долл.	Рост импорта, %
2016	517 261,3	0	2459,74	0
2017	615 606,6	19,01	2201,56	-10,50
2018	602 503,1	-2,13	2098,96	-4,66
2019	616 959,9	2,40	2981,45	42,04
2020	776 737,5	25,90	2318,85	-22,22
2021	667 484,3	-14,07	6191,90	167,02
2022	756 281,6	13,30	9345,08	50,92
2023	857 236,5	13,35	10 307,30	10,30
2024	1 089 000,3	27,04	44 000,90	326,90

Источник: автор по данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике¹.

Таблица 4. Импорт в Узбекистан из Афганистана в 2021 г., ежемесячно

Импорт, тыс. долл.			
Январь	40,7	Июль	1781,0
Февраль	150,0	Август	2034,6
Март	252,6	Сентябрь	2234,1
Апрель	579,1	Октябрь	2580,4
Май	920,9	Ноябрь	3490,2
Июнь	1426,3	Декабрь	6191,9

Источник: автор по данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике².

построена больница, создающая возможность для афганцев, имеющих средства, посетить Узбекистан, что также содействует связанности двух стран. Инфраструктура зоны свободной торговли в Термезе используется Казахстаном, который открыл там свой павильон. Интерес к проекту проявляли послы стран Китая, Германии, ОАЭ, Чехии, Катара³.

¹ Airitom Free Zone [Веб-сайт]. URL: <https://airitom.com/ru/главная/> (дата обращения: 19.10.2025).

² Объем внешнеторгового оборота (в разрезе стран, годовой) [Электронный ресурс] // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 08.05.2025).

³ Объем внешнеторгового оборота (в разрезе стран, по месяцам) [Электронный ресурс] // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 08.05.2025).

В Термез же «переехали» и международные форумы, посвященные развитию отношений между Центральной и Южной Азией. В мае 2025 г. в городе состоялось заседание Термезского диалога по взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. В отличие от прошедшей в июле 2021 г. в Ташкенте Международной конференции «Центральная и Южная Азия: взаимосвязанность. Вызовы и возможности», обсуждения на новой термезской площадке концентрируются больше на практических вопросах.

Майское мероприятие прошло не на таком высоком уровне, как ташкентская конференция 2021 г., но это изменение отражает, в том числе, позитивные тенденции. Как уже упоминалось, фактическое завершение внутриафганского конфликта, произошедшее между двумя этими событиями, только содействовало большим планам руководства Узбекистана. Сквозная тема выступлений высоких представителей стран в июле 2021 г. — хаос в Афганистане на фоне вывода американского контингента, который ставит под угрозу все обсуждаемые планы по развитию отношений Центральной и Южной Азии, — больше не актуальна. Открылась возможность для предметного обсуждения реализации экономических инициатив, которое раньше затмевалось многосторонними обсуждениями политических проблем афганского урегулирования.

Организаторами Термезского диалога выступают МИД Республики Узбекистан, Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан и Торгово-промышленная палата страны, что отражает три вектора деятельности площадки — политический, экспертный и торговый. Закреплению формата может содействовать разработанная Концепция данной диалоговой площадки¹. В документе систематизированы выделенные нами ранее мотивация к сотрудничеству, видение места Афганистана в регионе, поставлены цели и намечены пути их достижения. В конце документа подводится итог планам по развитию связей Центральной и Южной Азии, где отражается суть инициативы: «В целом, активизация сотрудничества между странами Центральной и Южной Азии по вышеуказанным направлениям создаст ситуацию «win-win», несет как экономические, так и политические дивиденды»².

Международный транспортно-логистический хаб в Термезе также позиционируется как часть инфраструктуры, необходимой для международных организаций для осуществления гуманитарной помощи Афганистану³. Его открытие в августе 2024 г. оказало заметное влияние на афганский экспорт в Узбекистан, объем которого в 2024 г. увеличился в 4 раза по сравнению с предыдущим годом.

¹ Концепция Термезского диалога // Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. URL: <https://isrs.uz/ru/Нашрлар/the-concept> (дата обращения: 19.10.2025).

² Там же. С. 19.

³ Выступление Министра иностранных дел Республики Узбекистан Владимира Норова на Общих дебатах 77-й сессии Генеральной ассамблеи ООН // Правительственный портал Республики Узбекистан (старый сайт). URL: <https://old.gov.uz/ru/news/view/35345> (дата обращения: 08.05.2025).

Характеризуя поиск постсоветскими странами своего места в мировой экономике после распада Советского Союза, эксперты часто говорят о том, что связанным с Россией проектам конкуренцию оказывают идеи соединения стран Центральной Азии со странами Южной Азии [Сафранчук, 2021]. Соответствующие инициативы получают, в том числе, историческое обоснование через нарратив о «восстановлении» межрегиональной взаимосвязанности¹. В Узбекистане также укрепились идеи «разворота на юг» [Сафранчук, 2015], а рост товарооборота после прихода к власти движения «Талибан» можно считать признаком устойчивости такого стратегического курса.

Развитие торговли Афганистана с Узбекистаном не вступает в противоречие с его политической линией. Выделенная динамика — результат открытой, целенаправленной политики правительства Узбекистана. Отсутствие противоречия между декларируемыми политическими целями и практическими успехами позволяет правительству Узбекистана использовать динамику отношений с Афганистаном в качестве примера своей эффективности, что является важным мотивом для продолжения деятельности по расширению узбекистано-афганских связей.

Заключение

Таким образом, установление Исламского Эмирата Афганистан не оказало влияния на внешнеполитический курс Узбекистана в отношении своего южного соседа, который состоял в расширении экономических связей и интеграции Афганистана в Центральную Азию в роли связующего звена с Южной Азией. Выбор в пользу сохранения курса способствовало несколько факторов.

Во-первых, прекращение диверсионных атак против объектов инфраструктуры, которые практиковали вооруженные сторонники ИЭА во время борьбы за власть, и общее установление безопасности и фактическое прекращение конфликта в Афганистане оказали положительное влияние на темп осуществления узбекистанской стратегии.

Во-вторых, и И. Каримов, и Ш. Мирзиеев использовали афганский конфликт для улучшения своего международного имиджа. Притом, что подходы и принципы были общими — организация многосторонних конференций и отрицание силового пути решения конфликта — второму президенту Узбекистана, фактически, повезло. История его дипломатических усилий не дошла до того момента, когда отсутствие результатов заставило бы отказаться от подобной работы — внутриафганский конфликт закончился, пусть и односторонним и силовым путем. При Ш. Мирзиееве афганская политика Узбекистана была интегри-

¹ Укрепление взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией становится ключевым трендом современного политического и экономического дискурса // UZDAILY. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/ukreplenie-vzaimosvazannosti-mezhdu-tsentralnoi-i-iuzhnoi-aziei-stanovitsia-kliuchevym-trendom-sovremennogo-politicheskogo-i-ekonomicheskogo-diskursa/> (дата обращения: 19.10.2025).

рована в общий курс реформ внутри страны, в построение так называемого Нового Узбекистана, произошла десекуритизация афганской проблемы.

В-третьих, связи с функционерами движения «Галибан», налаженные, в том числе, в ходе осуществления Узбекистаном посреднических функций, позволили оперативно установить отношения с временным правительством и получить гарантии безопасности.

Официальный курс Узбекистана в отношении Афганистана удачно описал министр водного хозяйства страны, комментируя строительство канала Кош-Тепа: «Просто возьмите вечером плов, зайдите к соседу, и увидите, какой он хороший человек. Он тоже ответит вам добром»¹.

Библиографический список

Арипов Э.Т. Афганистан: время для диалога // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 169—176.

Арипов Э. Межафганские переговоры не должны стать упущенным шансом на мир // Afghanistan.ru. 20.10.2020. URL: <https://afghanistan.ru/doc/140023.html> (дата обращения: 08.05.2025).

Арипов Э. Узбекско-афганские отношения: новый этап динамического развития // Международные отношения. 2018. № 1 (71). С. 19.

Махмудов Р. Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. 2023;(2):80—93.

Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1 (L). С. 121—134.

Притчин С.А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 781—790.

Саженов Н.Д. О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017—2019 гг.) // Уральское востоковедение. 2020. № 10. С. 14—26.

Сарухания Ю. Афганские традиции узбекской внешней политики // CABAR.asia. 01.07.2019. URL: <https://cabar.asia/ru/afganskije-traditsii-uzbekskoj-vneshnej-politiki> (дата обращения: 08.05.2025).

Сарухания Ю. Скромный актер в афганском урегулировании: стратегия Узбекистана в Афганистане. // CAAN. 21.08.2015. URL: https://www.caa-network.org/archives/4897#_ftnref3 (дата обращения: 08.05.2025).

Сафранчук И., Махмудов Р. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 24—32.

Сафранчук И. Глобализация в головах // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 120—126.

Сафранчук И.А. и др. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность // Евразийские стратегии. М.: МГИМО, 2022. 32 с.

¹ Министр водного хозяйства Узбекистана: Афганистан имеет право отводить воду из Амударьи для канала Кош-Тепа // Eurasia Today. 20.03.2025. URL: <https://eurasiatoday.ru/ministr-vodnogo-hozyajstva-uzbekistana-afganistan-imeet-pravo-otvodit-vodu-iz-amudari-dlya-kanala-kosh-tera/> (дата обращения: 08.05.2025).

Умаров А. Инициативы Республики Узбекистан в афганском направлении: потенциальные возможности и риски // *Xalqaro munosabatlar*. 2018. № 1. С. 33.

Шодэ Д. Исламский терроризм в регионе Большой Центральной Азии: «аль-каидизация» узбекского джихадизма // *Russie.Nei.Visions*, № 35, декабрь 2008.

Эргашев Б.И. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // *Русская политология — Russian Political Science*. 2021. № 3 (20). С. 34—41.

Laruelle M. Assessing Uzbekistan's and Tajikistan's Afghan Policies: The Impact of Domestic Drivers // *The Central Asia—Afghanistan relationship: From Soviet intervention to Silk Road initiative*, edited by Marlène Laruelle, Lanham, Lexington, 2017, p. 115

Umarov A. The «Afghan Factor» in Uzbekistan's Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // *Asian Affairs*, 2021, 52(3), 536—553.

References

Aripov E. Afghanistan: Time for Dialogue // *Russia in Global Politics*. 2024, V. 22, N. 6. P. 169—176. (In Russian).

Aripov E. Afghanistan: Time for Dialogue // *Russia in Global Politics*, 2024, No. 6. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/afganistan-aripov/> (accessed: 08.05.2025). (In Russian).

Aripov E. Uzbek-Afghan relations: a new stage of dynamic development // *International Relations* No. 1 (71), 2018, p. 19. (In Russian).

Chaudet D. Islamic terrorism in the Greater Central Asian region: “al-Qaedaization” of Uzbek jihadism // *Russie.Nei.Visions*, No. 35, December 2008. (In Russian).

Ergashev B.I. Foreign policy of Uzbekistan towards Afghanistan in the post—Soviet period: stages, principles, main directions and results // *Russian Political Science — Russian Political Science*, No. 3 (20), 2021, p. 34—41. (In Russian).

Makhmudov R. Foreign policy of modern Uzbekistan. *Russia and the New States of Eurasia*, 2021, No. 1 (L), pp. 121—134. (In Russian).

Makhmudov R. The Afghan vector of Uzbekistan's modern foreign policy. *Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2023;(2):80—93. (In Russian).

Pritchins S.A. Transformation of Uzbekistan's approaches to Afghanistan after 2016 // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2020. Vol. 20. No. 4. pp. 781—790. (In Russian).

Safranchuk I., Makhmudov R. Transport connectivity and international processes in Eurasia: problems and contradictions // *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65. No. 10. Pp. 24—32. (In Russian).

Safranchuk I. Globalization in the minds // *Russia in global politics*. 2015. Vol. 13, No. 1. pp. 120—126. (In Russian).

Safranchuk I.A. et al. Afghanistan after regime change: internal and international uncertainty // *Eurasian Strategies*. Moscow: MGIMO, 2022. 32 p.

Sarukhanyan Y. The Afghan traditions of Uzbek foreign policy // *CABAR.asia* . 01.07.2019. URL: <https://cabar.asia/ru/afganskije-traditsii-uzbekskoj-vneshnej-politiki> (accessed: 08.05.2025). (In Russian).

Sarukhanyan Yu. A modest actor in the Afghan settlement: Uzbekistan's strategy in Afghanistan // *CAAN*. 08/21/2015. URL: https://www.caa-network.org/archives/4897#_ftnref3 (accessed: 08.05.2025). (In Russian).

Sazhenov N.D. On the activities of Uzbekistan in the settlement of the Afghan conflict (2017—2019) // *Ural Oriental Studies*. 2020. No. 10. pp. 14—26. (In Russian).

Umarov A. Initiatives of the Republic of Uzbekistan in the Afghan direction: potential opportunities and risks. // *Xalqaro munosabatlar*, 2018, № 1, p. 33. (In Russian).

Laruelle M. Assessing Uzbekistan's and Tajikistan's Afghan Policies: The Impact of Domestic Drivers // *The Central Asia—Afghanistan relationship: From Soviet intervention to Silk Road initiative*, edited by Marlène Laruelle, Lanham, Lexington, 2017, p. 115.

Umarov A. The «Afghan Factor» in Uzbekistan's Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // *Asian Affairs*, 2021, 52(3), 536—553.

Поступила в редакцию: 23.11.2025

Принята к публикации: 08.12.2025

Received: Nov 23, 2025

Accepted: Dec 8, 2025

Е. В. Данилова

Правовые основы и практика обеспечения информационной безопасности в рамках ШОС

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию основных направлений деятельности государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), направленной на обеспечение информационной безопасности на национальном, региональном и глобальном уровне. Особое внимание уделено нормативной основе сотрудничества стран, которое представляется ключевым звеном для развития взаимодействия. Кроме того, анализируются практические шаги государств-членов, способствующие укреплению защиты информационного сектора. Делается акцент на проведении совместных киберучений, проведении конференций, расширении взаимодействия и обмене опытом между профильными структурами между государствами-членами, совершенствовании институциональной основы организации. Были сделаны выводы, что страны укрепляют сотрудничество в защите критической информационной инфраструктуры и противодействии киберугрозам, с особым упором на противодействии терроризму и экстремизму в сети Интернет. Организация оперативно адаптируется к изменениям в международной обстановке, развивает нормативную базу, совершенствует институциональную структуру и проводит совместные учения.

Ключевые слова: киберугрозы, киберпространство, международная информационная безопасность, Шанхайская организация сотрудничества, киберучения.

Автор: Данилова Евгения Вячеславовна, магистрант 1 курса, факультет международных отношений, Дипломатическая академия МИД России.
ORCID: 0009-0005-0237-4668. E-mail: jane.dan02@mail.ru

Evgeniia V. Danilova

Legal framework and practices for ensuring information security within the SCO

Abstract. This article is devoted to a study of the main activities of the member states of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) aimed at ensuring information security at the national, regional and global levels. Particular attention is given to the normative framework of country cooperation, which appears to be a key link for promoting collaboration. The practical steps taken by Member States to strengthen the protection of the information sector are also analysed. Emphasis is placed on conducting joint cyber exercises, holding conferences, expanding interaction and exchange of experience between relevant structures among member states, improving the institutional framework of the organization. It was concluded that countries are strengthening cooperation in protecting critical information infrastructure and countering cyber threats, with special emphasis on countering terrorism and extremism on the Internet. The organization rapidly adapts to changes in the international environment, develops normative frameworks, improves institutional structures and conducts joint exercises.

Keywords: cyber threats, cyberspace, international information security, Shanghai Cooperation Organization, cyber-trainings.

Author: *Danilova Evgeniia V.*, 1st year master's student, faculty of international relations, the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.
ORCID: 0009-0005-0237-4668. E-mail: jane.dan02@mail.ru

Система международных отношений изменяется под влиянием различных факторов, ключевым из которых можно назвать экономические процессы и технологические революции. Обострение конкуренции государств и иных субъектов международных отношений за ресурсы и доминирование в цифровой сфере выступает значимым фактором дестабилизации глобальной системы. Кризис проявляется в нескольких взаимосвязанных вызовах: и геополитическая конкуренция за большие данные, что зачастую носит название колониализм данных, и становящееся более явным цифровое неравенство, и рост уровня безработицы, вызванный роботизацией, а также правовые и этические пробелы в регулировании этих процессов. Параллельно происходит становление и формирование многополярного мирового порядка, который в свою очередь сопровождается повышением уровня конфликтности на региональном и глобальном уровне, нарастанием конфронтации между государствами или же блоками стран.

На данном фоне увеличивается роль региональных организаций, которые объединяют и аккумулируют экономическую, политическую и в ряде случаев военную силу государств. Так, набирает вес Шанхайская организация сотрудничества, в которую в настоящее время входят Россия, Китай, Казахстан, Индия, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан, Иран и Беларусь. Она основана на принципах «шанхайского духа»: взаимное доверие, взаимная выгода, равноправие, уважение к многообразию культур и стремление к совместному развитию. О росте авторитета на мировой арене свидетельствует увеличивающееся число стран-партнеров, в том числе из государств Персидского залива, что позволяет ШОС действовать за региональными рамками.

Шанхайская организация сотрудничества воспринимается в качестве объединения, одной из ключевых задач которого является обеспечение безопасности стран-членов. Если прежде угрозы носили более материальный характер, то сейчас фокус в том числе сместился на киберпространство. По данным РАТС ШОС, в 2024 г. более 60 % киберугроз в регионе имели целью использование интернет-пространства для распространения экстремистской идеологии и планирования террористической деятельности [В ШОС заявили о предотвращении].

Влияние информационных атак на государства — члены Шанхайской организации сотрудничества

Каждый из десяти государств-членов региональной организации сталкивается с возрастающим количеством атак, наносящих вред критически важной инфраструктуре в области энергетики, финансов, обороны и ряде других. Более того, киберпространство может использоваться в качестве арены ведения инфор-

мационной войны. Так, по заявлению директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации, Марии Захаровой, Коллективный запад ведет гибридную войну против России, одной из составляющей которой является дезинформация, распространение фейковой информации и атаки на российскую инфраструктуру с целью получения стратегических данных и нарушения функционирования государственных институтов [Сборов А.]. Кроме того, согласно результатам совместного исследования Экспертно-аналитического центра группы компаний InfoWatch и группы компаний ЦИРКОН, проведенного в 2024 г., субъекты коммерческой деятельности тоже подвержены значительным рискам в результате информационных атак. Так, средний прямой финансовый ущерб, наносимый российским компаниям за один день, оценивается приблизительно в 11,5 млн рублей [Средний ущерб компаний РФ].

Китайская Народная Республика рассматривает информационную безопасность в качестве одного из приоритетных направлений внутренней и внешней политики, что связано как с утечкой данных, так и с усилением государственного кибершпионажа. В 2025 г. был зафиксирован масштабный инцидент информационной безопасности, связанный с несанкционированным доступом и компрометацией приблизительно 4 млрд записей персональных данных на территории страны, что демонстрирует высокий уровень угроз и колоссальные объёмы информации, подвергающиеся риску в глобальном цифровом пространстве [NCSC Annual Review 2025].

Ключевой вызов для информационной безопасности Ирана связан с ростом геополитической конфронтации в регионе и сопровождающими её интенсивными кибероперациями. Наибольшему давлению подвержены стратегические объекты, такие как системы управления судами, АЗС и банкоматы, что не только приводит к экономическим убыткам, но и наносит урон двусторонним отношениям государства с партнёрами [Лаврова Д.]. Страны-участницы ШОС Центральной Азии также сталкиваются с такими вызовами, как фишинговые атаки, активизация вредоносного программного обеспечения для кражи данных, распространение деструктивной идеологии, что возводит вопрос обеспечения информационной безопасности в число проблем первостепенной важности [Авезова Я.]. Что касается Индии, то стоит отметить, что страна является одной из наиболее атакуемых в мире. В 2024 г. она заняла второе место по числу жертв кибератак после США [Индия стала главной целью]. В то же время основным источником проблем в сфере информационной безопасности в Беларуси являются внутренние факторы, такие как сбои программного обеспечения, технические неполадки, человеческий фактор [Матвеев А.].

Таким образом, государства-члены ШОС сталкиваются с растущим количеством угроз для их информационной безопасности. Более того, современные вызовы приобретают трансграничный характер, что наглядно демонстрируется распространением самореплицирующихся вредоносных программ, известных как «черви». В контексте региональной организации, участницы которой связаны общими транспортными, энергетическими и логистическими сетями, локальный киберинцидент способен в кратчайшие сроки привести к нарушению функ-

ционирования критически важной инфраструктуры на территории всего региона. Эффективное противодействие подобным вызовам требует не индивидуальных, а скоординированных действий, в связи с чем участники Шанхайской организации сотрудничества укрепляют взаимодействие по данному направлению.

Сотрудничество стран — членов ШОС осуществляется на двух основных уровнях: документальное закрепление позиций сторон, включая формулировку и закрепление основных вызовов и подходов; практическое взаимодействие, включающее как проведение совместных учений, так и взаимодействие профильных ведомств в рамках специализированных институтов организации.

Правовая база сотрудничества стран — участниц ШОС в области обеспечения информационной безопасности

Актуальность проблемы информационной безопасности для стран-участниц ШОС подтверждается наличием правовой базы, закладывающей стратегические основы взаимодействия государств и определяющей направление их совместной деятельности. Это также свидетельствует о том, что несмотря на принимаемые меры на национальном уровне, государства признают необходимость развития международного взаимодействия по данному вопросу.

Так, еще в 2009 г. было принято «Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности» [Соглашение]. В документе были обозначены основные угрозы для стран, среди которых можно выделить информационный терроризм, применение информационного оружия, информационную преступность. В отдельную категорию были выделены противоправные действия, направленные на нанесение ущерба или уничтожение критически важной инфраструктуры. Стороны отметили, что деятельность в международном информационном пространстве должна способствовать социально-экономическому развитию всех стран и международной безопасности и стабильности, а не служить деструктивным элементом. Политика акторов мировой арены в киберпространстве обязана соответствовать общепризнанным принципам международного права, включая мирное урегулирование споров, неприменение силы, невмешательство во внутренние дела и уважение прав человека. Но в то же время каждая сторона имеет суверенное право на защиту своих информационных ресурсов и критически важной инфраструктуры от вредоносных атак.

По мере стремительного возрастания количества угроз и их влияния на национальные интересы государства вопросы информационной безопасности стали подниматься на уровне встреч глав государств и министров иностранных дел, а стратегические шаги стали находить отражение в итоговых декларациях организации. Так, в 2016 г. по итогам саммита в Ташкенте был принят документ, в котором стороны среди прочих заявлений обозначили ключевые принципы деятельности стран в сфере МИБ. В целом, многие положения схожи с соглашением 2009 г., однако была особо отмечена необходимость наращивания сотрудничест-

ва в упомянутой сфере [Ташкентская декларация]. В 2017 г. проблематика информационной безопасности в рамках региональной организации приняла качественно иной характер. В Астанинской декларации глав государств-членов была выражена готовность выстраивания сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами: странами, организациями, объединениями и структурами ООН. Содержался призыв к международному сообществу сосредоточить усилия на мерах по укреплению доверия, отказу от применения силы и предотвращению конфликтов в информационной среде [Астанинская декларация].

Следующим этапом развития правового аспекта сотрудничества стран ШОС, направленного на обеспечение региональной информационной безопасности, стало подписание в 2018 г. «Циндаоской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» [Циндаоская декларация]. Документ подчеркивает первостепенную роль ООН в создании архитектуры международной информационной безопасности, так как только данная организация наделена полномочиями принятия общеобязательных для всех государств норм и принципов, гарантирующих их ответственное поведение в информационном пространстве. Важно также отметить, что данное положение свидетельствует о том, что страны — участницы ШОС стали осознавать взаимозависимость всех государств в киберпространстве вне зависимости от географического расположения, поэтому достижение консенсуса на региональном уровне недостаточно для обеспечения информационной безопасности государства. Не менее важным пунктом, упомянутом в рассматриваемом документе служит тезис о необходимости создания общей системы мониторинга угроз в цифровом пространстве, что говорит о возрастающей готовности подписавшихся сторон переходить к практическим действиям.

В 2019 г. в рамках Шанхайской организации сотрудничества была принята «Концепция сотрудничества государств — членов ШОС в сфере цифровизации и информационно-коммуникационных технологий», в 2021 был создан специальный механизм, регулирующий развитие ИКТ в странах. Согласно Концепции, в его задачи входит разработка межгосударственных соглашений, принятие мер, направленных на стимулирование обмена знаниями, проведение совместных исследований и привлечение экспертов, и повышение квалификации работников в сфере цифровизации в государствах-членах. Кроме того, среди задач Совещания входит создание условий для партнерства между компаниями, реализация высокотехнологичных проектов на базе инновационных кластеров, а также обмен опытом в поддержке стартапов [Совещание].

Серьезным вызовом для мирового сообщества стала милитаризация информационного пространства, ставшая следствием использования ИКТ с целью нанесения ущерба другой стороне. В связи с этим страны — участницы ШОС приняли Самаркандскую декларацию по итогам встречи глав государств-членов в 2022 г. [Самаркандская декларация]. В ней отмечается, что стороны выступают против милитаризации информационного пространства, а также поддержали запуск разработки под эгидой Организации Объединенных Наций международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях. Более того, в Тяньцзиньской декларации, принятой по итогам XXV заседания Совета

глав государств — членов ШОС, также отмечается кристально ясная отрицательная позиция стран относительно превращения информационного пространства в новую арену геополитического противостояния и начала новой гонки кибервооружения [Тяньцзиньская декларация].

Одним из направлений сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества является противодействие терроризму. С развитием ИКТ, способствующим более быстрой передаче информации вне зависимости от территориального расположения, террористическая идеология и агитация стали настоящей угрозой для национальной, региональной и международной безопасности. В ответ на данную тенденцию страны наращивают сотрудничество по предотвращению распространения деструктивных нарративов в сети Интернет, важной основой для которого, бесспорно, является нормативная база. Так, основополагающим является «Соглашения о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств — членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности» от 2006 года» [Соглашение о сотрудничестве]. В данном документе основной упор делается на единогласном стремлении сторон противодействовать терроризму, в то время как в уже упомянутом «Соглашении о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» от 2009 г. отмечаются новые механизмы и инструменты для использования в противоправной деятельности.

Практическое сотрудничество по обеспечению безопасности в информационном пространстве

Оформление политической воли открывает возможности для принятия конкретных действий, направленных на непосредственное обеспечение информационной безопасности. Так, в сфере практической реализации принятых нормативно-правовых актов особого внимания заслуживают проводимые совместные учения в киберпространстве. В 2015 г. прошли первые киберучения, «Сямьнь-2015». В рамках мероприятия компетентным органам было предложено выполнить задания, направленные на повышение квалификации в области планирования, подготовки и реализации специальных миссий по обезвреживанию террористических группировок в киберпространстве [Штабные киберучения стран ШОС по борьбе с терроризмом].

В 2023 г. Специальные службы стран — членов Шанхайской организации сотрудничества провели в Нью-Дели в четвертый и на данный момент последний раз совместное антитеррористическое учение. Его целью являлась отработка навыков выявления и пресечения использования сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях, а также повышение качества взаимодействия спецслужб в условиях кибератак на объекты критически важной информационной инфраструктуры. В рамках мероприятия участники осуществили обмен опытом по противодействию использованию цифровых активов для фи-

нансирования запрещенной деятельности [Спецслужбы стран — членов ШОС провели в Нью-Дели].

Таким образом, проведение совместных киберучений свидетельствует о готовности стран ШОС не только декларировать необходимость сотрудничества для обеспечения национальной и региональной информационной безопасности, но и предпринимать для этого конкретные шаги. Более того, совместные учения всегда являются показателем не только военной мощи государств, но и их единства и сплоченности. Не менее важным является практический результат данного направления деятельности, так как создают условия для отработки совместных действий специалистами из различных государств, имеющих различия в техническом оснащении, правовых системах и языковой среде, что способствует повышению уровня координации государств — членов ШОС при реагировании на реальные кибератаки трансграничного характера.

Развивается сотрудничество и по направлению обмена информацией и опытом между профильными ведомствами государств-членов. На Международной конференции по противодействию терроризму в странах ШОС, которая проводится в ноябре 2025 г. в Ташкенте, Директор исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС Уларбек Шаршеев заявил, что в целях противодействия террористической деятельности отмечается интенсификация обмена сведениями о физических лицах с признаками вовлеченности в террористическую и экстремистскую деятельность, а также аналитической информацией о новых методах использования ресурсов сети Интернет нелегальными преступными структурами [Спецслужбы стран ШОС].

Важным событием в области сотрудничества по обеспечению информационной безопасности является решение о создании Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов ШОС, который будет располагаться в Ташкенте. Данное решение было принято на саммите Шанхайской организации сотрудничества, состоявшемся 31 августа — 1 сентября 2025 г. в Китае. Под эгидой Универсального центра будет сформирован Центр информационной безопасности ШОС, который станет координирующим инструментом, направленным на оптимизацию усилий по защите информационного пространства [ШОС против киберугроз]. Пекин сыграл ключевую роль в данном событии, так как в ходе своего председательства призвал ускорить создание специализированных центров по борьбе с традиционными и новыми угрозами.

Данное событие стало закономерным шагом в развитии работы Региональной антитеррористической структуры ШОС, которая функционирует с 2004 г. Базируясь в Ташкенте, РАТС обеспечивает координацию совместных усилий государств-членов в противодействии «трем силам зла» — так в терминологии ШОС обозначаются терроризм, сепаратизм и экстремизм.

Развитие сотрудничества с другими акторами международных отношений

ШОС стремится выйти за региональные рамки и расширить сотрудничество с другими акторами мировой арены. Одним из таких партнеров является

БРИКС, который по праву считается проводником формирующегося многополярного порядка, основанного на нормах международного права, уважении национального суверенитета, взаимовыгоде и решении вопросов дипломатическим путем.

Важным направлением взаимодействия БРИКС и ШОС в области информационной безопасности выступает реализация совместных инициатив, ориентированных на обучение и повышение квалификации профильных специалистов. Проведение в данном формате учебных курсов, семинаров и тренингов создает условия для эффективного обмена знаниями о современных методах защиты информации и противодействия киберугрозам. Указанная деятельность направлена на развитие человеческого капитала как ключевого ресурса обеспечения национальной и региональной безопасности.

Кроме того, формирование платформы для совместного мониторинга и анализа киберугроз представляет собой фундамент стратегического партнерства двух объединений в рассматриваемой сфере. Институционализированный обмен оперативными данными об инцидентах и уязвимостях между государствами-членами создаст условия для своевременного реагирования на возникающие вызовы и позволит минимизировать потенциальный ущерб. Это не только повысит уровень глобальной безопасности, но и выполнит объединяющую функцию, способствуя укреплению отношений между членами БРИКС и ШОС [Взаимодействие БРИКС и ШОС].

Заключение

Таким образом, в условиях активной цифровой трансформации границы между физической и виртуальной реальностью становятся все более проницаемыми. Интернет превратился из средства коммуникации в глобальную среду, порождающую новые вызовы, включая киберпреступность и атаки на критически важную инфраструктуру. Для защиты своих национальных интересов государства обращают особое внимание на совершенствование законодательной базы, регулирующей деятельность в информационном пространстве, а также на внедрение специальных механизмов, защищающих как критически важную инфраструктуру, так и социально-психологическое состояние их населения.

Однако, в сфере информационной безопасности возможно достичь успехов только при сотрудничестве с другими игроками мировой арены. Основой такого сотрудничества может служить схожее видение основ деятельности стран в киберпространстве, а также общие подходы к регулированию данной политики. Государства-члены ШОС, которые придерживаются принципов «шанхайского духа», достигли значительных результатов в области обеспечения набирающего актуальность вида безопасности.

Стороны стремятся к налаживанию конструктивного диалога для выработки взаимовыгодных и взаимоприемлемых подходов к регулированию информационного пространства и созданию безопасного киберпространства. Среди осново-

полагающих направлений взаимодействия можно выделить создание нормативно-правовой базы, на основе которой в последующем создаются профильные комитеты, совещания, или же институты в рамках организации. Кроме того, документальное оформление видения ШОС проблемы безопасности в информационном поле стимулирует подписавшие стороны предпринимать практико-ориентированные действия.

Уникальным является проведение совместных военных учений в киберпространстве, что позволяет странам — участницам ШОС готовить свой состав к предотвращению ново возникающих угроз. Геополитические амбиции организации, особенно в сфере международной информационной безопасности, возрастают, о чем свидетельствует создание Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности. Из первоначально пограничного формата по укреплению доверия ШОС трансформировалась в площадку для построения единой и неделимой системы евразийской безопасности. А приверженность ШОС идеалам многополярного мира, базирующегося на нормах международного права и центральной роли ООН, красной нитью проходит по всем официальным документам объединения.

В то же время стоит иметь в виду, что существует ряд препятствий, не позволяющих странам достичь полной интеграции по данному направлению. Одной из наиболее острых проблем являются различия в уровне технологического и инновационного развития участников, что определяет не только внутреннюю политику государства, но и влияет на его действия при взаимодействии с другими странами. Так, Китай и Россия, будучи наиболее технически развитыми участниками делают упор на принятие единых общеобязательных стандартов, в то время как их партнеры в качестве приоритета рассматривают создание инфраструктуры и подготовку высококвалифицированных специалистов, которые бы могли развивать экосистему информационной безопасности в стране. Не менее важную роль играют политические разногласия между участниками, что не позволяет организации выйти на более высокий уровень военно-стратегического сотрудничества.

Библиографический список

Авезова Я. Актуальные киберугрозы в странах СНГ 2023—2024 // Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-v-stranah-sng-2023-2024/> (дата обращения: 01.12.2025).

Астанинская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5206> (дата обращения: 22.11.2025).

В ШОС заявили о предотвращении 181 теракта в 2023 году. URL: <https://ria.ru/20240523/shos-1947842604.html> (дата обращения: 22.11.2025).

Взаимодействие БРИКС и ШОС в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационный портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/122331/#2> (дата обращения: 22.11.2025).

Индия стала главной целью хакеров в начале 2025 года, Россия удерживает место в топ-10 // Cyber Media. URL: <https://securitymedia.org/news/indiya-stala-glavnoy-tselyu-khakerov-v-nachale-2025-goda-rossiya-uderzhivaet-mesto-v-top-10.html> (дата обращения: 01.12.2025).

Лаврова Д. Ландшафт киберугроз в Иране: 2021 — Н1 2024 // Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/research/analytics/landshaft-kiberugroz-v-irane-2021-h1-2024/#id1> (дата обращения: 01.12.2025).

Матвеев А. Какие общие проблемы и вызовы в сфере инфобеза в России и Беларуси // Proway. URL: <https://www.google.com/amp/s/companies.rbc.ru/amp/news/9b24ece8-4a56-49bf-813f-28efb2e869a2/> (дата обращения: 01.12.2025).

Самаркандская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (дата обращения: 22.11.2025).

Сборов А. Мария Захарова: «Информационная война идет одновременно за прошлое, настоящее и будущее» // Эксперт. URL: <https://expert.ru/mnenie/informatsionnaya-voyna-idet-odno-vremennno-za-proshloe-nastoyashchee-i-budushchee/> (дата обращения: 01.12.2025).

Совещание руководителей министерств и ведомств государств — членов ШОС, ответственных за развитие информационно-коммуникационных технологий // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectesco.org/20240208/1268009.html> (дата обращения: 22.11.2025).

Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 22.11.2025).

Соглашения о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902320010> (дата обращения: 22.11.2025).

Спецслужбы стран ШОС усиливают сотрудничество в киберпространстве для блокирования доступа к террористическому и экстремистскому контенту // Sputnik. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20251127/kak-vyrastit-zdorovogo-rebenka-53766387.html> (дата обращения: 22.11.2025).

Спецслужбы стран — членов ШОС провели в Нью-Дели учения по отражению кибератак террористов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19575463> (дата обращения: 22.11.2025).

Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5094> (дата обращения: 22.11.2025).

Тяньцзиньская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6376> (дата обращения: 22.11.2025).

Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 22.11.2025).

ШОС против киберугроз: Ташкент примет Центр информационной безопасности // Stan Radar. URL: <https://stanradar.com/news/full/58196-shos-protiv-kiberugroz-tashkent-primet-tsentri-informatsionnoj-bezopasnosti.html> (дата обращения: 22.11.2025).

Штабные киберучения стран ШОС по борьбе с терроризмом проходят в Китае // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151014/1301603766.html> (дата обращения: 22.11.2025).

NCSC Annual Review 2025 // National Cyber Security Centre. URL: <https://www.ncsc.gov.uk/collection/ncsc-annual-review-2025/chapter-01-cyber-threat-to-the-uk> (дата обращения: 01.12.2025).

References

Astaninskaya deklaratsiya glav gosudarstv — chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva // Prezident Rossii. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5206> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Avezova Ya. Aktual'ny'e kiberugrozy` v stranax SNG 2023—2024 // Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-v-stranah-sng-2023-2024/> (accessed: 1 December 2025). (In Russian).

Indiya stala glavnoj cel'yu xakerov v nachale 2025 goda, Rossiya uderzhivaet mesto v top-10 // Cyber Media. URL: <https://securitymedia.org/news/indiya-stala-glavnoy-tselyu-khakerov-v-nachale-2025-goda-rossiya-uderzhivaet-mesto-v-top-10.html> (accessed: 1 December 2025). (In Russian).

Lavrova D. Landshaft kiberugroz v Irane: 2021 — H1 2024 // Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/research/analytics/landshaft-kiberugroz-v-irane-2021-h1-2024/#id1> (accessed: 1 December 2025). (In Russian).

Matveev A. Kakie obshhie problemy` i vy`zovy` v sfere infobeza v Rossii i Belarusi // Proway. URL: <https://www.google.com/amp/s/companies.rbc.ru/amp/news/9b24ece8-4a56-49bf-813f-28efb2e869a2/> (accessed: 1 December 2025). (In Russian).

NCSC Annual Review 2025 // National Cyber Security Centre. URL: <https://www.ncsc.gov.uk/collection/ncsc-annual-review-2025/chapter-01-cyber-threat-to-the-uk> (accessed: 22 November 2025).

Samarkandskaya deklaratsiya Soveta glav gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

ShOS protiv kiberugroz: Tashkent primet Tsentr informatsionnoy bezopasnosti // Stan Radar. URL: <https://stanradar.com/news/full/58196-shos-protiv-kiberugroz-tashkent-primet-tsentr-informatsionnoj-bezopasnosti.html> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Shtabnyye kiberucheniya stran ShOS po bor'be s terrorizmom prokhodyat v Kitaye // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20151014/1301603766.html> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Soglasheniya o sotrudnichestve v oblasti vyyavleniya i perekrytiya kanalov proniknoveniya na territorii gosudarstv-chlenov ShOS lits, prichastnykh k terroristicheskoy, separatistskoy i ekstremistskoy deyatel'nosti // Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902320010> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Soglasheniye mezhdru pravitel'stvami gosudarstv — chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti // Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Soveshchaniye rukovoditeley ministerstv i vedomstv gosudarstv-chlenov ShOS, otvetstvennykh za razvitiye informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy // Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva. URL: <https://rus.sectsc.org/20240208/1268009.html> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Spetssluzhby stran ShOS usilivayut sotrudnichestvo v kiberprostranstve dlya blokirovaniya dostupa k terroristicheskomu i ekstremistskomu kontentu // Sputnik. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20251127/kak-vyrastit-zdorovogo-rebenka-53766387.html> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Spetssluzhby stran-chlenov ShOS proveli v N'yu-Deli ucheniya po otrazheniyu kiberatak terroristov // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19575463> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Srednij usherb kompanij RF ot odnoj utechki informacii sostavlyaet okolo 11,5 mln rub // Finmarket. URL: <https://www.finmarket.ru/news/6324665> (accessed: 1 December 2025). (In Russian).

Tashkentskaya deklaratsiya 15-letiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva // Prezident Rossii. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5094> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Tsindaoskaya deklaratsiya Soveta glav gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Tyan'tszin'skaya deklaratsiya Soveta glav gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva // Prezident Rossii. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6376> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

V ShOS zayavili o predotvrashchenii 181 terakta v 2023 godu. URL: <https://ria.ru/20240523/shos-1947842604.html> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Vzaimodeystviye BRIKS i ShOS v sfere obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti // Informatsionnyy portal SNG. URL: <https://e-cis.info/news/566/122331/#2> (accessed: 22 November 2025). (In Russian).

Поступила в редакцию: 14.11.2025

Принята к публикации: 20.11.2025

Received: Nov 14, 2025

Accepted: Nov 20, 2025

М.А. Аксенов

«Демолдовенизм» как основа современной политики памяти Молдовы на примере анализа школьных учебников по истории

Аннотация. Статья посвящена анализу политики памяти Республики Молдова через призму содержания школьных учебников по истории. Автор исследует противоборство двух идеологических нарративов: «румынизма» и «молдовенизма», которые определяют формирование национальной идентичности молодого поколения молдаван. Основной вывод работы заключается в том, что современная молдавская система образования целенаправленно продвигает «румынистский» нарратив, позиционируя Молдову как неотъемлемую часть румынской цивилизации, наследницы Римской империи. Учебники последовательно стирают различия между молдаванами и румынами, представляя их как единый народ, разделённый искусственно в советский период. Автор демонстрирует, что в учебниках младших классов (4—9) преобладает исключительно «румынистский» дискурс, создающий определённую базу исторического мышления. В старших классах (10—12) добавляется компонент «демолдовенизма» — критика советского периода как оккупации и навязывания искусственной молдавской идентичности. Исследование выявляет проблемные последствия такой политики памяти: риск декорпорации Гагаузии, минимизация возможности интеграции ПМР, ухудшение отношений с Россией и дестабилизация внутреннего состояния государства. Автор указывает на параллели с украинским кейсом, где подобная политика привела к социальному расколу и конфликтизации. Работа представляет значительный интерес для специалистов в области политики памяти, образовательной политики и национальной идентичности в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Образование в Молдове, «румынизм», «молдовенизм», «демолдовенизм», политика памяти, секьюритизация, виктимизация, декоммунизация, историческая идентичность.

Автор: Аксенов Максим Артурович, магистр международных отношений, преподаватель ГБОУ Школа № 1530 «Школа Ломоносова», независимый эксперт. ORCID: 0009-0001-0680-6297. E-mail: maksaksenov@gmail.com

Maxim A. Aksenov

“Demoldovenism” as the basis of contemporary memory politics in Moldova, based on an analysis of school history textbooks

Abstract. The article analyzes the memory politics of the Republic of Moldova through the prism of the content of school history textbooks. The author examines the confrontation between two ideological narratives: “Romanianism” and “Moldovenism”, which determine the formation of the national identity of the younger generation of Moldovans. The main conclusion of the work is that the contemporary Moldovan education system deliberately promotes the “Romanianist” narrative, positioning Moldo-

va as an integral part of the Romanian civilization, the heir to the Roman Empire. Textbooks consistently erase the differences between Moldovans and Romanians, presenting them as a single people, artificially divided during the Soviet period. The author demonstrates that in primary school textbooks (4–9), an exclusively “Romanianist” discourse predominates, creating a certain basis for historical thinking. In high school (10–12), a “demoldovenism” component is added — criticism of the Soviet period as an occupation and the imposition of an artificial Moldovan identity. The study identifies the problematic consequences of such memory politics: the risk of Gagauzia’s decoronation, the minimization of the PMR’s integration potential, the deterioration of relations with Russia, and the destabilization of the state’s internal situation. The author points to parallels with the Ukrainian case, where such a policy led to social division and conflict. The study is of significant interest to specialists in the fields of memory politics, educational policy, and national identity in the post-Soviet space.

Keywords: Education in Moldova, “Romanianism”, “Moldovenism”, “demoldovenism”, politics of memory, securitization, victimization, decommunization, historical identity.

Author: *Aksenov Maksim A.*, Master of International Relations, teacher at State Budgetary Educational Institution School No. 1530 “Lomonosov School”, independent expert. ORCID: 0009-0001-0680-6297. E-mail: maksaksenov@gmail.com

Введение

Исследования политики памяти на территории бывшего СССР демонстрирует процессы переформатирования постсоветского пространства в условиях геополитической конкуренции между Западом и Россией. Молдова в этой «конкуренции» занимает уникальное положение на пересечении европейских и евразийских интеграционных проектов, что делает её потенциальным полигоном для анализа механизмов конструирования национальной идентичности. К тому же процесс переориентации постсоветских государств на западные ценности и евроатлантические структуры, является одной из тем евразийских исследований.

Так же стоит отметить, что Молдова, находясь между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом, демонстрирует, как государство использует политику памяти для трансформации идентичности и переориентации своего населения с евразийского на европейский вектор развития.

События 1991 г. изменили главный исторический нарратив Молдавского государства, если ранее, при СССР преподавался интернационализм, то в новых реалиях и с провозглашением независимости Молдавии, в академических кругах начался спор между «румынистами» и «молдовенистами».

«Румынисты» черпают «свои доводы в первоначальной общности (в далеком прошлом) этнического массива валахов, в сохраняющейся языковой и культурной близости молдаван и румын, а также в факте принадлежности Молдавии к Румынии в 1918—1940 и в 1941—1944 гг.» [Гудименко, 2024, с. 24], считая необходимым прямое заимствование ключевых идей и тезисов румынской историографии, касающихся вопросов исторического развития, которые находятся в контексте националистического и антисоветского дискурса. При этом происходит полное отождествление молдаван с румынским этносом, что особенно замет-

но в академической среде и среди интеллигенции. Этот процесс отражает тенденцию к переосмыслению исторических фактов и формированию единой идентичности, что вызывает значительные споры и противоречия в обществе.

«Молдовенисты» «исходят из того, что молдаване являются самостоятельным и жизнеспособным этносом, обладающим давно сформировавшейся идентичностью и длительной исторической ретроспективой» [Гудименко, 2024, с. 24], в которой особое внимание уделяется событиям XX века. В этой интерпретации традиционно рассматриваются ключевые моменты, такие как Великая Отечественная война, которая представляется как важный этап в формировании молдавской идентичности. Период существования Молдавской Советской Социалистической Республики также получает положительную оценку, рассматривая его как время, когда молдавский народ смог укрепить свои культурные и политические позиции. В то же время, «молдовенисты» подвергают критике процессы румынизации, происходившие в 1920-х и 1930-х годах, утверждая, что они пытались подорвать уникальность молдавской культуры и идентичности. Сторонники этой идеологии настойчиво отстаивают мнение о том, что молдаване обладают собственной этнической [Кушко, 2012, с. 256—291] и национальной идентичностью, которая существенно отличает их от румын. Они подчеркивают, что исторические обстоятельства, такие как влияние различных культур и режимов, сформировали уникальные черты молдавского народа. Таким образом, «молдовенисты», находящиеся в тени «румынистической» политики Молдавского государства, стремятся создать альтернативную нарративную линию, которая бы утверждала самостоятельность молдавской нации и её историческую значимость. В результате такого подхода происходит переосмысление исторических событий, что вызывает активные дискуссии и споры в обществе о природе и будущем молдавской идентичности.

Итогом вышеописанного можно назвать внутренний кризис государственной идентичности что «тесным образом связано с понятием национальной идентичности» [Аксенов, 2024, с. 43]. На примере это выглядит как кризис оценок тех или иных ключевых исторических явлений, таких как Великая отечественная война, которая в одной трактовке показывает Молдову как жертву нацистской оккупации, и, следовательно, Великая Отечественная война — процесс освобождения молдавского народа [Офицеров-Бельский, 2020], тогда как в других «описаниях» акцент делается на смену оккупационных режимов, немецкого на советский.

После провозглашения независимости Республике Молдова, в стране возникла необходимость в формировании исторической памяти, которая бы отражала уникальность молдавской идентичности. В этом контексте особое внимание стало уделяться связям с Румынией, что стало важным элементом национального самосознания. Официальная символика Республики Молдова, включая флаг и гимн, отразила эту близость к румынской культуре. Например, после обретения независимости был принят флаг, который имеет много общего с румынским, подчеркивая общие корни двух народов. Кроме того, до 1994 г. в качестве государственного гимна в Молдове использовалась румынская песня «Проснись, румын!», что также свидетельствовало о стремлении укрепить связь с

Румынией. Валюта обеих стран, называемая лей, дополнительно символизировала экономическую и культурную близость между Молдовой и Румынией. Эти элементы официальной символики не только отражали исторические связи, но и способствовали формированию общественного мнения о единстве двух наций. Тем не менее, несмотря на такую близость, в обществе также возникли дискуссии о необходимости создания самостоятельной молдавской идентичности, что привело к противоречивым взглядам на историческую память. Некоторые группы выступают за усиление акцента на уникальности молдавской культуры и истории, что порой приводит к конфликту с румынским наследием. В результате этого процесса происходит переосмысление роли Румынии в молдавской истории и поиск новых нарративов, которые могли бы объединить различные аспекты молдавской идентичности.

Таким образом, конструирование исторической памяти в Республике Молдова стало сложным и многогранным процессом, в котором пересекаются как стремление к единству с Румынией, так и желание утвердить самостоятельность молдавского народа.

В результате, по аналогии с секьюритизацией — дискурсивного «процесса, посредством которого в политическом сообществе формируется восприятие того или иного фактора («Другого» — прим. авт.) в качестве значимой угрозы, а также понимание необходимости принятия срочных исключительных мер по ее разрешению и выражается соответствующий призыв» [Buzan, Wæver, 2003, p. 491], при том, что «другого» нужно рассматривать, с точки зрения подмены ««своего» «Другим». Когда «Другое» выступает привлекательным, желаемым, тогда суждения идентификации будут основываться не на собственных ценностных установках, а на желаемом или приятном, то есть зависят от образа «Другого» и от дискурса» [Лёвкина, Алимпиева, 2015, С. 91], была сформулирована идея «боев за историю», через призму «своё—чужое», где «своё — румынское: язык, история, государство», а чужое — «советское (русское): советская история, русский язык, Российская империя» [Лёвкина, Алимпиева, 2015, с. 52]. Таким образом, такой вариант описания событий «дает возможность дестабилизировать установившийся «здоровый смысл», изобличая его политический характер» [Байша, 2021, с. 9], где под здоровым смыслом подразумевается «процесс, влекущий за собой разрушение этого самого смысла, который начинает восприниматься как «порабощающий» и мешающий представить альтернативные, более справедливые варианты мироустройства» [Байша, 2024, с. 8].

При этом, не смотря на довольно акцентированные нарративы, в курсе преподавание истории с 1991 не было четкого «пути», и если с 1991 г. основой была идея «большой румынской нации», то в 2006 появился курс «интегрированной истории», который вызвал протесты «румынистов». Своеобразным компромиссом должен был стать лозунг «С Россией и с Европейским Союзом», однако не стал. Возможную причину можно найти в работе американского исследователя инструментализации и политизации истории в постсоветских странах Элизабет Андерсон, которая в своей книге «Национальная идентичность и образовательная реформа: спорные классы» посвятила молдавскому вопросу главу «Молдавские герои. Обзор молдавской истории в постсоветских учебных пособиях и со-

циальной памяти», в которой указывает на широкий размах дискуссии об историческом прошлом, в которую включились не только профессионалы, но и «таксисты и домохозяйки» [Байша, 2024, с. 20]. «Опыт включенного наблюдения в Кишинёве и Комрате авторов данной статьи и материалы взятых ими в августе—сентябре 2016 г. экспертных интервью подтверждают суждение американского исследователя» [Фадеева, 2017].

В то же время румынский нарратив продолжал оставаться преобладающим в академической среде Республике Молдова. В течение 1990-х и 2000-х годов было опубликовано множество научных работ, которые поддерживали прорумынскую ориентацию. В общеобразовательных школах даже вводился специальный курс, посвященный «Истории румын» [Воронович, 2018, с. 204—230], что свидетельствовало о значительном влиянии румынской идентичности на образовательную систему. Этот курс стал важным элементом формирования исторической памяти у молодежи и способствовал укреплению румынских культурных связей.

С приходом к власти молдавских коммунистов в начале 2000-х годов произошли изменения в политике памяти, которые временно сместили акцент с румынского нарратива на более умеренные взгляды, представленные так называемыми «молдовенистами». Эти «молдовенисты» стремились подчеркнуть уникальность молдавской идентичности и историю, независимую от румынского влияния. Однако политический кризис 2009 г. и последующая победа прозападной оппозиции вновь усилили позиции «румынистов». Это привело к тому, что в стране возобладали восточноевропейские тренды в политике памяти, включая декоммунизацию и акцент на «советской оккупации».

В 2009 г., следуя примеру Румынии, Латвии и других стран Восточной Европы, официальный Кишинёв создал «Комиссию по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима в Республике Молдова». Этот шаг был направлен на переосмысление роли советского периода в истории страны. С 28 июня 2010 г. был объявлен «День советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима», что также подчеркивало новую парадигму восприятия советского прошлого. В 2012 г. был принят закон о декоммунизации, который запрещал использование коммунистической символики, что еще больше укрепило этот новый нарратив.

Таким образом, в современной Молдове, подобно странам Балтии, период нахождения в составе СССР воспринимается как «советская оккупация». Однако, в отличие от Прибалтийских республик, Украины и большинства стран Восточной Европы, в молдавском историческом дискурсе продолжается активная борьба между сторонниками «румынистов» и «молдовенистов». Исход этой борьбы во многом зависит от политической конъюнктуры и электоральных циклов. Этот «дуализм» в оценочных суждениях затрагивает всю область исторического дискурса, особенно события XX века.

Кардинальные различия в интерпретации касаются обстоятельств инкорпорации Молдовы в состав СССР. Сторонники «румынистов» утверждают, что это было результатом «советской оккупации», тогда как «молдовенисты» настаивают на том, что это произошло добровольно и было воспринято как освобождение. Такое противоречие создает сложную ситуацию для понимания молдавской ис-

тории, где разные группы населения могут иметь диаметрально противоположные взгляды на одни и те же события.

Эти разногласия также отражаются на уровне общественного сознания. Обсуждение исторических событий XX века становится полем для политических манипуляций, где каждая сторона пытается использовать историю для достижения своих целей. В результате этого политизированного подхода к истории формируется общественное мнение, которое часто оказывается разделенным. Дискуссии о прошлом затрагивают не только академическую среду, но и повседневную жизнь граждан, влияя на их идентичность и самоощущение.

Преподавание истории начинается в конце начальной школы, т. е. в 4 классе, где дети знакомятся с основными историческими нарративами, которыми их будут обучать. По сути дела, учебник представляет из себя набор кратких, адаптированных под четвероклассников, историй. Далее следует полный исторический экскурс в средней школе 5—9 классы, и повторение, с большим углублением, с учетом уже возрастной категории 10—12 классы.

«Румынизм» в средней школе

Как правило всевозможные теоретизирования вокруг трактовок тех или иных исторических процессов не могут сами по себе повлиять ни на политику государства, ни на политику нации. Важно, чтобы эти идеи понимались людьми так, как угодно, действующему правительству, таким образом будет создаваться народ, воспитанный в нарративе нужной политической идеи, что даст возможно строить долгосрочную политику, что и делается через систему образования.

Уже в учебнике 4 класса фигурирует явственный «румынисткий» нарратив, создающий базу исторического мышления и восприятия Рим-Бухарест, или молдаване, через румын, являются прямыми наследниками римлян: «После захвата Дакии римляне установили на завоёванной территории свои законы и обычаи, превратив её в римскую провинцию. С этого времени, живя и трудясь вместе, даки и колонисты заимствовали друг у друга разговорный язык, традиции, обычаи, религию. Таким образом, происходил процесс романизации даков, в результате которого сформировался новый народ — дако-римляне, прямые предки румын, и новый язык — румынский» [Чербушка, 2020, с. 26]. Однако автор не может не заметить, что с тем же успехом прямыми потомками римлян могут быть и французы, через галло-римлян, есть и другие аналогичные примеры.

Уже в следующей главе рассказывается о становление «Цара Романеска и Цара Молдовой»: «Первые румынские государства основали воеводы Драгош I и Богдан I — Цара Молдовой, а Басараб I — Цара Румынскэ. Они были отважными воеводами и храбро сражались за независимость румынских княжеств» [Чербушка, 2020, с. 28]. При этом мягко намекается на несамостоятельность молдавских территорий: «...воевода Драгош I из Марамуреша... выгнал захватчиков и основал государство/княжество Цара Молдовой (или Молдова), которое, однако, находилось под властью короля Венгрии» [Чербушка, 2020, с. 28]. В дальнейшем автором учебника указывается, что «Богдану I, удалось в 1359 г.

освободить Цара Молдовой от венгерской зависимости» [Чербушка, 2020, с. 28], но при этом читатель должен задаться вопросом, а идет ли разговор об истории Молдовы, так как уже следующая глава, которая по идеи должна описать развитие молдавской государственности называется: «Укрепление румынских княжеств» [Чербушка, 2020, с. 29].

В данной главе описывается деятельность Александру чел Буна, известного так же, как Александра I Доброго, которого в принципе можно описать именно как молдавского господаря, т. е. с точки зрения молдавской государственности, как независимого правителя. Тогда почему же глава называется так?

А само объединение Румынии и Молдавии описано в учебнике таким образом, будто этого в Молдове хотели все, кроме правителя: «В 1600 году его армия перешла Карпаты и вошла в Цара Молдовой. Господарь Иеремия Мовилэ был враждебно настроен по отношению к планам Михая-Водэ, но не был поддержан народом и вынужден был бежать из Молдовы. Теперь под властью Михая Витязул оказались все румынские земли» [Чербушка, 2020, с. 34]. Можно провести следующую аналогию, что Наполеон отрекся от престола, потому что так хотели французы, а не потому, что в Париж входила русская армия. И снова бросается в глаза «все румынские земли». Учебник заранее подготавливает своего читателя, что молдаван нет, есть румыны, и всеми способами на это намекает: «Таким образом, впервые в истории осуществилось объединение всех румынских земель в единое государство. Объединение длилось недолго, но создало предпосылки для сплочения румынского народа» [Чербушка, 2020, с. 34]. Как и в ситуации с учебниками в Украине [Аксенов, 2024], юный читатель не понимает никакой разницы между народностями, этносом, культурой и пр., получая только маленькое зернышко идеи, которое в последствие будет развиваться, воспитывая из него человека, самоопределившегося как румына.

По аналогии с украинским кейсом, фигурирует и глава посвященная ЕС: «Европа — союз свободных народов» [Чербушка, 2020, с. 42], в которой рассказывается о том, что «республика Молдова стремится к интеграции в большую семью Европейского союза наряду с 27 другими демократическими государствами» [Чербушка, 2020, с. 42], при этом там-же приводится пример, незаметный для читателя, деккоммунизации советского прошлого: «День 9 мая был объявлен Днём Европы. В этот день во всех европейских странах проходят культурные и научные мероприятия». Таким образом праздник остался, сменилась только его суть.

Своего рода итогом главного нарратива учебника 4 класса становится глава № 15: «1918 год в истории»; в которой сообщается о создании независимого, свободного румынского государства: «Территория между Прутом и Днестром — значительная часть Цара Молдовой — более века находилась в составе Российской империи (1812—1918) и называлась Бессарабией. В 1918 г. избранные народом представители (депутаты) проголосовали за объединение Бессарабии с Румынией. Акт Объединения был провозглашён 27 марта 1918 г. в Кишинёве. В этом же году к Румынии были присоединены Буковина (28 ноября) и Трансильвания (1 декабря). Таким образом произошло воссоединение румынского народа в границах единого государства — Румынии» [Чербушка, 2020, с. 38]. Что соответствует нарративу, что Молдова и Румыния одна страна.

Учебник 5 класса описывает события от происхождения человека, до заката римской империи, и продолжают, хоть и не очень явственно, идею наследования Румынией, через Дакию, Римской цивилизованности: во первых, «романизация завоеванных народов вошла в историю Европы как первая «интеграция» [Феля, Долгий, Герасим, Ревенко-Бырладяну, 2023, с. 132]; во вторых «наиболее глубокой была романизация в областях, близких к Италии и Лациуму... а в Восточной Европе — Дакия. В этих регионах по сей день живут романские народы (испанцы, итальянцы, французы, румыны) и сохраняются романские языки (испанский, итальянский, французский, румынский)» [Феля, Долгий, Герасим, Ревенко-Бырладяну, 2023, с. 132]. То есть учебник продолжает идею «Румынизации» через призму исторического наследия Рима, делая акцент на романизацию в римских провинциях: «Романизованное население — дако-римляне — стояло у истоков процесса формирования румынского народа и румынского языка» [Феля, Долгий, Герасим, Ревенко-Бырладяну, 2023, с. 148].

Учебник 6 более подробно развивает идеи объединения государства под эгидой общего врага, которым выступает османская империя: «Господство Трансильвании и призывы к антиосманской борьбе побудили Михай Витязул вовлечь Молдову в общую борьбу, но нахождение Иеремии Мовилэ на престоле Молдавского княжества представляло постоянную опасность. В мае 1600 г. Михай Витязул завоевал Молдову, мотивируя это союзом Иеремии Мовилэ с турками и татарами. С завоеванием Молдавского княжества закончился политический союз Румынских княжеств, а Михай стал именоваться в документах как господарь Валашского княжества, Ардяла и Молдовы» [Феля, Болдума, Долгий, 2023, с. 111].

Учебник 7 класса сходу выставляет внутреннюю проблему государства — отсутствие единения и зависимость от Порты: «В то же время был установлен размер дани (харач): для Цара Ромыняскэ — 32 тысячи золотых, для Молдовы — 30 тысяч, для Трансильвании — 10 тысяч золотых. Однако, начиная с 70-х годов XVII века, османский режим ужесточается...» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 44]. В глаза бросается перечисление государств: Румыния, Молдова, Трансильвания; как некое, потенциальное, единое целое, во главе с первым. Так же стоит отметить, что и в последующих исторических процессах государства Румынии и Молдовы, упоминаются вместе: «Польша попытались втянуть в антиосманскую борьбу господарей Молдовы и Цара Ромыняскэ...» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 49].

В дальнейшем идет описание влияния нового времени на быт «румынских княжеств», и снова, с учетом того, что учебник молдавский, в первую очередь фигурирует: «Граф де Лоуренсон писал: «Вена продает в Валахии множество самых элегантных карет. Я думаю, что если принять во внимание население, то в Европе не так много городов, где можно найти такое большое количество экипажей, как в Бухаресте»» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 80]. Даже тематическое исследование городов данное в конце параграфа, описывает не Кишинев или Тирасполь, а «Бухарест и Яссы» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 81].

Итог Русско-турецкой войны 1806—1812 годов тоже описывается в пользу точки зрения «румынистов»: «В результате захвата территории Молдовы между Прутом, Днестром и Чёрным морем, а также разделом страны были разделены

семьи и их собственность, нарушен внутренний рынок княжества и целостность территории, населенной румынами» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 84]. То есть по мнению авторов учебника, на этих территориях молдаван нет.

«Революция 1821 года под руководством Тудора Владимиреску» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 94] так же является примером, когда события соседней по сути страны, преподаются как собственные. Более того участие Молдовы, даже по тексту учебника, выглядит косвенным: «В этот период гетеристы во главе с А. Ипсилянты пересекли границы Молдовы с одобрения царских властей» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 95]. При этом ранее по тексту следую, что Ипсилянты собирал войска для революции в Греции.

И вот, в описание культуры XIX века появляется четко обозначенная причина единения Молдавского и Румынского народов, при это в качестве примера дается цитата Якоба Хынку (Гинкулова) из Русско-румынской грамматики, 1840 г.: ««До образования Молдавского воеводства жители обоих княжеств (Молдовы и Цара Ромыняскэ) были известны под общим названием румын» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 120]. То есть, если проводить параллели, выходит, что славяне разделились на различные, более мелкие, этносы, а румына наоборот, объединились из двух в один.

Интересно обратить внимание, что для учебника нет никакой разницы, к какому государству принадлежит та или иная территория, если на этой территории проживают только румыны: «Иная ситуация была в трех уездах Южной Бессарабии, которые после Парижского мирного конгресса (1856 г.) вернулись в состав Молдавского княжества, а затем в состав Румынии» [Felea, Dolghi, Gumenai, Revenco-Birladeanu, 2024, p. 117]. Фактически подтверждается отсутствие суверенитета у Молдавского государства, и подается как норма.

Косвенное подтверждение данного тезиса есть и в учебнике 9 класса, первая половина которого, что видно из оглавления, посвящена именно Румынскому кейсу: «Румыния в годы Первой мировой войны», «Формирование унитарного Румынского национального государства...», «Румыния в межвоенный период» [Долгий, Фея, 2023, с. 4] и пр.

Упоминание Молдовы происходит, только в свете ее присоединения к Румынии: «После принятия Декларации о независимости Молдавской демократической республики... декларация об объединении Бессарабии с Румынией была поставлена на голосование и принята» [Долгий, Фея, 2023, с. 22].

Параграф посвященный образованию Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике (МАССР) мог бы быть примером классического спора между «румынистами» и «молдовенистами», так как по сути идет разговор о создании нового общества, однако уже в самом начале дается четкий нарратив, что МАССР, по сути, создан не без помощи румын, что, как бы, отсекает идею самостоятельности: «Инициатива создания молдавской республики на левом берегу Днестра принадлежала группе, состоящей из 10 коммунистов: Павел Ткаченко (И. Антипов), С. Тимов (Сол. Тинкельман), Г. Котовский — родом из Бессарабии, и Ион Дик-Дическу (И. Кантон), Ал. Бэдулеску, Т. Диамандеску, А. Залик, В. Попович, А. Николау, Т. Киоран — политические эмигранты из Ру-

мынии, которые написали Докладную записку о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики» [Долгий, Фея, 2023, с. 70].

Следующий удар по «молдовенистам» наносится путем объяснения насильственности разъединения двух культур, молдавской и румынской: «процессе молдованизации антирумынской природы, целью которой являлось утверждение тезиса о существовании двух разных языков, двух разных культур, двух разных наций — молдавской нации, отличной от румынской, путем навязывания поддельного молдавского литературного языка» [Долгий, Фея, 2023, с. 71], таким образом читатель должен сделать следующий вывод, что СССР, методом раздвигая и властвуя, уничтожило единое Румынское государство, культуру и прочие, и следовательно имеет право дать следующую оценку: «Коммунистический тоталитарный режим несет ответственность за подавление и уродование национального самосознания коренного населения, подавление свободного духа, организацию культурной, самобытной, пропагандистской и информационной войны между братьями с двух берегов Днестра, что привело к драматическим последствиям для языковой и этнокультурной целостности населения» [Долгий, Фея, 2023, с. 72]. Итогом становится научная конференция «17—19 октября 1955 г., организованной Молдавским отделением Академии наук СССР, была признана «румынско-молдавская» языковая и культурная идентичность, без отрицания термина «молдавский язык»» [Долгий, Фея, 2023, с. 154].

Не удивительно, что с учетом вышеописанного, учебник назвал советизацию «уродованием национального самосознания», возникает риторический вопрос почему? Нериторический ответ кроется в параграфе посвященный румынской (опять не молдавской) культуры: «После создания унитарного национального государства культурное развитие Румынии выразилось в открытости к европейской культуре, не отрицая при этом ценности национальной специфики» [Долгий, Фея, 2023, с. 77]. То есть перед читателем должен возникнуть образ весов Фемиды, где на одну чашу кладут «советизацию», а на другую потенциальную «европеизацию». При такой подаче, куда склонятся весы понятно.

Как известно, СССР была первой страной, которая решила проблему безграмотности населения, учебник же, акцентирует внимание не на этом: «Политика в области образования и культуры была направлена на воспитание нового советского человека и ликвидацию неграмотности, но в действительности она преследовала цель денационализации и русификации населения Бессарабии, продолжая проводившуюся в МАССР политику пропаганды «молдавского языка» и «молдавского народа», отличающихся от румынского» [Долгий, Фея, 2023, с. 100]. Таким образом нивелируется одно из самых главных и положительных достижений советского государства.

Освобождение МССР в учебнике описывается как «повторная оккупация» [Долгий, Фея, 2023, с. 144], при этом снова негативно акцентируют на русификации населения: «Число «молдавских» школ постоянно снижалось, а «русских» и «молдо-русских» школ — увеличивалось. На официальном уровне для этнических меньшинств (гагаузов, украинцев, болгар, евреев) поощрялось обучение на русском языке. Денационализация меньшинств и формирование русскоязычной

идентичности укрепляла их статус и позицию Москвы, которая могла рассчитывать на их лояльность» [Долгий, Фея, 2023, с. 144].

Проблема языка описывается в учебники достаточно эмоционально, так «Русский язык из языка международного общения стал государственным. Он стал официальным языком в центральной и местной администрации, во всех государственных учреждениях, на предприятиях и т. д. Румынский язык (известный как «молдавский») был маргинализован» [Долгий, Фея, 2023, с. 198]. В глаза бросается «румынский известный как молдавский», т. е. снова попытка подвести читателя к мысли о полном единении молдавской и румынской культуры. А обязательное, бесплатное образование в СССР подается через негативную призму инструмента «коммунистической идеологии» [Долгий, Фея, 2023, с. 199].

Период «перестройки», по сути, воспевается. Так учебник дает положительную оценку национальному движению в МССР, которое «делало акцент на возвращении к национальным ценностям, знании подлинной истории нации, получении политических и гражданских прав, подтверждении национальной идентичности» [Долгий, Фея, 2023, с. 173]. Описывается путь к независимости, и акцентируется на давнюю дружбу Молдавии и Румынии: «Первой страной, признавшей независимость Республики Молдова, была Румыния» [Долгий, Фея, 2023, с. 175].

В начале нулевых к власти в Молдове пришла коммунистическая партия, которая попыталась двигать государство в «молдовенистском» дискурсе, что авторами оценивается не просто негативно, но еще и антидемократично: «Правительство ПКРМ пересмотрело внутреннюю и внешнюю политику предыдущего периода, приняло ряд законов и решений, которые блокировали процесс демократизации общества. Во время правления ПКРМ были попытки внедрить в образование курс «История Молдовы» в духе советской историографии...» [Долгий, Фея, 2023, с. 181]. А описание действия власти нацеленное на евроинтеграцию описываются как: «Продемократические и проевропейские правительства заявляли о смелых реформах и европейской интеграции как о главных приоритетах. Они вселили в население большие надежды, активизировав отношения с ЕС» [Долгий, Фея, 2023, с. 181]. Т.е. если государство не движется в сторону еврозоны, то это плохо.

Старшая Школа

Учебник 10 класса, как и его предшественники, продвигает тему «румынизации» через идею Рим-Бухарест, ставя в своем повествовании в один ряд и правителя Рима и правителя Дакии: «Цезарь одержал победу в гражданской войне и, вероятно, готовился к войне против даков, но в марте 44 года до н. э. он был убит. В том же году при схожих обстоятельствах умер и Буребиста» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 62]. Почему нельзя было более подробно описать смерть двух этих правителей и провести параллели, остается загадкой. Возникает ощущение,

что Цезаря убили как раз за его «вероятный поход», тогда схожие обстоятельства гибели Даковского правителя говорят о том же?

Затем описывается польза присоединения Дакии к Риму: «Золотые и серебряные шахты Дакии внесли в экономику Рима 700 миллионов динариев в год» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 68]. И ставя идейную точку в итогах «романизации» Дакии: «Массовая колонизация, появление городов, построенных по римскому образцу (с форумами, храмами, мастерскими и магазинами, термами и памятниками), принятие местными жителями римских богов, а также распространение христианства способствовали успешной романизации» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 71].

Также постулируются и еще несколько важных мыслей для читателя, способствующие формированию национальной идентичности. Во первых: «Фрако-гето-дакийская цивилизация — часть европейской цивилизации» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 92]; во вторых: «Романизация гето-даков происходила одновременно с зарождением христианства, поэтому можно утверждать, что эта религия стала важным элементом этногенеза, а ее распространение подтвердило необратимую романизацию даков и дако-римскую преемственность» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 111].

Итогом эволюции Даков можно считать Романские народы, которые «сформировались к VIII веку н. э. Появление романских народов и неолатинских языков было европейским процессом, вызванным двойной ассимиляцией» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 130]. Таким образом подтверждает два «не озвученных» тезиса: первый, Романские народы наследники Дако — Римской цивилизации; второй, это именно европейские процессы.

Далее следует описание появления Трансильвании как государственного образования, Царэ Ромыняскэ [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 149—151], и только после этого молдавское государство. «Исторический процесс образования средневекового государства Молдова похож на процесс, проходивший в южной части Карпат, где была создана прочная и независимая политическая структура северодунайских румын» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 152]. Т.е. снова учебник причисляет молдаван к румынам, не выделяя их в отдельную нацию, даже когда разговор идет о положение государства в европейской политике: «Став приморским государством, Цара Молдовой укрепила свое международное положение, и началось политическое, экономическое и культурное развитие румынского народа на территории между Карпатами, Днестром и Черным морем» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 154].

Ключевые события средневековья двух государств описываются вместе, намекая на общий исторический контекст, как пример, название параграфа учебника «Укрепление позиций Молдовы и Цара Ромыняскэ во время правлений Мирчи чел Бэтрын и Александру чел Бун» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 186], описывающий внутренние процессы. Внешние процессы описаны так же: «В 1476 году при поддержке своего кузена Штефана чел Маре Влад Цепеш вернулся на трон Цара Ромыняскэ, но вскоре был убит. В этих условиях центр тяжести антиосманской борьбы переместился в Молдову, на троне которой находился Штефан чел Маре» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 189].

Штефан чел Маре подается как румынский политик: «Он взошел на престол в 1457 году... В это время Золотая Орда переживала период упадка, а Румынские государства, несмотря на участие в антиосманской борьбе, сталкивались с внутренними разногласиями» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 191]. О том, что речь идет все таки о Молдове, читателю, если он ранее никогда не сталкивался с этим деятелем, становится ясно только с середины параграфа: «Непокорность Штефана вынудила султана направить против Молдовы армию...» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 192].

Итогом учебника становится синтез «Румынская цивилизация — неотъемлемая часть процессов европейской эволюции» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 237], подтверждающий базисные постулаты о неотъемлемости Молдовы от Румынии, и Румынии от Европы.

Учебник 11 класса впервые упоминает Молдову в параграфе посвященном обществу «...Румынских княжеств в XVII—XVIII вв.» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 16], т. е. снова продолжая мысль о единении, методом постоянного упоминания «Румынских княжеств» вместе по любым вопросам: «В Молдове одна деревня насчитывала в среднем 15—50 дворов, в Валахии — 25—70 дворов, а в Трансильвании — до 100 дворов» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 28].

Анализируя события XVIII века, авторы, снова, подтверждают тезис о единении Румынии и Молдовы, объединяя их в «дунайские княжества»: «XVIII век отмечен множеством войн между Османской, Российской и Австрийской империями с целью передела границ Юго-Восточной Европы. Дунайские княжества находились на стратегически важных территориях региона и явились сферой противоречий великих держав. Это привело к изменению их юридического статуса и к значительным территориальным потерям» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 99]. А в описании событий следующего века, а именно рассматривая бессарабский вопрос, авторы впрямую говорят, что разрыв между Румынами и Молдаванами процесс целенаправленный и следовательно искусственный: «Русские и советские историки писали о 1812 году как о «прогрессивном событии присоединения Бессарабии к России», приводя как аргумент ее растущее экономическое развитие в XIX веке, но забывая о денационализации и русификации, о подавлении национального движения, об изоляции местных жителей от румынской культуры — т. е. о процессах, которые имели неблагоприятные последствия в истории румын» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 105]. При этом, по сути, под Бессарабией читатель должен понимать и Молдову, и Румынию.

«Объединение» происходит в 32 параграфе и было обусловлено «исторической эволюцией румынского народа и некоторыми факторами внутреннего и внешнего порядка» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 137], снова отмечается, что под румынами подразумеваются и молдаване.

В учебнике 12 класса при описании деятельности румынского государства на полях первой мировой войны пролонгируется тезис единения румын и молдаван как сыновей «одного народа» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 31], таким образом сохраняя главный «румынистский» нарратив: «Благодаря войне бессарабцы смогли переправиться через Прут в Западную Молдавию, где поняли, что по обе стороны реки живут люди одной национальности, с одним

языком, обычаями и верованиями, знания о которых до тех пор были распространены скорее среди интеллигенции. Бессарабцы были глубоко впечатлены реальностью» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 31]. Возникает вопрос, какой вывод сделает читатель, видимо задача, в данном контексте, напомнить, что разделение было насильственным, и начиная с XX века появилась возможность реального самостоятельного «исторического» объединения. В подтверждение сказанному в учебнике написано: «Возвращение Бессарабии в состав Румынского государства происходило в несколько этапов и — как и в других исторических румынских провинциях — носило глубоко народный характер» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 32]. При этом авторы сами себе противоречат, не стесняясь писать, что бессарабское объединение все же контролировалось с «запада»: «Для Бессарабии Объединение 1918 г. стало предпосылкой для политической, социально-экономической и культурной модернизации, которая происходила в рамках процесса распространения ценностей и форм институциональной и экономической организации с Запада через румынских руководителей» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 35]. Итог следующий: «В результате социальных, экономических, политических и культурных изменений унитарное румынское национальное государство к концу 1918 г. включало в себя все исторические румынские провинции» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 37], в которые, разумеется, входит и территория современной Молдовы.

Если ранее, в основном, все идеи носили, в первую очередь, «румынистский» характер, то в учебнике последнего класса проявляется прямой «демокловенизм», суть которого доказать, что совместное молдавско-советское прошлое было негативным и навязанным: «В МАССР были установлены политические структуры, характерные для тоталитарного большевистского режима на всей территории Советского Союза» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 85]. А с учетом того, что тоталитаризм воспринимается читателем, как зло, то вывод напрашивается сам собой.

Следующая мысль в пользу «демолдовенизма»: «Репрессии и социальный контроль осуществляла охранная организация НКВД, которая играла решающую роль в поддержании порядка и лояльности к системе» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 85]. А СНК и ЦИК «сыграли ключевую роль в проведении тоталитарной политики на территории МАССР» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 85].

Голод 1932 г. описывается как часть «голодомора в Советской Украине» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 86].

Индустриализацию подают тоже с негативной позиции, т. е. нивелируя потенциальный положительный опыт, с одной стороны описываются положительные моменты: «К концу 30-х годов в МАССР действовало более 2500 предприятий» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 87]; с другой: «Индустриализация далась населению дорогой ценой: чрезмерное налогообложение и непропорционально высокие цены. Сталинский режим ввел косвенные формы эксплуатации, включая «социалистические соревнования». Рабочим часто плохо платили, и у них не было нормальных условий труда» [Долгий, Фея, Енчу,

Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 87]. Уже из этого читатель подсознательно делает вывод о том, что идея «молдовенизма» ложна. А подтвердит этот вывод: «Важным процессом в этом направлении стала молдовенизация, которая носила антинациональный и антирумынский характер. Советы поддерживали тезис о существовании молдавской «нации», отличной от румынской» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 87].

А уже дальше учебник возвращается к привычной теме «румынизма», подавая историю двух государств как единое целое в параграфе «Бессарабия в составе Великой Румынии», где «Из 370 109 жителей бессарабских городов 114 896 проживали в Кишиневе, который стал вторым по величине городом Румынии после Бухареста с 639 040 жителями» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 103].

Присоединение Бессарабии в учебнике описывается как аннексия [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 117], границы МССР «чертил» Киев [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 120], но особенно в глаза бросается, что немцы из Бессарабии были «эвакуированы и репатрированы» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 121], а оставшиеся колонизированы, что соответствовало «политики русификации и сокращения доли румын на оккупированных территориях» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 121].

Тема развивается и в параграфе посвящённом восстановлению «коммунистического режима в МССР. Насильственная коллективизация, голод и депортации» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 178], коннотация резко негативная, при этом в контексте фигурирует вина не сколько всего СССР, сколько, непосредственно, России: «Политика коммунистического режима в послевоенной Бессарабии прошла два основных этапа: сталинский (1944—1953), когда использовались преимущественно насильственные и репрессивные методы, и постсталинский (1953—1989), когда советская политика проводилась в большей степени административными и относительно мирными методами. Первый этап характеризовался чрезмерной фискальной политикой, осуждениями и депортациями «классовых врагов», организованным голодом, насильственной коллективизацией сельского хозяйства. На втором этапе советская имперская политика проявилась в интенсивной русификации, маргинализации интеллигенции и национальной культуры, румынофобии, создании экономики, полностью зависимой от других союзных республик и в первую очередь от РСФСР...» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 179]. Что снова должно подводить читателя к мысли, что идея «молдовенистов» неприемлема. Более того, чтобы подчеркнуть, что «совместный опыт» носит отрицательный характер, описание голода даются как четкая линия политики И.В. Сталина: «Сталинская налоговая политика имела тяжелейшие последствия для населения Молдавской ССР, вызвав в 1946—1947 гг. беспрецедентный в истории области голод» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 180]. Итог параграфа: «Таким образом, после повторной аннексии 1944 г. СССР установил в Бессарабии тоталитарный большевистский режим, основным элементом которого был массовый террор по отношению к коренному населению» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 182].

Легкая, завуалированная, демонизация «молдовенистов» появляется в следующем параграфе, как бы показывая, что если советизация — зло, как показывалось в предыдущем параграфе, то «молдовенизм» искусственный и навязанный: «Нарушение самых элементарных прав и свобод граждан сопровождалось маргинализацией национальных ценностей и навязыванием чужеродной модели» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 183]. Более того, «модель» эта создана через террор: «С момента создания МССР советский режим показал, что террор является наиболее подходящим инструментом как для создания новой организации, так и для воспитания «советских молдаван»» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 219].

Следовательно, следует показать научную искусственность «молдовенизма», для чего в учебнике сообщается, что «...бессарабские интеллектуалы, которые открыто высказывались о языковой политике и термине «молдавский язык». Среди них были Ем. Буков, А. Лупан, В. Коробан, Г. Богач, В. Комарницкий и другие, которые на основе лингвистических доказательств боролись против «молдовенизма», доказывая латинское происхождение языка и его связи с румынским» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 220].

Также следует отдельно выделить, что учебник целенаправленно вступает в спор с конституцией Молдовы по поводу языка следующим образом, в главе посвященной конституции указывается, что «Несмотря на то, что Конституция содержит ложную формулировку о государственном языке, называя его «молдавским языком»...» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 238]. Читатель, в данном кейсе, либо начнет воспринимать главный документ страны несерьезно, либо же несерьезно свой «родной» язык.

Не обошлось без критики в адрес бывшего президента Молдовы В. Воронина, причина в том, что «Тенденция к введению курса «История Молдовы» «в духе советской историографии», а затем «Интегрированной истории» серьезно повлияла на историческое образование» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 239]. То есть нарратив преподавания стал «молдовинизм», к тому же, якобы были «предприняты действия против независимой прессы, подчинившие себе общественные СМИ» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 239]. Следовательно деятельность президента подается как негативная, более того в следующем параграфе отдельно акцентируется, что «С 2004 г. общий уровень бедности не снизился, а в 2008 г. даже вырос, неравенство доходов в Молдове осталось таким же высоким, как и до прихода к власти коммунистов» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 242]. Зато последующие выборы и возвращение к «румынизму» воспеваются как возврат к демократии: «После выборов 29 июля 2009 г. демократические партии создали Альянс за европейскую интеграцию... В своей правительственной программе АЕИ-1 поставил задачу сделать Молдову «страной, имеющей право на вступление в Европейский союз»» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 239].

К тому же, если фигурирует проевропейская демократия, то обязательно фигурирует «беспрецедентная иностранная помощь» которая «позволила стабилизировать бюджет и приступить к реализации важных инвестиционных проектов...» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 242], и, следовательно,

«Предпринимаются конкретные шаги по приведению национального социально-экономического законодательства в соответствие с европейским и внедрению *acquis communautaire*, что поможет обеспечить устойчивый экономический рост» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 243]. А причиной всего стало, разумеется «широкомасштабное вооруженное нападение на Украину» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 243].

Выводы

Процесс трансформации идентичности осуществляется через несколько техник: переписывание истории, секьюритизацию образа врага, создание нарратива о естественной европейской интеграции и маргинализацию альтернативных исторических интерпретаций.

В главном споре исторического нарратива между «молдовенизмом» и «румынизмом», учебник делает четкую ставку на последним.

Постулируются следующая идея: «Древний Рим—Бухарест—ЕС» как вариант эволюции румынского общества. Под «древним Римом» подразумевается длительная история румынской цивилизации, под «Бухарестом» — центр молдавского общества, под «ЕС» — цель Молдовы.

К тому же учебник целенаправленно не делает различий между румынами и молдаванами. События описаны таким образом, что плохо подготовленный читатель¹ начинает путаться, в результате чего воспринимает эти два народа как единое целое, чего, видимо, авторы учебников и добиваются.

Так же вплоть до девятого класса включительно, дается только «румынистский» нарратив, как бы создавая определенную базу мышления, а в учебниках с 10—12 классы, добавляется еще «антимолдовенистский» или «демолдовенизм». Следовательно «румынисты» позиционируют «молдовенистов» не как альтернативную точку зрения, а как потенциального врага, аналогичная ситуация была видна, когда «украинцы, не поддержавшие Евромайдан, были представлены его активистами не как политические противники, стремящиеся по-другому организовать общее символическое пространство, а как враги» [Байша, 2021, с. 7], что, как показывает все тот же украинский кейс, очень сильно дестабилизирует ситуацию в молдавском государстве, особенно учитывая внутриполитические проблемы с Гагаузией и ПМР.

Россия, в итоге, в учебнике превращается в главного молдавского антагониста. До событий 19 века о Российской империи пишется в условно нейтральном ключе, в дальнейшем ситуация меняется.

Негативно описывается и присоединение к империи и к СССР, как правило фигурирует слово аннексия, при этом главная причина в том, что по мнению авторов учебника молдаване стремились именно в Румынию. Сильно критикуется «русификация», через которую показывается агрессия русских правителей против простых молдаван.

¹ Автор имеет ввиду учащихся средней школы (~10—15 лет).

В описание Молдовы в составе СССР слышатся нотки виктимизации. Так с одной стороны учебник достаточно подробно описывает все положительные нюансы советского строя¹, с другой акцентируется либо на неудачах, либо на недовольство мирного населения.

Итоговый посыл выглядит следующим образом, Молдова спокойно развивалась как часть Румынии, которая в свою очередь является наследницей Римской Империи, до тех пор, пока не пришла Россия, и насильственно отсоединила молдаван от румын, «придумав» молдавский язык, молдавскую культуру и пр.

С такими постулатами возникают следующие проблемы.

1. Минимизируется возможность инкорпорации Молдовы с ПМР, особенно если Молдавия пойдет путем Украины и запретит Русский язык. Так же нужно понимать, что, если произойдет военная интервенция на территорию Приднестровской Молдавской Республики, Москва будет вынуждена вмешаться в ситуацию, чтобы обеспечить защиту своих граждан, включая личный состав своего миротворческого контингента. В свою очередь, т. к. «согласно официальным данным свыше 600 тыс. молдаван и тысячи жителей Приднестровья имеют румынские паспорта» [Цедилина, 2024], в ситуацию может вмешаться Бухарест, которому может оказать помощь Североатлантический альянс, членом которого является Румыния. В такой ситуации, на данный момент², Кремль окажется перед необходимостью вести боевые действия сразу на два фронта. И хотя на сегодняшний день данный сценарий не выглядит особенно актуальным, нельзя исключать возможность такого развития событий в будущем.

2. Максимизируется возможность декорпорации с Гагаузией по вышеописанным причинам.

3. Ухудшатся политические отношения РФ—Молдова, особенно в экономическом вопросе, что очень не выгодно для простых молдаван.

4. Украинский конфликт подается как мировая угроза, и Молдова занимает в нем проукраинскую позицию, что дает ей возможность получить дополнительные кредиты от западных «союзников», но с учетом отсутствия нормальных рынков сбыта, например российского, возможность возвращения крайне низка, что снова дестабилизирует внутреннее состояние государства.

Результатом становится формирование поколения молодых молдаван, воспринимающих Европу как единственный возможный вектор развития и рассматривающих российское влияние как исторически враждебное. Следовательно политика памяти, таким образом, превращается в инструмент долгосрочной геополитической переориентации государства.

Библиографический список

Buzan B., Wæver O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

¹ Имеется в виду вложения ресурсов в экономику МССР.

² Имеется в виду лето 2025 г.

Istoria românilor și universală: manual pentru clasa a VIII-a / A. Felea, A. Dolghi, I. Gumenai, A. Revenco-Birladeanu; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Texter Info, 2024. 176 p.: ил. ISBN 978-9975-3680-0-1.

Аксенов М.А. Конструирование идентичности как фактор секьюритизации на постсоветской Украине на примере анализа школьных учебников по истории // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2024. Т. 4. № 4. С. 41—58.

Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 204—230.

Гудищенко Д. Другая Молдавия: молдовенизм как идеология и политическая практика // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № II (LXIII). С. 24—37. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-24-37.

Байша О. А. *Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайदानа*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с. ISBN 978-5-7598-2190-8.

Байша О. А. *Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайदानа*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с. ISBN 978-5-7598-2190-8.

История румын и всеобщая: учебник для 11 класса / Н. Кикиуш, И. Шаров, И. Ожог [и др.]; пер. В. Младина [и др.]; Министерство образования, культуры и исследований Республики Молдова. Кишинэу: Cartdidact, 2020. 240 с.: ил., цв. ISBN 978-9975-3412-7-1.

История румын и всеобщая история: учебник для 10-го класса / Т. Магалия, Д. Вакарчук; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Prut Internațional, 2024. 248 с.: ил., цв. ISBN 978-9975-54-832-8.

История румын и всеобщая история: учебник для 12 класса / А. Долгий, А. Феля, Н. Енчу, А. Ревенко-Бырладяну; науч. ред. А. Петрэнку; пер. с рум. В. Бражук; Министерство образования и исследований Республики Молдова. Chișinău: Știința, 2024. 304 с.: ил., табл., цв. ISBN 978-9975-85-485-6.

История румын и всеобщая история: учебник для 4 класса / П. Чербушка; Ministerul Educației, Culturii și Cercetării. Chișinău: Știința; Cartdidact, 2020. 76 с.: ил., карты. ISBN 978-9975-85-236-4.

История румын и всеобщая история: учебник для 5-го класса / А. Феля, А. Долгий, К. Герасим, А. Ревенко-Бырладяну; пер. М. Шикирлиска; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023. 176 с. ISBN 978-9975-3645-5-3.

История румын и всеобщая история: учебник для 6 класса / А. Феля, В. Болдума, А. Долгий; пер. Т. Заиковская; Министерство образования и исследований Республики Молдова. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023. 160 с.: ил., цв. ISBN 978-9975-3638-7-7.

История румын и всеобщая история: учебник для 7 класса / П. Чербушка, Е. Драгнев, И. Ожог; пер. с рум. Г. Гумен; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Știința, 2024. 136 с.: ил. ISBN 978-9975-85-479-5.

История румын и всеобщая история: учебник для 9-го класса / А. Долгий, А. Феля; пер. Л. Вдовиченко; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Univers Educațional, 2023. 212 с. ISBN 978-9975-3640-4-1.

Кушко А. «Политика памяти» и «историческая политика» в постсоветской Молдове // *Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липмана*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 256—291.

Лёвкина Ю.Ю., Алимпиева А.В. Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2015. № 12. С. 89—96.

Байша О. А. *Об интегральном измерении украинского кризиса: иллюзия виртуальности и реальность иллюзий*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 144 с. ISBN 978-5-7598-2980-5.

Офицеров-Вельский Д. «Войны памяти»: Румыния навязывает Молдове альтернативную историю Второй мировой // *Евразия Эксперт*. URL: <https://eurasia.expert/kak-rumuniya-navyazuet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroj-mirovoj/> (дата обращения: 30.11.2025).

Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» // *Современная Европа*. 2017. № 6 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problem-naya-evropeyskaya-identichnost-moldovy-boi-za-istoriyu> (дата обращения: 12.06.2025).

Педилина Е. Украинский синдром Кишинева // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № II (LXIII). С. 9—23. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-9-23.

References

Buzan B., Wæver O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 564 p.

Felea A., Dolghi A., Gumenai I., Revenco-Birladeanu A. *Istoria românilor și universală: manual pentru clasa a VIII-a*. Chișinău: Texter Info, 2024, 176 p. ISBN 978-9975-3680-0-1.

Aksenov M.A. Konstruirovaniye identichnosti kak faktor sekyuritizatsii na postsovetsoi Ukraine na primere analiza shkol'nykh uchebnikov po istorii. *Caspium Securitatis*, 2024, vol. 4, no. 4, pp. 41—58. (In Russian).

Voronovich A.A. Rol' evropeiskoi politiki pamiaty v gosudarstvennoi istoricheskoi politike Moldovy i Ukrainy v 2000-kh godakh. *Politicheskaya nauka*, 2018, no. 3, pp. 204—230. (In Russian).

Gudimenko D. Drugaya Moldaviya: moldovenizm kak ideologiya i politicheskaya praktika. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 2024, no. II (LXIII), pp. 24—37. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-2-24-37>. (In Russian).

Baisha O.A. *Diskursivnyi razlom sotsial'nogo polia: uroki Evromaidana*. Moscow: HSE Publishing House, 2021, 184 p. ISBN 978-5-7598-2190-8. (In Russian).

Baisha O.A. *Diskursivnyi razlom sotsial'nogo polia: uroki Evromaidana*. Moscow: HSE Publishing House, 2021, 184 p. ISBN 978-5-7598-2190-8. (In Russian)

Kikush N., Sharov I., Ozhog I. et al. *Istoriya rumyn i vseobshchaia: Uchebnik dlia 11 klassa*. Chișinău: Cartdidact, 2020, 240 p. ISBN 978-9975-3412-7-1. (In Russian).

Magalias T., Vakarchuk D. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 10-go klassa*. Chișinău: Prut Internațional, 2024, 248 p. ISBN 978-9975-54-832-8. (In Russian).

Dolgii A., Felea A., Enchu N., Revenko-Byrladeanu A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 12 klassa*. Chișinău: Știința, 2024, 304 p. ISBN 978-9975-85-485-6. (In Russian).

Cherbushka P. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 4 klassa*. Chișinău: Știința; Cartdidact, 2020, 76 p. ISBN 978-9975-85-236-4. (In Russian).

Felea A., Dolgii A., Gerasim K., Revenko-Byrladeanu A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 5-go klassa*. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023, 176 p. ISBN 978-9975-3645-5-3. (In Russian)

Felea A., Bolduma V., Dolgii A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 6 klassa*. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023, 160 p. ISBN 978-9975-3638-7-7. (In Russian).

Cherbushka P., Dragnev E., Ozhog I. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 7 klassa*. Chișinău: Știința, 2024, 136 p. ISBN 978-9975-85-479-5. (In Russian).

Dolgii A., Felea A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 9-go klassa*. Chișinău: Univers Educațional, 2023, 212 p. ISBN 978-9975-3640-4-1. (In Russian).

Kushko A. “Politika pamiaty” i “istoricheskaya politika” v postsovetsoi Moldove. In: Miller A., Lipman M. (eds.) *Isticheskaya politika v XXI veke*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 256—291. (In Russian).

Levkina Yu.Yu., Alimpieva A.V. Diskursy identifikatsii i problema konstruirovaniia identichnosti. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 12, pp. 89–96. (In Russian).

Baisha O.A. *Ob integral'nom izmerenii ukrainskogo krizisa: illiuziia virtual'nosti i real'nost' illiuzii*. Moscow: HSE Publishing House, 2024, 144 p. ISBN 978-5-7598-2980-5. (In Russian).

Ofitserov-Vel'skii D. “Voiny pamiaty”: Rumyniia naviazyvaet Moldove al'ternativnuiu istoriiu Vtoroi mirovoi. *Evraziia Ekspert*. Available at: <https://eurasia.expert/kak-rumyniya-navyazyvaet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroy-mirovoy/> (accessed 30.11.2025). (In Russian).

Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Problemnaiia evropeiskaia identichnost' Moldovy: “boi za istoriiu”. *Sovremennaia Evropa*, 2017, no. 6 (78). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnaya-evropeyskaya-identichnost-moldovy-boi-za-istoriyu> (accessed 12.06.2025). (In Russian).

Tsedilina E. Ukrainskii sindrom Kishineva. *Rossia i novye gosudarstva Evrazii*, 2024, no. II (LXIII), pp. 9–23. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-2-9-23> (In Russian).

Поступила в редакцию: 02.12.2025

Принята к публикации: 20.12.2025

Received: Dec 2, 2025

Accepted: Dec 20, 2025

М.О. Дмитриева, К.С. Кудрявцев, М.А. Трошенков

Геополитика по-турецки: Центральная Азия во внешней политике Турции

Аннотация. Данное исследование посвящено всестороннему анализу центральноазиатского вектора внешней политики Турецкой Республики. В работе исследуются ключевые аспекты турецкого влияния, охватывающие сферы гуманитарного, экономического сотрудничества и взаимодействия в области безопасности. Особое внимание уделяется идеологическим основам внешней политики Турции в регионе, в первую очередь концепциям турецкого евразийства и неопантюркизма. Ключевым институциональным инструментом выступает Организация тюркских государств (далее — ОТГ). В статье подробно исследуется роль ОТГ как платформы для реализации внешнеполитических интересов Турции в Центральной Азии (далее — ЦА). В работе приводится комплексный анализ достижений Турецкой Республики в ЦА по указанным направлениям. Авторы также представляют сравнительный анализ политики Анкары с действиями других ведущих партнеров центральноазиатских государств, прежде всего России и Китая. На основе этого сравнения выявляются вызовы и ограничения, препятствующие реализации неопантюркистских амбиций Анкары в условиях многовекторности внешней политики стран региона.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, внешняя политика, геополитика, неопантюркизм, турецкое евразийство, Организация тюркских государств, экономическое сотрудничество, безопасность.

Авторы: *Дмитриева Марина Олеговна*, к. полит. н., доцент кафедры международных отношений Восточного института ДВФУ, Заместитель Директора Восточного института по науке и инновациям. ORCID: 0000-0003-1010-5108. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Кудрявцев Климентий Сергеевич, студент 4-го курса образовательной программы «Международные отношения» Восточного института ДВФУ. ORCID: 0009-0008-6275-5915. E-mail: kudryavtcev.ks@dvfu.ru

Трошенков Максим Андреевич, студент 3-го курса образовательной программы «Востоковедение и Африканистика» Восточного института ДВФУ. ORCID: 0009-0007-2959-4593. E-mail: troshenkov.ma@dvfu.ru

Marina O. Dmitrieva, Klimentii S. Kudriavtsev, Maksim A. Troshenkov

Turkish-Style Geopolitics: Central Asia in Turkey's Foreign Policy

Abstract. This study is dedicated to a comprehensive analysis of the Central Asian vector in the foreign policy of the Republic of Turkey. The paper examines key aspects of Turkish influence, covering humanitarian, economic cooperation, and security interaction. Particular attention is paid to the ideological foundations of Turkey's foreign policy in the region, primarily the concepts of Turkish Eurasianism and Neo-Pan-Turkism. The Organization of Turkic States (hereinafter — OTS) serves as a key institutio-

nal tool. The article thoroughly examines the role of the OTS as a platform for realizing Turkey's foreign policy interests in Central Asia (hereinafter — CA). The paper provides a comprehensive analysis of the Republic of Turkey's achievements in Central Asia in these areas. The authors also present a comparative analysis of Ankara's policy with the actions of other leading partners of the Central Asian states, primarily and Russia and China. Based on this comparison, challenges and limitations hindering the realization of Ankara's Neo-Pan-Turkist ambitions in the context of the multi-vector foreign policy of the region's countries are identified.

Keywords: Turkey, Central Asia, foreign policy, geopolitics, Neo-Pan-Turkism, Turkish Eurasianism, Organization of Turkic States, economic cooperation, security.

Authors: *Dmitrieva Marina Olegovna*, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations, Oriental Institute, FEFU, Deputy Director of the Oriental Institute for Science and Innovation.

ORCID: 0000-0003-1010-5108. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Kudriavtsev Klimentii Sergeevich, 4th-year student of the “International Relations” educational program, Oriental Institute, FEFU. ORCID: 0009-0008-6275-5915. E-mail: kudryavtcev.ks@dvfu.ru

Troshenkov Maksim Andreevich, 3rd-year student of the “Oriental and African Studies” educational program, Oriental Institute, FEFU. ORCID: 0009-0007-2959-4593. E-mail: troshenkov.ma@dvfu.ru

Концептуальные и идеологические основы внешней политики Турции в Центральной Азии

Внешняя политика современной Турецкой Республики в отношении Центральной Азии носит комплексный и многовекторный характер. Её ключевым компонентом выступает так называемое турецкое евразийство, которое подразумевает стратегическую диверсификацию внешнеполитического курса Анкары в условиях перманентной глобальной турбулентности. Данная внешнеполитическая доктрина представляет Турцию в качестве узла, связывающего Восток и Запад, Европу и Азию. Если же, рассматривать Евразию через призму географических понятий и рассуждений, то Турция — как в современных, так и в исторических границах по праву считается евразийской страной [Шлыков, 2017, с. 59]. В данном контексте географическое положение Турецкой Республики вполне могло сыграть важную роль в переосмыслении своих внешнеполитических приоритетов в пользу Евразии.

Идеологическое обоснование этой концепции берет свое начало в период тщетных попыток интеграции Турции в Европейский Союз, окончания Холодной войны и последовавшим вслед распадом СССР. Распад СССР обусловил открытие новых географических пространств для потенциальной внешнеполитической деятельности, ранее бывших недоступными для Анкары, возникла серьезная необходимость в пересмотре своего места на международной арене, так и в Евразии [Аватков, 2024, с. 24]. В академических и политических кругах Турции в конце 1990-х и начале 2000-х годов распространялись идеи радикального переосмысления внешнеполитических и геополитических приоритетов страны. В частности, в идеях такого видного интеллектуала, как Догу Перинчек, имели место

быть рассуждения о том, что роль Турции заключается не в ориентации исключительно на Запад, но и в развитии многосторонних связей со странами Евразии, т. е. с Россией, Китаем, Ираном, и тюркоязычными государствами ЦА и Кавказа — Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Азербайджаном. В этих идеях Турции отводилась роль не просто «моста», а ключевого центра Евразии, способного стать важным актором в формировании многополярного миропорядка, особенно на пространстве Евразии.

Исторический контекст турецкого евразийства связан прежде всего, как было упомянуто выше, с геополитическими изменениями, произошедшими в 1991 г. и после. Обретение независимости тюркоязычными государствами ЦА и Кавказа дало Турции возможность взаимодействия с регионом, с регионом, традиционно рассматриваемым как часть «тюркского мира» и обладающим историко-культурной, что в свою очередь позволило укрепить их и поспособствовало становлению региона хорошим естественным полигоном для испытания новых внешнеполитических доктрин на практике [Шлыков, 2017, с. 59—60]. Активный характер внешней политики Турции по отношению к постсоветским республикам ЦА и Кавказа в первой половине 1990-х годов демонстрировал наличие у Анкары собственной версии евразийского проекта [Шлыков, 2017, с. 71]. Однако, если в первые годы независимости постсоветских республик акцент делался преимущественно на культурно-гуманитарное сотрудничество, образовательные инициативы и идеологическую солидарность пантюркистского толка, то современный подход стал значительно более прагматичным и институционализированным. Нынешняя стратегия Турции характеризуется усилением экономического взаимодействия, включая инвестиции и инфраструктурные проекты, а также наращиванием военно-технического сотрудничества.

Между политикой Турции в ЦА в 90-е годы и сейчас есть различия

География применения турецкого евразийства, хотя и охватывает обширные регионы, однако в контексте Евразии в современной Турции понимаются именно тюркоязычные республики ЦА и Кавказа [Аватков, 2024, с. 26]. Вместе с тем основной акцент обусловлен их стратегической важностью как ключевых транзитных хабов, значительным энергетическим потенциалом и перспективами для диверсификации внешнеэкономических связей. Таким образом, эти регионы становятся важными партнерами в построении новой евразийской архитектуры, где Турция стремится играть роль одного из ключевых центров силы. Особо важно подчеркнуть, что после успехов в Нагорном Карабахе, стал очевидным новый всплеск активности в ЦА и на Кавказе, Турция активно развивает взаимодействие и укрепляет интересы в Грузии и даже нацеливается на Афганистан, где некоторая населения считаются этническими узбеками [Турецкое евразийство..., 2021]. Расширение интересов Турции на Грузию и Афганистан демонстрируют готовность выходить за рамки исключительно тюркского мира, используя тюркские корни как один из инструментов влияния, при этом преследуя более широкие геополитические цели. В свете укрепления своих позиций и расшире-

ния географии и амбиций, возникает острая необходимость в концептуализации турецких внешнеполитических действий. Активизация Турции в ЦА, уже не вписывается в рамки неоосманизма, а является версией турецкого евразийства [Турецкое евразийство..., 2021]. Данное разграничение является принципиально важным, поскольку неоосманизм традиционно ориентирован на территории бывшей Османской империи и базируется на историко-культурном и религиозном имперском наследии. Однако в Центральной Азии, где османского владычества не существовало, турецкая политика основывается на более сложном подходе, сочетающем в себе пантюркистские идеи.

Конкретные примеры реализации концепции турецкого евразийства в Центральной Азии наглядно демонстрируют прагматичный и многовекторный подход Анкары к формированию своего влияния на континенте. Ключевым направлением является стратегическое продвижение так называемого «Среднего коридора» (Middle Corridor) — мультимодального транспортного маршрута, который вписывается в евразийскую парадигму Турции как инструмент для воссоединения торговых путей между Китаем и Европой через Центральную Азию, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и саму Турцию. Анкара активно инвестирует в развитие этой транспортной артерии, модернизируя железнодорожный маршрут Баку—Тбилиси—Карс (БТК) и способствуя развитию паромных перевозок через Каспий, что позволяет интегрировать центральноазиатские экономики в свою логистическую и торговую орбиту [Эршен, 2022, с. 122]. В энергетическом секторе турецкое евразийство проявляется в стремлении к диверсификации источников энергии за счет центральноазиатских ресурсов, хотя масштабные проекты, такие как Транскаспийский газопровод, сталкиваются с геополитическими препятствиями, что подчеркивает сложность реализации энергетических амбиций в условиях конкуренции региональных держав.

Кроме того, Турция активно стремится к укреплению своего участия в региональных многосторонних инициативах, о чем свидетельствует её статус партнера по диалогу в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и регулярное участие в её мероприятиях, демонстрируя желание Анкары быть неотъемлемой частью широкого евразийского диалога и процессов региональной безопасности [Эршен, 2022, с. 119—121]. Дипломатические усилия направлены на углубление двусторонних отношений с ключевыми евразийскими игроками, такими как Россия и Китай, в контексте их центральноазиатских интересов, что позволяет Турции умело балансировать между различными центрами силы и продвигать свои евразийские интересы в условиях сложной многополярной архитектуры.

Организация Тюркских государств как институциональная площадка реализации внешнеполитических целей Турции в ЦА

В рамках амбициозного многовекторного внешнеполитического курса, направленного на утверждение статуса региональной державы и влиятельного актора на глобальной арене, Турция активно использует Организацию Тюркских государств в качестве ключевой институциональной площадки для реализации

внешнеполитических целей, особенно в ЦА. С момента своего создания в 2009 г. как Тюркского совета и последующей трансформации в полноформатную организацию в 2021 г., ОТГ стала важнейшим инструментом Анкары для проецирования своего влияния на регион посредством мягкой силы, экономической кооперации и сотрудничества в сфере безопасности. Роль ОТГ выходит далеко за рамки простого интеграционного объединения тюркоязычных республик — организация становится инструментом, посредством которого Анкара стремится к лидерству в тюркском мире в рамках концепции неопантюркизма и к поддержанию своих евразийских устремлений. Внешнеполитическая проекция неопантюркистской доктрины Турции имеет специфические целевые установки. Среди ключевых задач выделяется формирование образа Турции как центра притяжения и консолидирующей силы для этнически родственных государств и народов [Бурашникова, 2013, с. 68]. Данная цель является ядром неопантюркистской доктрины, которая в отличие от исторических пантюркистских движений, имеет ориентацию не на прямое территориальное объединение, а на формирование сферы влияния и мягкой силы через институциональные механизмы, как раз такие как ОТГ и культурно-просветительские организации, такие как:

- 1) агентство сотрудничества и развития тюрков» при МИД Турции — ТИКА;
- 2) международная организация тюркской культуры — ТЮРКСОЙ;
- 3) фонды Юнуса Эмре;

4) школы Ф. Гюлена (движение «Хизмет») [Гасанова, 2021, С. 53]. Важно отметить, что после попытки государственного переворота в Турции в 2016 г. официальная Анкара инициировала процесс повсеместного закрытия учебных заведений движения «Хизмет» в странах Центральной Азии. В большинстве республик региона данные школы были либо ликвидированы, либо национализированы и полностью реорганизованы с целью устранения влияния Ф. Гюлена. На современном этапе Турция замещает эту образовательную нишу проектами государственного фонда «Маариф», который выступает официальным и подконтрольным Анкаре инструментом «мягкой силы».

Исторически формирование институционализованного тюркского сотрудничества произошло в 2009 г. посредством подписания Нахичеванского соглашения. Это соглашение имело важный геополитический контекст, поскольку создавало постоянную организационную структуру. Изначально Нахичеванское соглашение подписали 4 страны — Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция, утвердив тем самым «Совет сотрудничества тюркоязычных государств», или Тюркский совет [Общая сила тюркского мира..., 2025]. В 2019 г. Нахичеванское соглашение ратифицировал Узбекистан, став полноправным членом Тюркского совета [Узбекистан ратифицировал..., 2019]. Туркменистан и Венгрия имеют статус наблюдателей. Вступление Узбекистана придаёт новый импульс деятельности Совета и способствует достижению геополитического баланса среди тюркоязычных государств. Благодаря центральному положению в Центральной Азии (граничит со всеми странами региона и Афганистаном), его членство значительно расширяет повестку дня и потенциал организации. С населением в 33 миллиона человек Узбекистан становится крупнейшей по численности населения страной-членом из ЦА. Это существенно укрепляет экономическую, поли-

тическую и военную мощь Совета, повышая его конкурентоспособность среди других евразийских организаций [Чжан, 2023, с. 79—80].

Нахичеванское соглашение определило основные цели организации:

- 1) укрепление взаимного доверия и дружбы;
- 2) развитие политического диалога;
- 3) расширение экономического и культурного сотрудничества;
- 4) координацию по региональным и международным вопросам.

Последующее преобразование в ОТГ на Стамбульском саммите 2021 г., закреплённое в Стамбульской декларации, ознаменовало новый этап, подчёркнув стремление к более широким форматам сотрудничества, включая оборону и безопасность. Для Турции ОТГ является не просто форумом, но и стратегическим каналом для институционализации своего влияния, обеспечения лояльности и развития региональных связей в контексте видения турецкого евразийства с упором на ЦА и Кавказ и в контексте многополярного мира.

В экономическом измерении ОТГ служит платформой для развития торговли, инвестиций и инфраструктурных проектов, что способствует экономической интеграции и укреплению позиций Турции как важного экономического партнёра создавая тем самым «тюркское экономическое пространство». Одним из ключевых инструментов является Союз тюркских торгово-промышленных палат, созданный на основе Тюркской торгово-промышленной палаты в 2023 г. Союз Тюркских Торгово-промышленных палат представляет собой международную платформу, призванную развивать взаимоотношения и сотрудничество в тюркском мире. Эта организация признана эффективным инструментом для расширения многостороннего взаимодействия между государствами-членами, охватывающего такие сферы, как торговля, инвестиции, транспорт, энергетика, туризм, а также культурно-гуманитарный обмен [Заседание союза тюркских..., 2023]. Учреждение Тюркского инвестиционного фонда в 2023 г., согласно Соглашению о создании Тюркского инвестиционного фонда, является стратегическим шагом, призванным обеспечить финансовую основу для совместных проектов и активизации инвестиционной деятельности Турции в Центральной Азии [Turkish Investment Fund, 2023]. Турция стремится к созданию зоны свободной торговли в рамках ОТГ, что значительно увеличило бы объёмы товарооборота и укрепило бы экономические связи, снижая зависимость от внешних рынков. В рамках Стратегии тюркской экономической интеграции активно разрабатываются меры по гармонизации законодательства и стандартов.

В области безопасности ОТГ становится платформой для координации усилий по обеспечению региональной стабильности, противодействию общим угрозам и укреплению оборонного потенциала, что отражает растущие амбиции неопантюркистской повестки в области безопасности. В этом контексте особую значимость приобретает концепция «Армии Турана». Хотя она не является официальной структурой в рамках ОТГ, идея о создании единой или тесно координированной тюркской военной силы имеет глубокие корни в пантюркистских идеалах. На официальном уровне в рамках ОТГ этот концепт трансформируется в более прагматичные, но стратегически важные шаги: усиление военно-технического сотрудничества, развитие оперативной совместимости и совместные во-

енные учения. «Тюркское видение 2040» также включает разделы, посвященные углублению сотрудничества в области безопасности и обороны, направленные на укрепление взаимного доверия и механизмов коллективного реагирования на вызовы [Turkic World Vision 2040, 2021].

Несмотря на очевидные успехи и стратегическое значение Организации тюркских государств (ОТГ) для Турции, полная реализация неопантюркистских амбиций сталкивается с рядом вызовов и ограничений. Турция вынуждена действовать в сложном геополитическом контексте Центральной Азии, формируемом историческим влиянием России (через ОДКБ и ЕАЭС) и растущей экономической доминантой Китая (в рамках инициативы «Пояс и путь»). В этих условиях центральноазиатские государства последовательно проводят многовекторную внешнюю политику, стремясь избежать чрезмерной зависимости от какого-либо одного центра силы. Тем не менее, Турция продолжает рассматривать ОТГ как фундаментальную платформу для углубления своих связей с Центральной Азией, используя комплексный подход, охватывающий культурное, экономическое сотрудничество, а также кооперацию в сфере безопасности, что позволяет ей последовательно реализовывать свою неопантюркистскую и евразийскую стратегию.

Мягкая сила Турции и России в ЦА как в стратегически значимом регионе

Турция успешно распространяет свою мягкую силу на данный регион с момента развала СССР, представляя свою государственную систему как уникальную модель Западной светской державы с устоявшимися мусульманскими традициями.

Для распространения мягкой силы в виде культуры, языка, образования и религии, Турция использует различные инструменты в виде национальных и международных организаций. К ним можно отнести упомянутый ранее Фонд Юнуса Эмре, занимающийся открытием центров изучения турецкого языка и культуры. Также в образовательной сфере значительную роль играют стипендиальные программы, такие как Turkey Scholarship (Türkiye Bursları) по которым обучается 14 500 студентов [UDEP, 2025], а также религиозные стипендии, которые выдаются управлением по делам религий в Турции (Диянет). За последние 20 лет Турция предоставила 26 тысяч стипендий студентам из тюркоязычных стран для обучения как в Турции, так и в местных филиалах [Москаленко, 2021, с. 128—132].

Согласно сопоставимым данным за 2022—2023 гг., в турецких университетах обучалось более 12 тыс. граждан Туркменистана, свыше 6,2 тыс. студентов из Узбекистана, около 12 тыс. граждан Казахстана, за шесть лет увеличившись более чем в пять раз; порядка 2,3 тыс. студентов из Кыргызстана, а также несколько сотен студентов из Таджикистана, преимущественно по гуманитарным и инженерно-техническим направлениям. Совокупный контингент студентов из Центральной Азии в Турции составляет около 35 тыс. человек [Троицкий, 2024, РСМД].

Российская Федерация, в свою очередь, остается лидером по количеству иностранных студентов из рассматриваемого региона. Во время заседания саммита «Россия—Центральная Азия» В.В. Путин объявил, что в России обучаются около 212 тыс. студентов из ЦА. Также в регионе работают 25 филиалов Российских вузов и открываются школы с преподаванием на русском языке [РИА новости, 2025].

Тем не менее, в образовательной сфере существуют негативные тенденции, которые не способствуют углублению сотрудничества в сфере образования между РФ и центральноазиатскими республиками. В первую очередь это дерусификация (постепенный отказ от изучения русского языка) и тенденции сокращения русскоязычного населения. В значительной степени убывает этнически русское население, сокращается число русскоговорящих в особенности в регионах, где статус русского языка не определен. Так, в Туркменистане доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, уменьшилась более чем в 3 раза (с 32 % до 9,5 %), в Узбекистане этот показатель уменьшился более чем в 2 раза (с 27 % до 12 %) [Потоцкая, 2023, с. 488—500]. Данное явление обусловлено прежде всего конкуренцией между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в сфере образовательного сотрудничества, при этом турецкие дипломы о высшем образовании обладают более высокой степенью признания и востребованности в европейском образовательном и профессиональном пространстве. С постепенным уходом России из болонской системы данная тенденция будет ухудшаться, так как все больше турецких студентов захотят остаться в Европейской системе образования. В связи с этим студенты все чаще выбирают для изучения китайский, турецкий или английский языки для получения образования за рубежом.

Таким образом, при анализе моделей сотрудничества «Центральная Азия—Россия» и «Центральная Азия—Турция» можно констатировать, что в последние годы Турция, если и не демонстрирует устойчивое опережение, то по меньшей мере находится на сопоставимом уровне с Российской Федерацией по степени привлекательности и эффективности инструментов «мягкой силы» в странах Центральной Азии, а в отдельных аспектах — демонстрирует более выраженную положительную динамику. Однако русский язык все еще является связующим звеном региона, так как он находится в статусе официального языка региональных организаций, в которых состоят страны ЦА (ОДКБ, ШОС, СНГ, ЕАЭС). В этом плане русский язык имеет геополитическое значение, которое при должном подходе будет играть благоприятную роль в продвижении русского языка и культуры в регион. Турция, в свою очередь, также имеет международные механизмы для распространения мягкой силы.

Экономические интересы и социально-экономические вызовы

ЦА обладает богатейшими природными ресурсами — газом, нефтью и полезными ископаемыми. Поэтому в регионе ведется жесткая конкуренция за партнерство в ресурсной сфере. Здесь за экономическое партнерство столкнулись ин-

тересы России, США, ЕС, Ирана, Китая и Турции. В ниже представленной таблице всесторонне показано влияние ключевых акторов в регионе. Турция находится больше на третьих ролях в области экономической интеграции в регионе, что, безусловно, далеко от создания «Великого Турана», тем не менее является свидетельством стратегической заинтересованности Турции в данном регионе.

После изменения баланса сил в международных отношениях в 90-х годах Анкара поставила перед собой задачу глубокой экономической интеграции с данным регионом. Турция имеет амбиции стать «энергетическим хабом», переправляя богатые природные ресурсы ЦА в Европу. У Анкары существуют удачные проекты в сфере энергетики с бывшей советской республикой Азербайджан, где в 2006 г. был сдан в эксплуатацию трубопровод Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД), который обеспечивает поставки 50 млн т сырой нефти в год. Однако интересы Турции в данный момент затрагивает не только Азербайджан, но и крупнейшие экспортеры энергоносителей в ЦА — Казахстан и Туркменистан. В 1990-е годы Анкара была особенно заинтересована в нефти Казахстана и в газе Туркменистана. Однако транспортировка туркменского газа не осуществилась по финансовым причинам, и в этом случае Турция отдала предпочтение России (трубопровод «Голубой поток»).

Турция стремится развивать торговлю и расширять рынки сбыта, активно проникая на рынки стран ЦА, особенно в легкой промышленности и машиностроении. Турецкие прямые инвестиции в евразийских государствах превысили 10 млрд долл. Объем торговли Турции со странами региона в 2019 г. был реализован на уровне 2,5 млрд долл. с Узбекистаном, 3,13 млрд долл. с Казахстаном, 944 млн долл. с Туркменистаном. В Киргизии действуют около 400 Турецких компаний, налажено двусторонне сотрудничество с Таджикистаном [Москаленко, 2021, с. 128—132]. За последние годы товарооборот между Турцией и ЦА значительно возрос. Турецкие компании активно работают в строительстве, сельском хозяйстве и других секторах, что способствует экономическому развитию стран региона. Согласно Данным центрального банка, Турция входит в тройку ближайших экономических партнеров Туркменистана и Таджикистана. Также, Турция активно сотрудничает и с другими странами региона.

Определённым исключением, обусловленным сложностью двусторонних отношений, является Республика Узбекистан. Несмотря на то что в настоящее время Турция выступает одним из ключевых партнёров Узбекистана, в исторической перспективе экономическое взаимодействие между двумя государствами отличалось нестабильностью и повышенной напряжённостью по сравнению с отношениями Турции с другими странами Центральной Азии, особенно в период до 2016 г. Кульминацией данной нестабильности стал 2014 год, когда узбекские власти предприняли меры по вытеснению турецкого бизнеса с внутреннего рынка и закрытию представительств турецких торговых организаций. При этом в экспертном сообществе высказывалось мнение о том, что выдвигавшиеся в отношении турецких предпринимателей обвинения, включая связи с запрещёнными религиозными структурами, носили инструментальный характер и использовались в рамках конкурентной экономической борьбы [Джакупов, 2018, с. 442].

Более того несмотря на то, что Турция традиционно имела крупные инвестиции в узбекскую экономику и большой объем товарооборота, она не считалась стратегически важной для Узбекистана в такой же степени, как Россия, США или страны Евросоюза, что ограничивало ее влияние.

Таблица 1

Акторы	Инструменты и стратегия экономической интеграции	Масштаб партнерства	Ограничения и особенности
Турция	Транспортная логистика — TANAP, БТД; продвижение «Срединного коридора» (МС); сотрудничество в строительстве, легкой промышленности; Безвизовый режим и лояльные нормы для трудовых мигрантов. Координация рыночных преобразований при помощи ТІКА	Общий товарооборот: 12 млрд долл. (2022); Казахстан — 4,7 млрд долл. (2022); Узбекистан — 3,1 млрд долл. (2023, 4-е место). Второй после России центр притяжения трудовых мигрантов ЦА. [Абдусатторова, 2025, С. 584]	Заметно уступает России и Китаю по экономическому влиянию. Не обладает достаточным финансовым потенциалом для роли «локомотива регионального сотрудничества». Сталкивается с интересами других стран
Китай (КНР)	Фокусируется на промышленных инвестициях и взаимосвязанности (Trans-Caspian, железная дорога Китай—Кыргызстан—Узбекистан). Использует стратегию стимулирования малого бизнеса, переход к высокотехнологичным секторам («летающие гуси»)	С 2010 г. является крупнейшим торговым партнером ЦА. Экспорт в страны региона вырос в 25 раз с 2002 г. по 2022. [Международный бизнес. № 2: 24—60. Товарооборот Китая, 2022] Объем инвестиций в два раза превышает российские. Общий товарооборот со странами Центральной Азии — 94 млрд (2024) [Чоршанбиев, 2025]	Торговля несбалансирована; 55 % импорта из ЦА составляют углеводороды. [Лексютина, 2025, С 315] Отсутствие соглашений о свободной торговле (осложнено членством Казахстана и Кыргызстана в ЕАЭС)
Россия (РФ)	Использует механизмы ЕАЭС (институциональный подход). Развивает промышленную кооперацию (машиностроение, горнорудная, электротехника). Активно использует торговлю со странами ЦА для обхода санкций. Продвигает проекты в горнорудном секторе и энергетике	Сохраняет устойчивые торговые связи. Крупнейший импортер несырьевой продукции из большинства стран ЦА. Общий товарооборот — 45 млрд долл. [Известия, 2024]	Рост торговли меньше и объем инвестиций ниже, чем у КНР и ЕС. Санкционное давление западных стран
Европейский Союз (ЕС) / США	Экономика через мягкую силу — Американский университет в Бишкеке. ЕС продвигает демократизацию, верховенство права и свой опыт региональной интеграции	Объем инвестиций, привлеченных странами ЦА из ЕС, выше, чем из РФ (105 млрд евро с 2013—2023) ЕС является одним из ключевых мировых потребителей сырья из региона. Общий товарооборот — 47 млрд долл. [МИД Казахстана, 2023]	Подход ЕС часто шаблонный и не всегда адекватен региональной специфике. ЕС уделяет ЦА меньше внимания, чем «Восточному партнерству». Интерес США в основном определяется проблемой Афганистана

Акторы	Инструменты и стратегия экономической интеграции	Масштаб партнерства	Ограничения и особенности
Иран	Транспорт и международная торговля: использует инструменты международной торговли. Стремится создать единые транспортные сети из стран региона к берегам Персидского залива	Является важным внешнеэкономическим партнером Туркменистана и Таджикистана. Участвует в проектах, связанных с коридором «Север-Юг» и транзитом грузов (например, тестовый транзит китайского контейнерного состава через Туркменистан и Иран)	Религиозная специфика (приоритет шиитских традиций) ограничивает его широкое влияние, которое было активно воспринято только Таджикистаном

За последние десятилетия Турция прикладывает заметные усилия для обеспечения всестороннего экономического партнерства со странами региона и большинство проектов действительно удаются благодаря привлекательности турецкой модели экономического развития для развивающихся стран ЦА через мягкую силу и связь с Европой. Однако Турция является сравнительно новым игроком в данном регионе, где уже устоялись прочные языковые связи с Россией и налажена экономическая интеграция через международные институты, такие как ЕАЭС. Турция имеет положительный торговый баланс с регионом и общие транспортные и инфраструктурные проекты, несмотря на отсутствие общих границ. Турция также является важным путем диверсификации импорта для стран ЦА, поэтому для стран региона и Турции важно начать переговоры по соглашению о свободной торговле отдельно и в рамках евразийской интеграции.

Широкое стратегическое партнерство Турции в регионе тормозит ее экономическая слабость и ограниченный инвестиционный или ресурсный потенциал, которые не позволяют ей конкурировать с глобальными державами. С точки зрения экономического влияния и стратегической значимости, Турция заметно уступает России и Китаю. Китай является ведущей экономической силой, а Россия занимает традиционно тесные экономические отношения и лидирующие позиции в построении архитектуры безопасности региона.

Проблемы безопасности в Центральной Азии и пути их решения

В Центральной Азии существует множество проблем безопасности — от наркотрафика до терроризма, которые в значительной степени играют роль в ведении внешней политики государств региона. Важнейшими элементами обеспечения безопасности являются интеграционные структуры, такие как ОДКБ, в который входят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а также Россия, Армения и Беларусь; ШОС, состоящий из Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. Цели данных организаций заключаются в противодействии угроз, исходящих из Афганистана, защите инфраструктуры и противодействии сепаратизму, терроризму и экстремизму. Россия и Китай заинтересованы в безопасности данного региона, так как политическая обстановка в Центральной

Азии напрямую влияет на геополитические и экономические интересы обеих стран.

Россия, к примеру, предоставляет широкий спектр оборонной продукции, укрепляет свои военные базы и готовит значительное число военных кадров для силовых структур региона, где в военных вузах обучаются военнотруженики из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Турция стремится стать ключевым партнером в сфере безопасности в регионе, наращивая двусторонние и многосторонние отношения со странами региона. Однако в ЦА уже сложилась система региональной безопасности, где доминируют многосторонние институты, контролируемые Россией и Китаем, а также двустороннее сотрудничество с США, которые исторически размещали военные базы в Узбекистане и Кыргызстане. США и ЕС используют гуманитарные, военные и идеологические механизмы сотрудничества. Создание формата «С5+1» по инициативе Японии, поддержанной западными государствами, стало значимым инструментом воздействия на региональную архитектуру безопасности. Цель объединения заключалась в обсуждении региональных вопросов в сферах экономики, экологии и безопасности с участием стран ЦА. Также не стоит забывать про таких немаловажных акторов, заинтересованных в безопасности региона как Иран, который стремится противостоять Западу в данном регионе и ищет для этого союзников, а также военное присутствие Индии, которое до недавних пор осуществлялось в Таджикистане.

Таджикистан занимает обособленное положение в Центральноазиатском регионе, оставаясь единственным государством, не входящим в Организацию тюркских государств (ОТГ) из-за своей персоязычной идентичности. Будучи этнолингвистическим исключением в тюркоязычном окружении, Душанбе фактически выведен из-под действия ключевых инструментов регионального влияния Анкары, основанных на пантюркизме. Несмотря на активное развитие двусторонних отношений с Турцией, особенно в сфере военно-технического сотрудничества и безопасности, Таджикистан сознательно дистанцируется от институциональной интеграции в рамках ОТГ, предпочитая традиционные платформы взаимодействия, такие как ШОС и ОДКБ.

В регионе наблюдается геополитическая конкуренция между западными государствами и блоком Россия—Китай. Турция, несмотря на членство в НАТО, придерживается гибкой внешнеполитической позиции. Эта конкуренция отличается определенной сдержанностью, что обусловлено наличием конструктивных двусторонних отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой, а также стремлением сторон избежать эскалации противоречий. Соединенные Штаты Америки и Европейский союз поддерживают инициативы Турции по обеспечению региональной безопасности, рассматривая ее как формирующийся центр силы и надежного партнера в данной сфере.

По инициативе Анкары была учреждена Евразийская ассоциация правоохранительных органов с военным статусом (ТАКМ) для сотрудничества в противодействии организованной преступности, терроризму и контрабанде. Турция также обучает военнотружеников стран ЦА в турецких военных заведениях. В 1990-х

годах в Турции было обучено около 1800 военнослужащих из тюркоязычных стран.

Данное сотрудничество представляет собой важный аспект региональной политики, особенно в контексте борьбы с терроризмом и экстремизмом. Анкара уже вошла в топ поставщиков оружия и техники странам Центральной Азии. Так, за последние 10 лет Анкара поставила около 50 самолетов в страны ЦА, а также 40 бронемашин. Начиная с 2011 г., Турция является главным поставщиком кораблей для Туркменистана, продавая патрульные корабли для Туркменского флота на Каспийском море. [Armstrade, 2025] Турция также предлагает новейшее вооружение, такое как БПЛА Bayraktar TB-2. Более того, страны ОТГ активно сотрудничают между собой в оборонной сфере: Турция активно проводит учения со странами Центральной Азии, [Вечерний Бишкек, 2024].

Турция является привлекательным регионом ЦА, продвигая светскую модель государства с мусульманским населением, позиционируя ее как образец развития тюркского государства и эффективный способ борьбы с религиозным экстремизмом. Анкара стремится взять на себя главную роль в борьбе против проникновения радикальных исламистов в страны ЦА — Турция участвовала в международных силах содействия безопасности в Афганистане, что символизировало ее вклад в безопасность всего региона.

Основная выгода стран Центральной Азии от отношений с Турцией в рамках безопасности прежде всего диверсификация внешнеполитических связей, которая способствует снижению зависимости от России и Китая. Привлекательность Турецкой Республики для государств Центральной Азии обусловлена наличием оборонного потенциала, превосходящего по техническим характеристикам вооружение стран региона и соответствующего стандартам НАТО. Дополнительным фактором сближения выступает турецкая модель государственного устройства, сочетающая принципы светскости с учетом интересов и идентичности мусульманского большинства населения. Общая культура и связь с Западом также является важным фактором становления Турции как надежного партнера по безопасности для стран региона.

Тем не менее, в сфере безопасности есть намного более важные игроки для Центральной Азии — Россия и Китай. Турецкие амбиции ограничиваются слабыми финансово-экономическими возможностями и недостатками ресурсов (военных, технологических), чтобы стать лидирующей державой в безопасности региона и конкурировать с Россией и Китаем. Также интеграционные усилия Турции (например, идея «Армии Турана» или политическая интеграция) вызывают опасения у России, КНР и Ирана, которые видят в пантюркизме угрозу своим интересам. Любого рода антироссийская и антикитайская политика может быть поводом для более жесткой конфронтации в регионе.

Дополнительным фактором выступает институциональное различие в сфере коллективной безопасности: членство Турецкой Республики в НАТО контрастирует с участием большинства государств Центральной Азии в ОДКБ. Антагонизм данных военно-политических блоков предопределяет трансформацию региональной конъюнктуры и смещение баланса сил в случае гипотетического соперничества Анкары с Москвой за статус ключевого стратегического партнера.

Вследствие этого турецкие инициативы зачастую сталкиваются с осторожностью национальных элит, стремящихся к диверсификации внешних связей и избегающих установления новой асимметричной зависимости от внешних центров силы.

В архитектуре безопасности Центральной Азии Турецкая Республика позиционируется как проводник интересов западных государств и актор, претендующий на лидерство в рамках тюркской интеграции. Анкара предлагает альтернативную модель взаимодействия, возможности которой, однако, детерминированы лимитами её экономического и оборонного потенциала. Если Российская Федерация и КНР выступают в качестве основных гарантов региональной стабильности и инфраструктурного развития, то Турция выполняет роль медиатора, стремящегося институционализировать этнокультурные связи региона с Западом. Тем не менее, на современном этапе данные инициативы характеризуются недостаточной институциональной и ресурсной устойчивостью.

Заключение

С 90-х годов Турция зарекомендовала себя как надежного партнера для государств Центральной Азии, активно развивая свое экономическое и культурное присутствие в регионе, а также в усилиях обеспечения безопасности. Внешнеполитическая траектория Турецкой Республики в ЦА представляет собой сложную, многоуровневую стратегию, концептуально базирующуюся на идеях турецкого евразийства и неопантюркизма. Анкара, осознавая геополитическое значение региона, активно использует Организацию Тюркских государств как ключевой рычаг для институционализации своего влияния в сферах гуманитарного, экономического и оборонного сотрудничества. В сфере «мягкой силы» Турция демонстрирует динамичное расширение регионального присутствия, транслируя модель светского устройства в сочетании с исламской идентичностью через образовательные и культурные каналы. Тем не менее, решающая роль в данных процессах сохраняется за Российской Федерацией как традиционным стратегическим партнером региона.

Тем не менее, полная реализация неопантюркистских амбиций Анкары сталкивается с серьезными системными ограничениями и вызовами, которые определяются многовекторностью внешней политики стран ЦА и жесткой геополитической конкуренцией. Сравнительный анализ политики Турции с действиями других ключевых партнеров региона выявил существенный дисбаланс сил. Китай занимает доминирующие позиции в экономической сфере, выступая крупнейшим торговым партнером и инвестором, а его инициатива «Один пояс — один путь» существенно превосходит турецкие инфраструктурные проекты по масштабу. В свою очередь, Россия сохраняет традиционно прочное влияние в сфере региональной безопасности (через ОДКБ) и является основным культурно-лингвистическим якорем. Ограниченный финансовый и инвестиционный потенциал Турецкой Республики не позволяет ей на равных конкурировать с глобальными державами, что ставит под вопрос возможность Анкары стать подлинным «локомотивом» региональной интеграции.

В заключение необходимо отметить, что в условиях необходимости балансирования между конкурирующими глобальными центрами силы Турция продолжит рассматривать ОТГ в качестве стратегической платформы для интенсификации взаимодействия с Центральной Азией. Значительный потенциал для реализации интересов Анкары представляет интеграция Азербайджана в региональные форматы сотрудничества, выраженная, в частности, в его участии в формате консультативных встреч глав государств Центральной Азии с 2025 г.

По мнению экспертов, присоединение Азербайджана к формату создаёт новое геополитическое пространство между Центральной Азией и Южным Кавказом [Абдулкеримов, 2025]. Поскольку Азербайджан выступает ближайшим стратегическим союзником Турции, углубление интеграции между Баку и государствами Центральной Азии создает для Анкары исключительную возможность для дальнейшего расширения своего влияния в регионе. Однако, конкретные механизмы и формы турецкого участия, связанные с этой растущей центральноазиатско-азербайджанской кооперацией, требуют дальнейшего, более детального исследовательского анализа. В целом, идеологические концепции турецкого евразийства и неопантюркизма следует рассматривать скорее как стратегический вектор, нежели как доктрину, реализуемую в краткосрочной перспективе. Эффективность долгосрочной стратегии Турции в Центральной Азии будет определяться её способностью дополнить этнокультурную общность предоставлением конкурентоспособных альтернатив в сферах инвестиций, технологий и безопасности. Данные механизмы рассматриваются как необходимый инструмент диверсификации внешнеполитических и экономических связей государств региона, способствующий снижению их зависимости от существующих доминирующих акторов. Таким образом, в условиях продолжающейся глобальной трансформации, Турция, вероятно, закрепит за собой статус важного и надежного партнера стран ЦА, способного влиять на региональные процессы, не претендуя при этом на единоличное доминирование.

Библиографический список

Абдулкеримов Б. Саммит в Ташкенте ознаменовал новую эру в отношениях Центральной Азии и Азербайджана. URL: <https://www.aa.com.tr/ru> (дата обращения: 18.10.2025).

Абдусатторова Э.А. Турция и Центральная Азия: от постсоветской дипломатии к прагматическому партнерству // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 85. С. 576—590.

Аватков В.А., Прилепский П.А. Турция и Центральная азия в период пандемии коронавируса // Мировая политика. 2022. № 2. С. 35—46.

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 20—34.

Аржаев Ф.И. Геоэкономическая стратегия России в Центральной Азии в условиях санкционного давления // Научный результат. Экономические исследования. 2023. № 3. С. 5—15.

Бедрицкий А.В. Программа «Век Турции» и интересы России на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2025. № 5. С. 542—551.

Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 2. С. 65—69.

Венцель С. В. Кризисы во внешней политике Турции на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 154—163.

Волков И.В., Литвинов В.П. Турция и Центральная Азия: прошлое и настоящее в системе международных отношений // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2025. № 1. С. 95—102.

Гасанова А.Б. «Неопантюркизм» и Организация тюркских государств // Запад—Восток—Россия 2021: Ежегодник. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 2022. С. 52—56.

Гордиенко Д. В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 37. № 322. С. 44—66.

Графов Д. Б. Стратегия балансирования во внешней политике Турции // Вестник МГИМО. 2022. № 3. С. 115—142.

Давлетбаков С. К. Пантюркизм и современная внешняя политика Турции // Скиф. 2022. № 6 (70). С. 230—234.

Джакупов Тимур Центральная Азия во внешнеполитической концепции Турции // Постсоветские исследования. 2018. № 5. С. 437—444.

Елена Г. Г. Роль исламского фактора во внешней политике Турции в Центральной Азии // Исламоведение. 2023. № 3 (57). С. 15—26.

Заседание Союза Тюркских Торгово-промышленных палат укрепляет сотрудничество. URL: <https://cci.kg/news/1/3706.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Казанцев А.А. Куда идет Центральная Азия: меняющиеся роли глобальных игроков в перспективе до 2020 г. // ПОЛИТЭКС. 2012. № 1. С. 84—96.

Кириллова М. П. Эволюция внешней политики современной Турции // Гуманитарный акцент. 2018. № 4. С. 14—20.

Лексютина Я. В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. № 30. С. 309—323.

Москаленко В. А. «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4-1. С. 128—132.

Общая сила тюркского мира: Организации тюркских государств 16 лет. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B0-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2-16-%D0%BB%D0%B5%D1%82/3706690#> (дата обращения 18.10.2025).

Петров Н.Д. Турция как проводник национальных и интернациональных интересов в Центральной Азии // Постсоветский материк. 2024. № 3 (43). С. 191—201.

Потоцкая Т. И. Центральная Азия как приоритетный геополитический регион постсоветского пространства: географический анализ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2023. № 4. С. 488—500.

Стамов Б. Военные учения стран ОТГ в Нагорном Карабахе — шаг к единству тюрков // Вечерний Бишкек 2024 URL: https://www.vb.kg/doc/438627_voennye_ucheniia_stran_otg_v_nagornom_karabahe_shag_k_edinstvy_turkov.html

Сулейманов А.В. Проблемы внешней политики Турции на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2014. № 3. С. 162—169.

Трещенков Е. Ю. Регион Центральной Азии в политике Европейского Союза // Современная Европа. 2022. № 1(108). С. 184—195.

Троицкий Е. Интернационализация высшего образования в Центральной Азии и роль России // РСМД. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii/> (дата обращения: 20.10.2025).

Турецкое евразийство: мифы и реалии турецкой геополитики. URL: https://zavtra.ru/blogs/mifi_i_realii_tureckoj_geopolitiki (дата обращения: 18.11.2025).

Узбекистан ратифицировал Нахичеванское соглашение. URL: <https://gratanet.com/ru/news/uzbekistan-ratifikiroval-nakhichevanskoe-soglashenie> (дата обращения: 18.10.2025).

Фесенко Е.С. Неопантюркизм во внешней политике Турции: направления взаимодействия с государствами Центральной Азии // Скиф. 2022. № 5 (69). С. 217—221.

Филоненко А. Е. Военное и военно-техническое сотрудничество России со странами Центральной Азии на современном этапе // Казачество. 2016. № 3(16). С. 7—16.

Хасанов Р.Ш. Парадигмальные основы современной внешней политики Турции // МНИЖ. 2015. № 7-4 (38). С. 96—98.

Чжан Юйянь. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 1. С. 78—87.

Чоршанбиев П. Китай увеличил товарооборот со странами Центральной Азии // Asia Plus Tajikistan, 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250203/kitai-uvlichil-tovarooborot-so-stranami-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 25.10.2025).

Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель — Observer. 2017. № 11(334). С. 73—82.

Шепель Т.С., Ходоченко А.В. Национальные экономические интересы России в странах Центральной Азии в условиях трансформации мирового геоэкономического пространства // Финансовые исследования. 2023. № 1(78). С. 120—131.

Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 58—76.

Эршен Эмре. Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 111—125.

Юсупов М. Организационно-правовые, экономические и политические аспекты дипломатических отношений Турции и Центральной Азии // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 7 (9). С. 53—61.

Armstrade, World weaponry trade analysis center. URL: <https://armstrade.org> (дата обращения: 12.10.2025).

Turkic Investment Fund. URL: <https://www.turkicfund.org/> (дата обращения: 18.10.2025).

Turkic World Vision 2040. URL: <https://www.turkicstates.org/en/news/turkic-world-vision-2040> (дата обращения: 18.10.2025).

References:

Abdulkirimov, B. (n.d.). Sammit v Tashkente oznamoval novuyu eru v otnosheniyakh Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana [Summit in Tashkent Marked a New Era in Relations between Central Asia and Azerbaijan]. AA.com.tr. Retrieved from <https://www.aa.com.tr/ru> (accessed: 18.10.2025).

Abdusattorova, E. A. (2025). Turkey and Central Asia: From Post-Soviet Diplomacy to Pragmatic Partnership. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*, 4(85), 576—590.

Arzhaev, F. I. (2023). Russia's Geoeconomic Strategy in Central Asia under Sanctions Pressure. *Nauchnyy rezul'tat. Ekonomicheskkiye issledovaniya [Scientific Result. Economic Research]*, 3, 5—15.

Avatkov, V. A., & Guzaerov, R. I. (2024). Eurasianism in Turkey: A View on Russia and the Formation of its Own Paradigm. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law]*, 17(4), 20—34.

Avatkov, V. A., & Prilepskiy, P. A. (2022). Turkey and Central Asia During the Coronavirus Pandemic. *Mirovaya politika [World Politics]*, 2, 35—46.

Bedritskiy, A. V. (2025). The “Century of Turkey” Program and Russia's Interests in the Post-Soviet Space. *Postsovetskiye issledovaniya [Post-Soviet Studies]*, 5, 542—551.

Burashnikova, A. B. (2013). Neo-Pan-Turkism and Neo-Ottomanism in Turkey's Foreign Policy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations]*, 13(2), 65—69.

Chorshanbiev, P. (2025). *Kitay uvelichil tovarooorot so stranami Tsentral'noy Azii* [China Increased Trade Turnover with Central Asian Countries]. *Asia Plus Tajikistan*. Retrieved from <https://asiaplus.tj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250203/kitai-uvelichil-tovarooborot-so-stranami-tsentralnoi-azii> (Accessed: 25.10.2025).

Davletbakov, S. K. (2022). Pan-Turkism and Modern Turkish Foreign Policy. *Skif*, 6(70), 230—234.

Elena, G. G. (2023). The Role of the Islamic Factor in Turkey's Foreign Policy in Central Asia. *Islamovedeniye [Islamic Studies]*, 3(57), 15—26.

Ershen, E. (2022). Turkey and Eurasian Integration: Ideology or Pragmatism? *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]*, 22(1), 111—125.

Fesenko, E. S. (2022). Neo-Pan-Turkism in Turkey's Foreign Policy: Directions of Interaction with Central Asian States. *Skif*, 5(69), 217—221.

Filonenko, A. E. (2016). Military and Military-Technical Cooperation between Russia and Central Asian Countries at the Present Stage. *Kazachestvo*, 3(16), 7—16.

Gasanova, A. B. (2022). *West—East—Russia 2021: Yearbook*. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 52—56.

Gordienko, D. V. (2015). Shanghai Cooperation Organization as a Platform for Dialogue on Regional Security Issues. *Natsional'nyye interesy: priorityty i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*, 37(322), 44—66.

Grafov, D. B. (2022). Balancing Strategy in Turkey's Foreign Policy. *Vestnik MGIMO [MGIMO Bulletin]*, 3, 115—142.

Jacupov T. Central Asia in the Foreign Policy Concept of Turkey. *Post-Soviet Studies*, 2018, No. 5, 437—444.

Kazantsev, A. A. (2012). Where Central Asia is Heading: Changing Roles of Global Players in Perspective until 2020. *POLITEKS*, 1, 84—96.

Khasanov, R. Sh. (2015). Paradigmatic Foundations of Modern Turkish Foreign Policy. *MNIZh*, 7—4(38), 96—98.

Kirillova, M. P. (2018). Evolution of Modern Turkey's Foreign Policy. *Gumanitarnyy aktsent [Humanitarian Accent]*, 4, 14—20.

Leksyutina, Ya. V. (2025). China in World and Regional Politics. *History and Modernity*, 30, 309—323.

Moskalenko, V. A. Turkey's “Soft Power” in Integration Processes in Central Asia. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 2021, no. 4—1, pp. 128—132.

Volkov, I. V., & Litvinov, V. P. (2025). Turkey and Central Asia: Past and Present in the System of International Relations. *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law], 1, 95–102.

Yusupov, M. (2020). Organizational, Legal, Economic, and Political Aspects of Diplomatic Relations between Turkey and Central Asia. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 7(9), 53–61.

Armstrade, World weaponry trade analysis center. URL: <https://armstrade.org> (accessed: 12.10.2025).

Zasedaniye Soyuza Tyurkskikh Torgovo-promyshlennykh palat ukreplyayet sotrudnichestvo [Meeting of the Union of Turkic Chambers of Commerce and Industry Strengthens Cooperation]. (n.d.). *cci.kg*. Retrieved from <https://cci.kg/news/1/3706.html> (accessed: 18.10.2025).

Zhang, Y. (2023). Organizatsiya tyurkskikh gosudarstv (OTG): proiskhozhdeniye, motivy, osobennosti i vliyaniye [Organization of Turkic States (OTS): Origin, Motives, Features and Influence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 17(1), 78–87.

Поступила в редакцию: 05.12.2025

Принята к публикации: 24.12.2025

Received: Dec 5, 2025

Accepted: Dec 24, 2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.24.59.008

III Международная молодежная научная конференция «Настоящее и будущее Евразии. История, политика, экономика и право» в ИКСА РАН

Автор: Козлова Екатерина Андреевна, аспирант, младший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0009-1312-5594. E-mail: kozlova@iccaras.ru

III International Youth Scientific Conference “The Present and Future of Eurasia: History, Politics, Economics, and Law” at ICCA RAS

Author: Kozlova Ekaterina A., PhD student, junior researcher at the Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0009-1312-5594. E-mail: kozlova@iccaras.ru

5 декабря 2025 г. в Институте Китая и современной Азии РАН состоялась III Международная молодежная научная конференция «Настоящее и будущее Евразии. История, политика, экономика и право», организованная Центром центральноазиатских исследований ИКСА РАН. Конференция была посвящена актуальным вопросам трансформации евразийского пространства в условиях глобальных политических, экономических и институциональных изменений.

Работа конференции проходила в рамках двух параллельных сессий. Первая сессия была посвящена проблематике истории и политики Евразии. В рамках данной сессии был представлен доклад аспиранта ИКСА РАН **Го Аньбана**, в котором рассматривалось влияние запуска Евразийского экспресс-контейнерного маршрута через Арктику на российско-китайские отношения. Докладчик проанализировал как кооперативные возможности, связанные с развитием энергетического и инфраструктурного взаимодействия, так и возникающие разногласия в вопросах правового статуса маршрута и распределения экономических выгод.

В работах молодых исследователей просматривался интерес к расширению вовлечённости России в многосторонние форматы на евразийском пространст-

ве. В докладе аспиранта, младшего научного сотрудника ЦЦАИ ИКСА РАН **Е.А. Козловой** о молодёжных инициативах в рамках ШОС были рассмотрены существующие проекты и инициативы внутри организации, их связь с повесткой организации «на взрослом уровне» и особенности их поддержки и продвижения со стороны стран-участниц. Кроме того, был предложен ряд существенных дополнений к существующим форматам, которые позволили бы вывести молодёжную повестку ШОС одновременно и в качестве инструмента интеграции, и всестороннего продвижения интересов стран Глобального Юга.

В рамках политико-идеологического измерения трансформации мировой системы был представлен доклад аспиранта ИКСА РАН **Шэня Дайюя**, посвящённый переосмыслению международного порядка через призму концепции Глобального Юга. В докладе была показана роль Китая и России как ключевых акторов формирования полицентричной архитектуры международных отношений, а также значение таких институтов, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, в институционализации альтернативных моделей глобального управления.

Отдельный интерес вызвал доклад **М.А. Пятосина**, посвящённый деятельности религиозных организаций Республики Корея в приграничных регионах Российской Федерации. В исследовании были проанализированы антропологические и внешнеполитические аспекты религиозной активности корейских организаций, а также их роль в трансграничных сетях взаимодействия и формировании политического влияния в среде диаспоры.

В рамках политико-стратегического анализа региональных процессов был также представлен доклад аспиранта ИКСА РАН **Ю.А. Самохина**, посвящённый эволюции внешнеполитической стратегии Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период с 2012 по 2025 год. В докладе был проанализирован переход японской внешней политики от преимущественно реактивной модели к более активному и проактивному курсу, связанного с концепцией «проактивного пацифизма», а также с продвижением инициативы «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Особое внимание было уделено роли Японии как «средней державы», сочетающей либерально-институциональные инструменты с реалистскими мотивами в условиях усиления Китая и трансформации регионального баланса сил. Докладчик подчеркнул, что данная двойственность становится ключевой характеристикой современной стратегии Токио и отражает более широкий процесс адаптации средних держав к изменяющейся архитектуре безопасности в АТР.

Вторая сессия конференции была посвящена вопросам мировой экономики и международного права. В рамках данной секции аспирант ИКСА РАН **И.Р. Багьев** представил доклад, посвящённый энергетическому сотрудничеству государств Центральной Азии в системе интересов России, Китая и Европейского союза. Докладчик проанализировал ресурсный потенциал региона, конкуренцию внешних акторов, а также риски и перспективы развития энергетического взаимодействия в условиях геополитической нестабильности.

Экономическое измерение евразийской интеграции было раскрыто в докладе аспиранта ИКСА РАН **Ли Юйкуня**, посвящённом торгово-экономическому сотрудничеству между Китаем и Евразийским экономическим союзом. В докла-

де были рассмотрены факторы экономической взаимодополняемости, динамика товарооборота и инвестиций, а также влияние санкционного давления и нетрадиционных угроз безопасности на развитие двусторонних отношений.

Проблематика энергетической безопасности и высокотехнологического сотрудничества была представлена в докладе **А.Р. Неустроевой**, посвящённом российско-китайскому взаимодействию в сфере атомной энергетики. В докладе было показано, что различия в структуре энергобалансов двух стран создают объективные предпосылки для углубления сотрудничества, при этом особое внимание было уделено вопросам трансфера технологий, санкционных ограничений и конкуренции на глобальном рынке ядерных технологий.

По итогам конференции было отмечено высокое качество представленных исследований и их практическая значимость для изучения современных процессов в Евразии. Лучшие доклады рекомендованы к публикации в последующих выпусках журнала «Евразийские исследования».